

МАРШАЛ Г.К.ЖУКОВ

ВОСПОМИНАНИЯ И РАЗМЫШЛЕНИЯ

Г.К.ЖУКОВ

**ВОСПОМИНАНИЯ
И РАЗМЫШЛЕНИЯ**

К 90-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ

Издательство
Агентства печати Новости
Москва, 1986

Жуков был великим полководцем
суворовской школы.

Он понимал, что на плечи солдата
легла самая нелегкая часть
ратного подвига.

Думаю, поэтому его воспоминания
и пользуются такой любовью.

Писателям-профессионалам
иной раз нелегко тягаться
с такой литературой.

Это — свидетельства очевидцев
и участников событий.

Михаил ШОЛОХОВ

ЧЕТЫРЕЖДЫ
ГЕРОЙ
СОВЕТСКОГО
СОЮЗА

МАРШАЛ
СОВЕТСКОГО
СОЮЗА

Г.К. ЖУКОВ

ВОСПОМИНАНИЯ И РАЗМЫШЛЕНИЯ

В трех томах

ТОМ

1

Седьмое издание

За многолетнюю и систематическую помощь, оказанную мне в подготовке рукописи этой книги, выражаю благодарность Семеновой Клавдии Евгеньевне.

Г ЖУКОВ

В КНИГЕ ИСПОЛЬЗОВАНЫ ФОТОДОКУМЕНТЫ ИЗ ЛИЧНОГО АРХИВА МАРШАЛА СОВЕТСКОГО СОЮЗА Г. К. ЖУКОВА, ЦЕНТРАЛЬНОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО АРХИВА КИНОФОНОФОТОДОКУМЕНТОВ, ЦЕНТРАЛЬНОГО МУЗЕЯ ВООРУЖЕННЫХ СИЛ СССР, ФОТОАРХИВА ЖУРНАЛА «СОВЕТСКИЙ ВОИН», ФОТОТЕКИ АПН, ФОТОХРОНИКИ ТАСС, ЖУКОВСКОГО НАРОДНОГО ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКОГО МУЗЕЯ, А ТАКЖЕ ФОТОГРАФИИ СОВЕТСКИХ ВОЕННЫХ ФОТОКОРРЕСПОНДЕНТОВ:

М. Альперта	О. Ландер	М. Трахмана
П. Бернштейна	С. Лоскутова	А. Устинова
Н. Бобе	Р. Мазелева	Е. Халдея
Н. Грановского	Н. Максимова	Н. Хандогина
Я. Давидзона	А. Морозова	Г. Хомзора
Э. Евзерихина	К. Невзорова	В. Хломова
Г. Зельмы	Г. Петрусова	В. Целика
В. Иванова	Л. Поликашина	Д. Чернова
А. Капустянского	М. Редькина	И. Шагина
Г. Капустянского	Я. Рюмкина	А. Шайхета
П. Касаткина	Г. Санько	Д. Шулькина
В. Кинеловского	Е. Стоналова	В. Юдина
Б. Кудоярова	В. Темина	

Жуков Г. К.

Ж86 Воспоминания и размышления. В 3-х т. Т. 1.— 7-е изд.—М.: Изд-во Агентства печати Новости, 1986.—303 с., ил. (Б-чка АПН).

400 000 экз.

Первая книга, как и положено мемуарам, автобиографична. Автор рассказывает о своем тяжелом детстве крестьянского мальчика, отданного в одиннадцать лет «в люди», о службе в царской армии и участии в первой мировой войне. О том, как с оружием в руках в числе миллионов таких же рабочих и крестьянских парней он защищал Советскую власть в рядах только что созданной Красной Армии. О том, как Великая Октябрьская социалистическая революция открыла для миллионов простых тружеников новые возможности, вывела на широкую дорогу новой жизни.

Ж 1302000000 -115 Без объявл.
067(02)-86

ББК 63.3(2)722
9(с)27

© Издательство Агентства печати Новости, 1974

СОВЕТСКОМУ СОЛДАТУ
ПОСВЯЩАЮ

Г. Хруков

Детство и юность

На склоне лет своих трудно вспомнить все, что было в жизни. Годы, дела и события выветрили из памяти многое, особенно относящееся к детству и юности. Запомнилось лишь то, что забыть нельзя.

Дом в деревне Стрелковке Калужской губернии, где я родился 19 ноября (по старому стилю) 1896 года, стоял посредине деревни. Был он очень старый и одним углом крепко осел в землю. От времени стены и крыша обросли мохом и травой. Была в доме всего одна комната в два окна.

Отец и мать не знали, кем и когда был построен наш дом. Из рассказов старожиллов было известно, что в нем когда-то жила бездетная вдова Аннушка Жукова. Чтобы скрасить свое одиночество, она взяла из приюта двухлетнего мальчика — моего отца. Кто были его настоящие родители, никто сказать не мог, да и отец потом не старался узнать свою родословную. Известно только, что мальчика в возрасте трех месяцев оставила на пороге сиротского дома какая-то женщина, приложив записку: «Сына моего зовите Константином». Что заставило бедную женщину бросить ребенка на крыльцо приюта, сказать невозможно. Вряд ли она пошла на это из-за отсутствия материнских чувств, скорее всего — по причине своего безвыходно тяжелого положения.

После смерти приемной матери, едва достигнув восьмилетнего возраста, отец пошел в ученье к сапожнику в большое село Угодский Завод. Он рассказывал потом, что ученье сводилось в основном к домашней работе. Приходилось и хозяйских детей нянчить, и скот пасти. «Проучившись» таким образом года три, отец отправился искать другое место. Пешком добрался до Москвы, где в конце

концов устроился в сапожную мастерскую Вейса. У Вейса был и собственный магазин модельной обуви.

Я не знаю подробностей, но, по рассказам отца, он в числе многих других рабочих после событий 1905 года был уволен и выслан из Москвы за участие в демонстрациях. С того времени и по день своей смерти в 1921 году отец безвыездно жил в деревне, занимаясь сапожным делом и крестьянскими работами.

Мать моя, Устинья Артемьевна, родилась и выросла в соседней деревне Черная Грязь в крайне бедной семье.

Когда отец и мать поженились, матери было тридцать пять, а отцу — пятьдесят. У обоих это был второй брак. После первого брака оба рано овдовели.

Мать была физически очень сильным человеком. Она легко поднимала с земли пятипудовые мешки с зерном и переносила их на значительное расстояние. Говорили, что она унаследовала физическую силу от своего отца — моего деда Артема, который подлезал под лошадь и поднимал ее или брал за хвост и одним рывком сажал на круп.

Тяжелая нужда, ничтожный заработок отца на сапожной работе заставляли мать подрабатывать на перевозке грузов. Весной, летом и ранней осенью она трудилась на полевых работах, а поздней осенью отправлялась в уездный город Малоярославец за бакалейными товарами и возила их торговцам в Угодский Завод. За поездку она зарабатывала рубль-рубль двадцать копеек. Ну какой это был заработок? Если вычесть расходы на корм лошадям, ночлег в городе, питание, ремонт обуви и т. п., то оставалось очень мало. Я думаю, нищие за это время собирали больше.

Однако делать было нечего, такова была тогда доля бедняцкая, и мать трудилась безропотно. Многие женщины наших деревень поступали так же, чтобы не умереть с голоду. В непролазную грязь и стужу возили они грузы из Малоярославца, Серпухова и других мест, оставляя малолетних детей под присмотром бабушек и дедушек, еле передвигавших ноги.

Большинство крестьян наших деревень жили в бедности. Земли у них было мало, да и та неурожайная. Полевыми работами занимались главным образом женщины, старики и дети. Мужчины работали в Москве, Петербурге и других городах на отхожем промысле.

Получали они мало — редкий мужик приезжал в деревню с хорошим заработком в кармане.

Конечно, были в деревнях и богатые крестьяне — кулаки. Тем жилось неплохо: у них были большие светлые дома с уютной обстановкой, на дворах много скота и птицы, а в амбарах — большие запасы муки и зерна. Их дети хорошо одевались, сытно ели и учились в лучших школах. На этих людей в основном трудились бедняки наших деревень, часто за нищенскую плату — кто за хлеб, кто за корм, кто за семена.

Мы, дети бедняков, видели, как трудно приходится нашим матерям, и горько переживали их слезы. И какая бывала радость, когда из Малоярославца привозили нам по баранке или прянику! Если же удавалось скопить немного денег к рождеству или пасхе на пироги с начинкой, тогда нашим восторгам не было границ.

Когда мне исполнилось пять лет, а сестре Маше шел седьмой год, мать родила еще мальчика, которого называли Алексеем. Был он очень худенький, и все боялись, что он не выживет. Мать плакала и говорила:

— А от чего же ребенок будет крепкий? С воды и хлеба, что ли?

Через несколько месяцев после родов она вновь решила ехать в город на заработки. Соседи отговаривали ее, советовали побереечь мальчика, который был еще очень слаб и нуждался в материнском молоке. Но угроза голода всей семье заставила мать уехать, и Алеша остался на наше попечение. Прожил он недолго: меньше года. Осенью похоронили его на кладбище в Угодском Заводе. Мы с сестрой, не говоря уже об отце с матерью, очень горевали об Алеше и часто ходили к нему на могилку.

В том году нас постигла и другая беда: от ветхости обвалилась крыша дома.

— Надо уходить отсюда, — сказал отец, — а то нас всех придавит. Пока тепло, будем жить в сарае, а потом видно будет. Может, кто-нибудь пустит в баню или ригу.

Я помню слезы матери, когда она говорила нам:

— Ну что ж, делать нечего, таскайте, ребята, все барахло из дома в сарай.

Отец смастерил маленькую печь для готовки, и мы обосновались в сарае как могли.

На «новоселье» к отцу пришли его приятели и начали шутить:

— Что, Костюха, говорят, ты с домовым не поладил, выжил он тебя?

— Как не поладил? — сказал отец. — Если бы не поладил, он нас наверняка придавил бы.

— Ну что ты думаешь делать? — спросил Назарыч, сосед и приятель отца.

— Ума не приложу...

— А чего думать, — вмешалась мать, — надо корову брать за рога и вести на базар. Продадим ее и сруб купим. Не успеешь оглянуться, как пройдет лето, а зимой какая же стройка...

— Верно говорит Устинья, — загалдели мужики.

— Верно-то верно, но одной коровы не хватит, — сказал отец, — а у нас, кроме нее, только лошадь старая.

На это никто не отозвался, но всем было ясно, что самое тяжелое для нас еще впереди.

Через некоторое время отцу удалось где-то по сходной цене, да еще в рассрочку, купить небольшой сруб. Соседи помогли нам перевезти его, и к ноябрю дом был построен. Крышу покрыли соломой.

— Ничего, поживем и в этом, а когда разбогатеем, построим лучше, — сказала мать.

С наружной стороны дом выглядел хуже других: крыльцо было сбито из старых досок, окна застеклены осколками. Но мы все были очень рады, что к зиме будем иметь свой теплый угол, а что касается тесноты, то, как говорится, в тесноте, да не в обиде.

С осени 1902 года мне пошел седьмой год. Рано наступившая зима для нашей семьи оказалась очень тяжелой. Год выдался неурожайный, и своего зерна хватило только до середины декабря. Заработки отца и матери уходили на хлеб, соль и уплату долгов. Спасибо соседям, они иногда нас выручали то щами, то кашей. Такая взаимопомощь в деревнях была не исключением, а скорее традицией дружбы и солидарности русских людей, живших в тяжелой нужде.

С наступлением весны дела немного наладились, так как на редкость хорошо ловилась рыба в реках Огублянке и Протве. Огублянка — небольшая речка, мелководная и сильно заросшая тиной. Выше деревни Костинки, ближе к селу Болотскому, где река брала свое начало из мелких ручейков, места были очень глубокие, там и водилась крупная рыба. В Огублянке, особенно в районе

нашей деревни и соседней деревни Огуби, было много плотвы, окуня и линя, которого мы ловили главным образом корзинами. Случались очень удачные дни, и я делился рыбой с соседями за их щи и кашу.

Нам, ребятам, особенно нравилось ходить ловить рыбу на Протву, в район Михалевых гор. Дорога туда шла через густую липовую рощу и чудесные березовые перелески, где было немало земляники и полевой клубники, а в конце лета — много грибов. В этой роще мужики со всех ближайших деревень драли лыко для лаптей, которые у нас называли «выходные туфли в клетку».

Сейчас рощи и перелесков нет — их вырубili немецкие оккупанты, а после Отечественной войны колхоз распахал землю под посевы.

Однажды летом отец сказал:

— Ну, Егор, ты уже большой — скоро семь, пора тебе браться за дело. Я в твои годы работал не меньше взрослого. Возьми грабли, завтра поедем на сенокос, будешь с Машей растрясать сено, сушить его и сгребать в копны.

Мне нравился сенокос, на который меня часто брали с собой старшие. Но теперь я ехал туда с сознанием, что отправляюсь не забавляться, как это бывало раньше. Я гордился, что теперь сам участвую в труде и становлюсь полезным семье. На других подводах видел своих товарищей-одногудков, также с граблями в руках.

Работал я с большим старанием, и мне было приятно слышать похвалу старших. Но, кажется, перестарался: на ладонях быстро появились мозоли. Мне было стыдно в этом признаться, и я терпел до последней возможности. Наконец мозоли прорвались, и я уже не мог больше грести.

— Ничего, пройдет! — сказал отец. Лоскутом он перевязал мне ладони.

Несколько дней я не мог работать граблями и только помогал сестре носить и складывать сено в копны. Ребята надо мной посмеивались. Но через несколько дней я вновь вошел в строй и работал не хуже их.

Когда подошла пора уборки хлебов, мать сказала:

— Пора, сынок, учиться жать. Я тебе купила в городе новенький серп. Завтра утром пойдем жать рожь.

Жатва пошла неплохо, но скоро меня опять постигла неудача. Желая блеснуть своими успехами, я поторопил-

ся, резанул серпом по мизинцу левой руки. Мать сильно перепугалась, я тоже. Соседка, тетка Прасковья, которая оказалась рядом, приложила к пальцу лист подорожника и крепко перевязала его тряпицей.

Сколько лет с тех пор прошло, а рубец на левом мизинце сохранился и напоминает мне о первых неудачах на сельскохозяйственном фронте...

Быстро прошло трудовое лето. Я уже приобрел навык в полевых работах и окреп физически.

Близились осень 1903 года, и для меня наступала ответственная пора. Ребята — мои одноклассники — готовились идти в школу. Готовился и я. По букварю сестры старался изучить печатные буквы. Из нашей деревни этой осенью должны были пойти в школу еще пять ребят, в их числе мой закадычный друг Лешка Колотырный. «Колотырный» — это было его прозвище, а настоящая фамилия — Жуков. Жуковых в нашей деревне было пять дворов. Однофамильцев различали по именам матерей. Нас звали Устиныны, других — Авдотьины, третьих — Татьянины и т. д.

Учиться нам предстояло в церковноприходской школе, которая была в деревне Величково, в полутора километрах от нас. Там учились ребята из четырех окрестных деревень — Лыково, Величково, Стрелковки и Огуби.

Некоторым ребятам родители купили ранцы, и они хвастались ими. Мне и Лешке вместо ранцев сшили из холстины сумки. Я сказал матери, что сумку носят нищие и с ней ходить в школу не буду.

— Когда мы с отцом заработаем деньги, обязательно купим тебе ранец, а пока ходи с сумкой.

В школу меня отвела сестра Маша. Она училась уже во втором классе. В нашем классе набралось 15 мальчиков и 13 девочек.

После знакомства с нами учитель рассадил всех по партам. Девочек посадил с левой стороны, мальчиков — с правой. Я очень хотел сидеть с Колотырным. Но учитель сказал, что вместе посадить нас нельзя, так как Леша не знает ни одной буквы и к тому же маленький ростом. Его посадили на первую парту, а меня — на самую последнюю. Лешка мне сказал, что постарается поскорее выучить все буквы, чтобы нам обязательно сидеть вместе. Но этого так и не случилось. Леша постоянно был в числе отстающих. Его часто за незнание уроков оставляли в

классе после занятий, но он был на редкость безропотным парнем и не обижался на учителей.

Учителем в школе был Сергей Николаевич Ремизов, опытный педагог и хороший человек. Он зря никого не наказывал и никогда не повышал голоса на ребят. Ученики его уважали и слушались.

Отец Сергея Николаевича, тихий и добрый старичок, был священником и преподавал в нашей школе «закон божий».

Сергей Николаевич, как и его брат Николай Николаевич, врач, был безбожник и в церковь ходил только ради приличия. Оба брата пели в церковном хоре. У меня и у Леши Колотырного были хорошие голоса, и нас обоих включили в школьный хор.

Во второй класс все ребята нашей деревни перешли с хорошими отметками, и только Лешу, несмотря на нашу коллективную помощь, не перевели — по «закону божьему» у него была двойка.

Моя сестра училась тоже плохо и осталась во втором классе на второй год. Отец с матерью решили, что ей надо бросать школу и браться за домашнее хозяйство. Маша горько плакала и доказывала, что она не виновата и осталась на второй год только потому, что пропустила много уроков, ухаживая за Алешей, когда мать уезжала в извоз. Я заступался за сестру и говорил, что другие родители тоже работают, ездят в извоз, но своих детей никто из школы не берет и все подруги сестры будут продолжать учебу. В конце концов мать согласилась. Маша была очень довольна, и я был рад за нее.

Нам было жаль мать, мы с сестрой своим детским умом понимали, что ей очень трудно. К тому же отец, который был в это время на заработках в Москве, стал очень редко и мало присылать нам денег. Раньше он высылал матери два-три рубля в месяц, а в последнее время — когда придет рубль, а когда и того меньше. Соседи говорили, что не только наш отец, но и другие рабочие в Москве стали плохо зарабатывать.

Помню, в конце 1904 года отец приехал в деревню. Мы с сестрой очень обрадовались и все ждали, когда он нам даст московские гостинцы.

Но отец сказал, что ничего на сей раз привезти не смог. Он приехал прямо из больницы, где пролежал после операции аппендицита двадцать дней, и даже на билет взял займы у товарищей.

Отца моего уважали в деревне, считались с его мнением. Обычно на сходках, собраниях последнее слово принадлежало ему. Я очень любил отца, и он меня баловал. Но бывали случаи, когда отец строго наказывал меня за какую-нибудь провинность и даже бил шпандырем (сапожный ремень), требуя, чтобы я просил прощения. Но я был упрям и — сколько бы он ни бил меня — терпел, но прощения не просил.

Один раз он задал мне такую порку, что я убежал из дому и трое суток жил в конопле у соседа. Кроме сестры, никто не знал, где я. Мы с ней договорились, чтобы она меня не выдавала и носила мне еду. Меня всюду искали, но я хорошо замаскировался. Случайно меня обнаружила в моем убежище соседка и привела домой. Отец еще мне добавил, но потом пожалел и простил.

Помню, как-то отец был в хорошем настроении и взял меня с собой в трактир пить чай. Трактир был в соседней деревне Огуби. Его владелец, деревенский богатей Никифор Кулагин, торговал разными бакалейными товарами. Мужчины и молодежь любили собираться в трактире, где можно было поговорить о новостях, сыграть в лото, карты и выпить по какому-либо поводу, а то и без всякого повода.

Мне понравилось пить чай в трактире среди взрослых, рассказывавших интересные истории о Москве и Петербурге. Я сказал отцу, что всегда буду ходить с ним и слушать, что они там говорят.

В трактире работал половым брат моей крестной матери Прохор. У него было что-то неладно с ногой, и все звали его хромым Прошкой. Несмотря на свою хромоту, Прохор был страстным охотником. Летом он стрелял уток, а зимой ходил на зайца, у нас их тогда было великое множество.

Прохор часто брал меня с собой. Охота доставляла мне огромное удовольствие. Особенно я радовался, когда он убивал зайца из-под моего загона. За уткой мы ходили на Огублянку или на озеро. Обычно Прохор стрелял без промаха. В мою обязанность входило доставать из воды уток.

Я и до сего времени страстно люблю охоту. Возможно, что любовь к ней привил мне в детские годы Прохор.

Отец скоро вновь отправился в Москву. Перед отъез-

дом он рассказал матери, что в Москве и Питере участились забастовки рабочих, доведенных безработицей и жестокой эксплуатацией до отчаяния.

— Ты, отец, не лезь не в свое дело, а то и тебя жандармы сошлют туда, куда Макар телят не гонял,— говорила мать.

— Наше дело рабочее, куда все, туда и мы.

После отъезда отца мы долго ничего не слышали о нем и сильно беспокоились.

Скоро мы узнали, что в Питере 9 января 1905 года царские войска и полиция расстреляли мирную демонстрацию рабочих, которая шла к царю с петицией просить лучших условий жизни.

Весной того же 1905 года в деревнях все чаще и чаще стали появляться неизвестные люди — агитаторы, призывавшие народ на борьбу с помещиками и царским самодержавием.

У нас в деревне дело не дошло до активного выступления крестьян, но брожение среди них было большое. Крестьяне знали о политических стачках, баррикадных боях и Декабрьском вооруженном восстании в Москве. Знали, что восстание рабочих Москвы и других городов России было жестоко подавлено царским правительством и многие революционеры, вставшие во главе рабочего класса, зверски уничтожены, заточены в крепости или сосланы на каторгу. Слышали и о Ленине — выразителе интересов рабочих и крестьян, вожде партии большевиков, партии, которая хочет добиться освобождения трудового народа от царя, помещиков и капиталистов.

Все эти сведения привозили в деревню наши односельчане, работавшие в Москве, Питере и других городах России.

В 1906 году возвратился в деревню отец. Он сказал, что в Москву больше не поедет, так как полиция запретила ему жительство в городе, разрешив проживание только в родной деревне. Я был доволен тем, что отец вернулся насовсем.

В том же году я окончил 3-классную церковноприходскую школу. Учился во всех классах на отлично и получил похвальный лист. В семье все были очень довольны моими успехами, да и я был рад. По случаю успешного окончания школы мать подарила мне новую рубаху, а отец сам сшил сапоги.

— Ну вот, теперь ты грамотный,—сказал отец,—можно будет взять тебя в Москву учиться ремеслу.

— Пусть поживет в деревне еще годик, а потом отвезем в город,—заметила мать.—Пускай подрастет немножко...

С осени 1907 года мне пошел двенадцатый год. Я знал, что это моя последняя осень в родном доме. Пройдет зима, а потом надо идти в люди. Я был очень загружен работой по хозяйству. Мать часто ездила в город за грузом, а отец с раннего утра до поздней ночи сапожничал. Заработок его был исключительно мал, так как односельчане из-за нужды редко могли с ним расплатиться. Мать часто ругала отца за то, что он так мало брал за работу.

Когда же отцу удавалось неплохо заработать на шитье сапог, он обычно возвращался с Угодского Завода подвыпившим. Мы с сестрой встречали его на дороге, и он всегда вручал нам гостинцы — баранки или конфеты.

Зимой в свободное от домашних дел время я чаще всего ходил на рыбалку, катался на самодельных коньках на Огублянке или на лыжах с Михалевых гор.

Наступило лето 1908 года. Сердце мое щемило при мысли, что скоро придется оставить дом, родных, друзей и уехать в Москву. Я понимал, что, по существу, мое детство кончается. Правда, прошедшие годы можно было лишь условно назвать детскими, но на лучшее я не мог рассчитывать.

Помню, как в один из вечеров собрались на нашей завалинке соседи. Зашла речь об отправке ребят в Москву. Одни собирались возить своих детей в ближайшие дни, другие хотели подождать еще год-два. Мать сказала, что отвезет меня после ярмарки, которая бывала у нас через неделю после троицына дня. Лешу Колотырного уже отдали в ученье в столярную мастерскую, хозяином которой был богатый из нашей деревни Мурашкин.

Отец спросил, какое ремесло думаю изучить. Я ответил, что хочу в типографию. Отец сказал, что у нас нет знакомых, которые могли бы помочь определить меня в типографию. И мать решила, что она будет просить своего брата Михаила взять меня в скорняжную мастерскую. Отец согласился, поскольку скорняки хорошо зарабатывали. Я же был готов на любую работу, лишь бы быть полезным семье.

В июле 1908 года в соседнюю деревню Черная Грязь приехал брат моей матери Михаил Артемьевич Пилихин. О нем стоит сказать несколько слов.

Михаил Пилихин, как и моя мать, рос в бедности. Одиннадцати лет его отдали в ученье в скорняжную мастерскую. Через четыре с половиной года он стал мастером. Михаил был очень бережлив и сумел за несколько лет скопить деньги и открыть свое небольшое дело. Он стал хорошим мастером-меховщиком и приобрел много богатых заказчиков, которых обдирал немилосердно.

Пилихин постепенно расширял мастерскую, довел число рабочих-скорняков до восьми человек и, кроме того, постоянно держал еще четырех мальчиков-учеников. Как тех, так и других эксплуатировал беспощадно. Так он сколотил капитал примерно в пятьдесят тысяч рублей.

Вот этого своего брата мать и упросила взять меня в ученье. Она сходила к нему в деревню Черная Грязь, где он проводил лето, и, вернувшись, сказала, что брат велел привести меня к нему познакомиться. Отец спросил, какие условия предложил Пилихин.

— Известно какие, четыре с половиной года мальчиком, а потом будет мастером.

— Ну что ж, делать нечего, надо вести Егорку к Михаилу.

Через два дня мы с отцом пошли в деревню Черная Грязь. Подходя к дому Пилихиных, отец сказал:

— Смотри, вон сидит на крыльце твой будущий хозяин. Когда подойдешь, поклонись и скажи: «Здравствуйте, Михаил Артемьевич»:

— Нет, я скажу: «Здравствуйте, дядя Миша!» — возразил я.

— Ты забудь, что он тебе доводится дядей. Он твой будущий хозяин, а богатые хозяева не любят бедных родственников. Это ты заруби себе на носу.

Подойдя к крыльцу, на котором, развалившись в плетеном кресле, сидел дядя Миша, отец поздоровался и подтолкнул меня вперед. Не ответив на приветствие, не подав руки отцу, Пилихин повернулся ко мне. Я поклонился и сказал:

— Здравствуйте, Михаил Артемьевич!

— Ну, здравствуй, молодец! Что, скорняком хочешь быть?

Я промолчал.

— Ну что ж, дело скорняжное хорошее, но трудное.

— Он трудностей не должен бояться, к труду привычен с малых лет,— сказал отец.

— Грамоте обучен?

Отец показал мой похвальный лист.

— Молодец!— сказал дядя, а затем, повернув голову к двери, крикнул:— Эй, вы, оболтусы, идите сюда!

Из комнаты вышли его сыновья Александр и Николай, хорошо одетые и упитанные ребята, а затем и сама хозяйка.

— Вот смотрите, башибузуки, как надо учиться,— сказал дядя, показывая им мой похвальный лист,— а вы все на тройках катаетесь.

Обратившись, наконец, к отцу, он сказал:

— Ну что ж, пожалуй, я возьму к себе в ученье твоего сына. Парень он крепкий и, кажется, неглупый. Я здесь проживу несколько дней. Потом поеду в Москву, но с собой его взять не смогу. Через неделю едет брат жены Сергей, вот он и привезет его ко мне.

На том мы и расстались.

Я был очень рад, что поживу в деревне еще неделю.

— Ну, как вас встретил мой братец?— спросила мать.

— Известно, как нашего брата встречают хозяева.

— А чайком не угостил?

— Он даже не предложил нам сесть с дороги,— ответил отец.— Он сидел, а мы стояли, как солдаты.— И зло добавил:— Нужен нам его чай, мы с сыном сейчас пойдем в трактир и выпьем за свой трудовой пятак.

Мать сунула мне баранку, и мы зашагали к трактиру...

Сборы в Москву были недолгими. Мать завернула пару белья, пару портянок и полотенце, дала на дорогу пяток яиц да лепешек. Помолившись, присели по старинному русскому обычаю на лавку.

— Ну, сынок, с богом!— сказала мать и, не выдержав, горько заплакала, прижав меня к себе.

Я видел, что у отца покраснели глаза и пробежали по щекам слезинки. И я чуть-чуть не заревел, но удержался.

До Черной Грязи мы с матерью шли пешком. По этой дороге я раньше ходил в школу и в лес за ягодами и грибами.

— Помнишь, мать, как вот на этой полоске, около

трех дубов, когда мы с тобой жали, я разрезал себе мизинец?

— Помню, сынок. Матери всегда помнят о том, что было с их детьми. Плохо поступают дети, когда они забывают своих матерей.

— Со мной, мать, этого не случится! — твердо сказал я.

Когда мы с дядей Сергеем сели в поезд, полил проливной дождь. В вагоне стало темно. Одна сальная свечка едва освещала узкий проход вагона третьего класса. Поезд тронулся, за окном замелькали темные очертания лесов и огоньки далеких деревень.

Раньше мне не приходилось ездить в поездах, и я никогда не видел железной дороги. Поэтому поездка эта произвела на меня огромное впечатление. Проехали станцию Балабаново. Вдруг вдали показались какие-то ярко освещенные многоэтажные здания.

— Дядя, что это за город? — спросил я у пожилого мужчины, стоявшего у окна вагона.

— Это не город, паренек. Это наро-фоминская ткацкая фабрика Саввы Морозова. На этой фабрике я проработал 15 лет, — грустно сказал он, — а вот теперь не работаю.

— Почему? — спросил я.

— Долго рассказывать... здесь я похоронил жену и дочь.

Я видел, как он побледнел и на минуту закрыл глаза.

— Каждый раз, проезжая мимо проклятой фабрики, не могу спокойно смотреть на это чудовище, поглотившее моих близких...

Он вдруг отошел от окна, сел в темный угол вагона и закурил, а я продолжал смотреть в сторону «чудовища», которое «глочет» людей, но не решался спросить, как это происходит.

В Москву мы приехали на рассвете. Ехали более четырех часов. Сейчас это расстояние поезд проходит за час с небольшим. Вокзал меня ошеломил. Все страшно спешили к выходу, толкаясь локтями, корзинами, сумками, сундучками. Я не понимал, почему все так торопятся.

— Ты рот не разевай, — сказал мой провожатый. — Здесь тебе не деревня, здесь ухо остро нужно держать.

Наконец мы выбрались на привокзальную площадь.

Возле трактира, несмотря на ранний час, шла бойкая торговля сбитнем, лепешками, пирожками с ливером, требухой и прочими яствами, которыми приезжие могли подкрепиться за недорогую цену. Идти к хозяину было еще рано, и мы решили отправиться в трактир. Около трактира стояли лужи воды и грязи, на тротуаре и прямо на земле примостились пьяные оборванцы. В трактире громко играла музыка, я узнал мелодию знакомой песни «Шумел, горел пожар московский». Некоторые посетители, успев подвыпить, нестройно подтягивали.

Выйдя из трактира, мы отправились на Большую Дорогомиловскую улицу и стали ждать конку. Тогда еще по этой улице не ходил трамвай, он вообще только что появился в Москве. При посадке на конку, в спешке и суете, поднимавшийся впереди по лесенке мужчина нечаянно сильно задел меня каблуком по носу. Из носа пошла кровь.

— Говорил тебе, смотри в оба! — сердито прикрикнул дядя Сергей.

А дядька сунул мне кусок тряпки и спросил:

— Из деревни, что ли? В Москве надо смотреть выше носа, — добавил он.

Вокзальная площадь и окрестные улицы не произвели на меня особого впечатления. Домишки тут были маленькие, деревянные, облезлые. Дорогомиловская улица грязная, мостовая с большими выбоинами, много пьяных, большинство людей плохо одеты.

Но по мере приближения к центру вид города все больше менялся: появлялись большие дома, нарядные магазины, лихие рысаки. Я был как в тумане, плохо соображал и был как-то подавлен. Я никогда не видел домов выше двух этажей, мощеных улиц, извозчиков в колясках с надутыми шинами, или, как их звали, «лихачей», мчавшихся с большой скоростью на красавцах — орловских рысаках. Не видел я никогда и такого скопления людей на улицах. Все это поражало воображение, и я молчал, рассеянно слушая своего провожатого.

Мы повернули к Большой Дмитровке (ныне Пушкинская ул.) и сошли с конки на углу Камергерского переулка (ныне проезд Художественного театра).

— Вот дом, где ты будешь жить, — сказал мне дядя Сергей, — а во дворе помещается мастерская, там будешь работать. Парадный ход в квартиру с Камергерского

Русская деревня до революции.

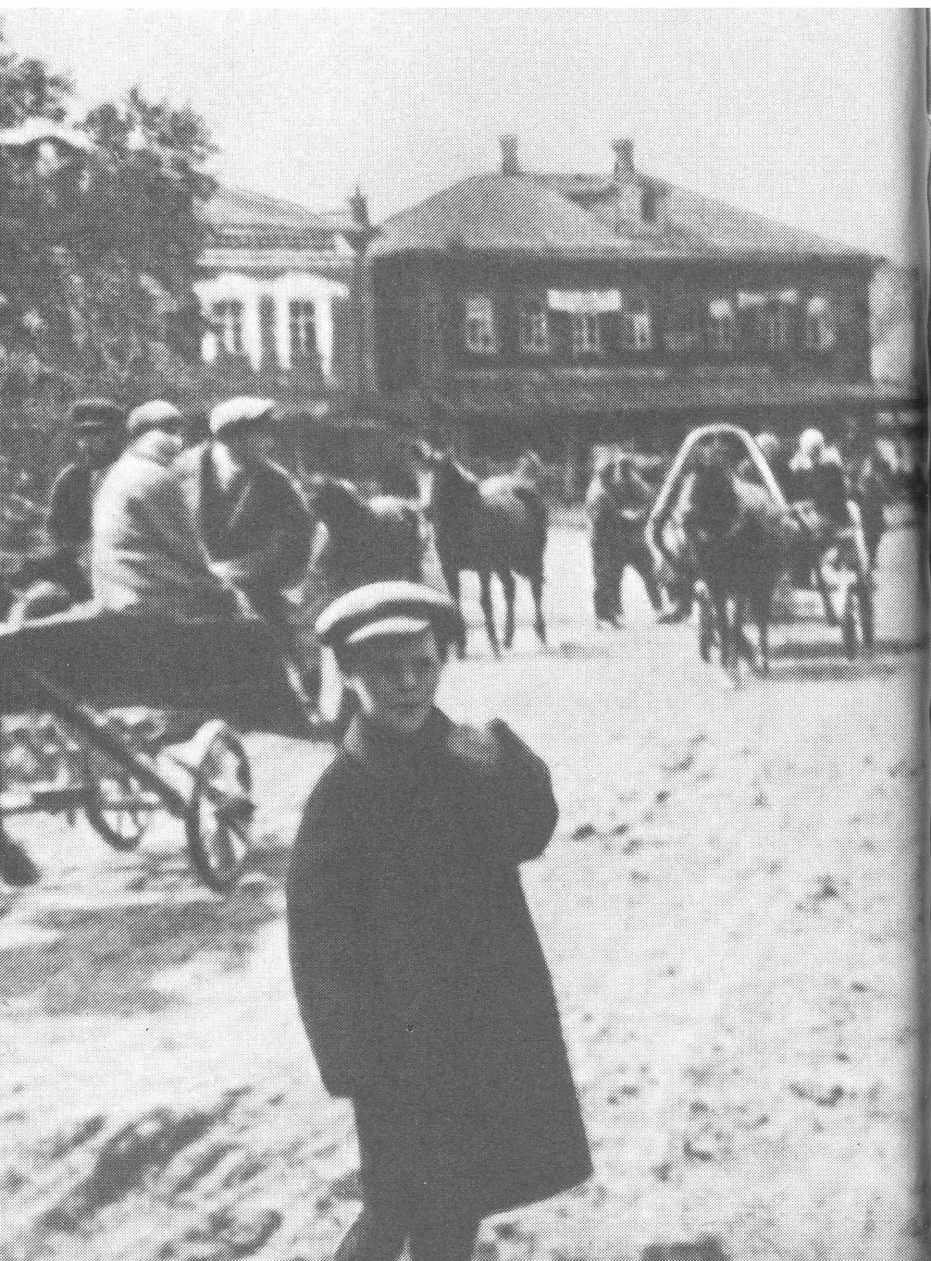

Устинья Артемьевна Жукова.
Снимок 30-х годов.

Родные края.

с. Угодский Завод (ныне село Жуково) в 30-х годах.

Старая Москва.

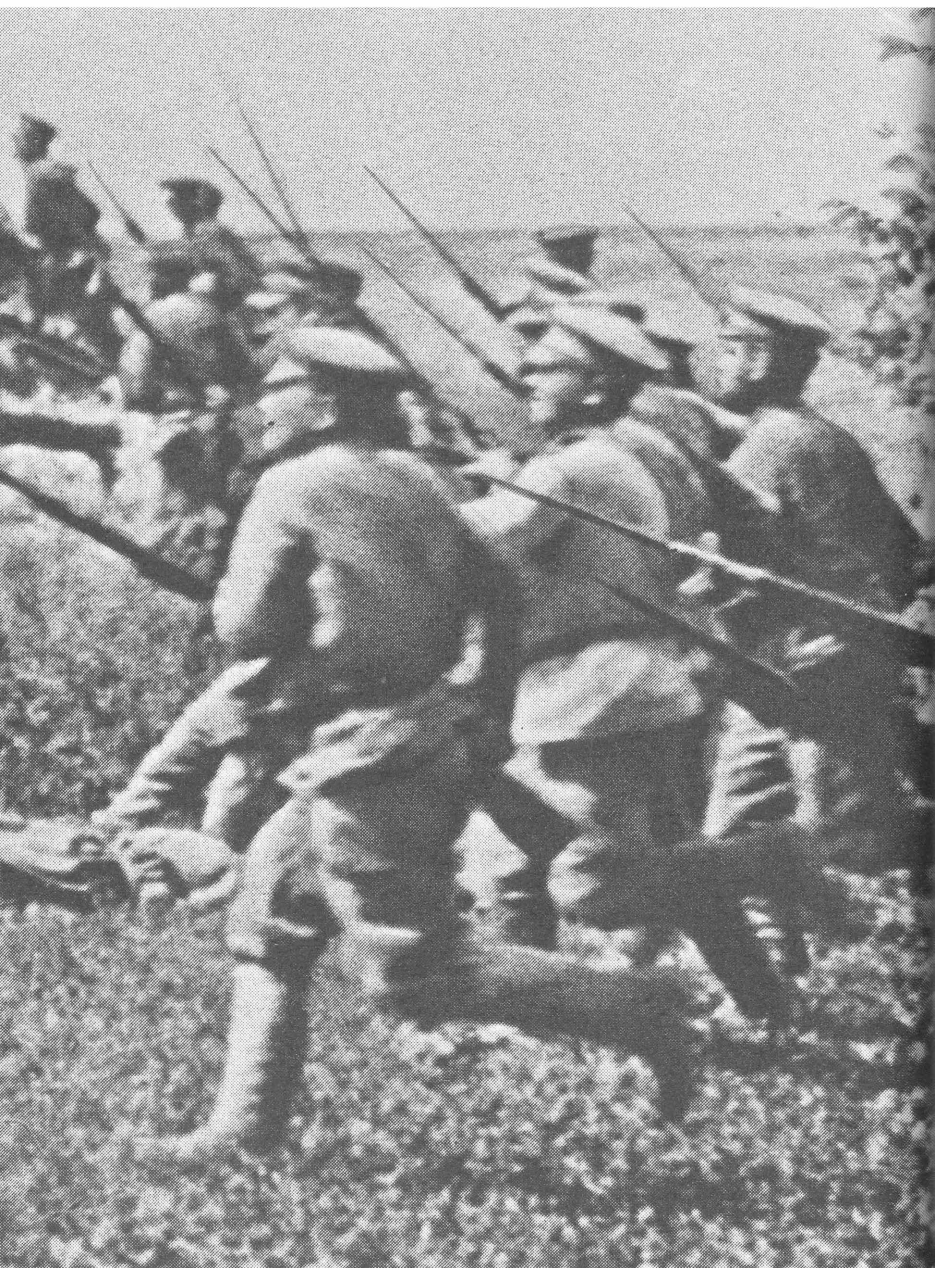

Петровка. 1909 г.

ПЕРВАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА 1914—1918 гг.

Вице-унтер-офицер Г. Жуков. 1916 г.

В санитарном поезде.

Бессмысленные жертвы войны.

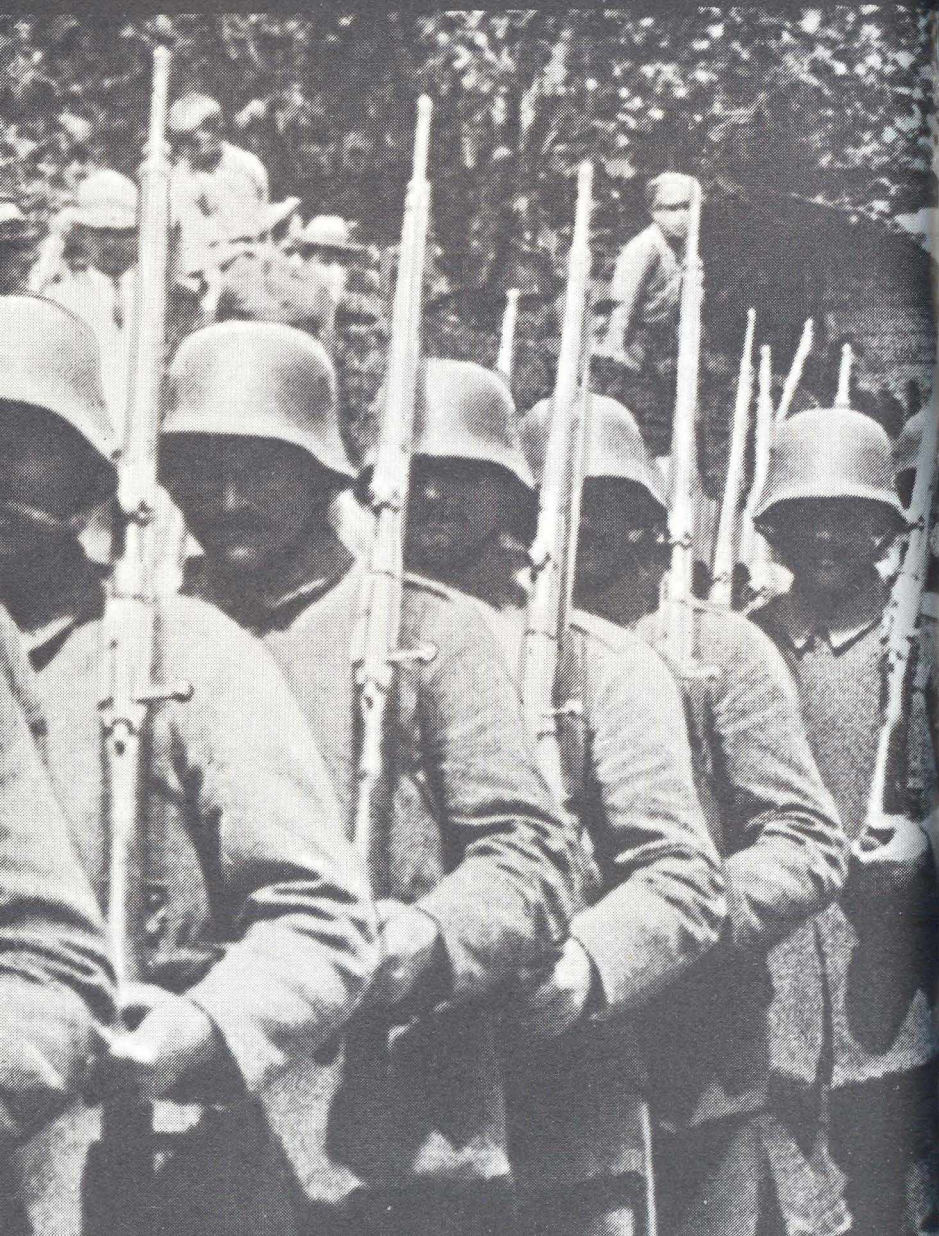

Митинг солдат Духовищенского полка.

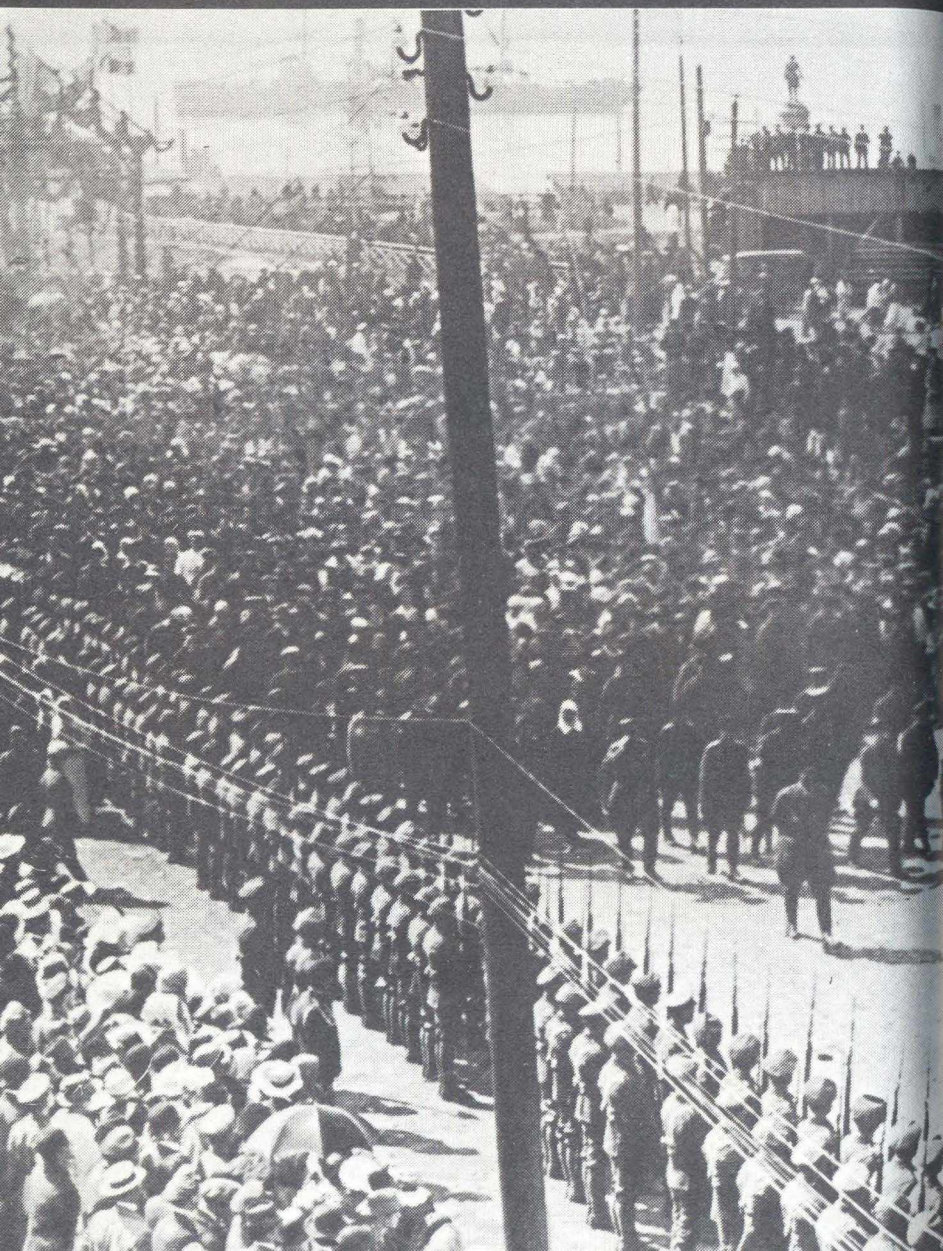

ИНТЕРВЕНЦИЯ. 1918 — 1922 гг.

Вступление интервентов в Архангельск. 1918 г.

Зверства белогвардейцев. 1918 г.

Японские оккупационные части во Владивостоке. 1918 г.

Тяжелые годы разрухи и голода.

«Что нового на фронте?»

переулка, но мастера и мальчики ходят только с черного хода, со двора. Запоминай хорошенько,—продолжал он,—вот Кузнецкий мост, здесь находятся самые лучшие магазины Москвы. Вот это театр Зимина, но там рабочие не бывают. Прямо и направо Охотный ряд, где торгуют зеленью, дичью, мясом и рыбой. Туда ты будешь бегать за покупками для хозяйки.

Пройдя большой двор, мы подошли к работавшим здесь людям, поздоровались с мастерами, которых дядя Сергей уважительно называл по имени и отчеству.

— Вот,—сказал он,—привез из деревни вам в ученье нового мальчика.

— Мал больно,—заметил кто-то,—не мешало бы ему немного подрасти.

— Сколько тебе лет, парень?—спросил высокий человек.

— Двенадцать.

— Ладно, пусть мал ростом, зато у него плечи широкие,—сказал, улыбаясь, высокий.

— Ничего, будет хорошим скорняком,—ласково добавил мастер-старичок.

Это был Федор Иванович Колесов, самый справедливый, как я потом убедился, опытный и авторитетный из всех мастеров.

Отведя меня в сторону, дядя Сергей стал называть по имени каждого мастера и мальчика и рассказывал о них.

Я хорошо запомнил братьев Мишиных.

— Старший брат—хороший мастер, но здорово пьет,—говорил дядя Сергей,—а вот этот, младший, очень жаден до денег. Говорят, что он завтракает, обедает и ужинает всего лишь на десять копеек. Все о своем собственном деле мечтает. А это вот Михайло, он частенько пьет запоем. После получки два-три дня пьет беспробудно. Способен пропить последнюю рубашку и штаны, но мастер—золотые руки. Вот,—дядя Сергей показал на высокого мальчика,—это старший мальчик, твой непосредственный начальник, зовут его Кузьмой. Через год он будет мастером. А вон тот курчавый—это Григорий Матвеев из деревни Трубино, он тебе доводит-ся дальним родственником.

Поднявшись по темной и грязной лестнице на второй этаж, мы вошли в мастерскую.

Вышла хозяйка, поздоровалась и сказала, что хозяина сейчас нет, но скоро должен быть.

— Пойдем, покажу тебе расположение комнат, а потом будешь на кухне обедать.

Хозяйка подробно объяснила мне будущие обязанности — обязанности самого младшего ученика — по уборке помещений, чистке обуви хозяев и их детей, показала, где и какие лампы у икон, когда и как их надо зажигать и т. д.

— Ну, а остальное тебе объяснят Кузьма и старшая мастерица Матреша.

Потом Кузьма, старший мальчик, позвал меня на кухню обедать. Я здорово проголодался и с аппетитом принялся за еду. Но тут случился со мной непредвиденный казус. Я не знал существовавшего порядка, по которому вначале из общего большого блюда едят только щи без мяса, а под конец, когда старшая мастерица постучит по блюду, можно взять кусочек мяса. Сразу выловил пару кусочков мяса, с удовольствием их проглотил и уже начал вылавливать третий, как неожиданно получил ложкой по лбу, да такой удар, что сразу образовалась шишка.

Я был сконфужен тем, что за полдня пребывания в Москве уже дважды оказался битым.

Старший мальчик Кузьма оказался очень хорошим парнем.

— Ничего, терпи, коли будут бить, — сказал он мне после обеда, — за битого двух небитых дают.

В тот же день Кузьма повел меня в ближайшие лавки, куда предстояло ходить за табаком и водкой для мастеров. Кухарка (она же старшая мастерица) Матреша показала, как чистить и мыть посуду и разводить самовар.

С утра следующего дня меня посадили в углу мастерской и сказали, чтобы я прежде всего научился шить мех. Старшая мастерица снабдила меня иглой, нитками и наперстком. Показав технику шитья, она сказала:

— Если что-либо не будет получаться, подойди ко мне, я тебе покажу, как надо шить.

Я усердно принялся за свои первые трудовые уроки.

Работать мастера начинали ровно в семь часов утра и кончали в семь вечера, с часовым перерывом на обед. Следовательно, рабочий день длился одиннадцать часов, а когда случалось много работы, мастера задерживались

до десяти-одиннадцати часов вечера. В этом случае рабочий день доходил до пятнадцати часов в сутки. За сверхурочные они получали дополнительную сдельную плату.

Мальчики-ученики всегда вставали в шесть утра. Быстро умывшись, мы готовили рабочие места и все, что нужно было мастерам для работы. Ложились спать в одиннадцать вечера, все убрав и подготовив к завтрашнему дню. Спали тут же, в мастерской, на полу, а когда было очень холодно,— на полатах в прихожей с черного хода.

Поначалу я очень устал. Трудно было привыкнуть поздно ложиться спать. В деревне мы обычно ложились очень рано. Но со временем втянулся и стоически переносил нелегкий рабочий день.

Первое время очень скучал по деревне и дому. Я вспоминал милые и близкие сердцу рощи и перелески, где так любил бродить с Прохором на охоте, ходить с сестрой за ягодами, грибами, хворостом. У меня сжималось сердце и хотелось плакать. Я думал, что никогда уже больше не увижу мать, отца, сестру и товарищей. Домой на побывку мальчиков отпускали только на четвертом году, и мне казалось, что время это никогда не наступит.

По субботам Кузьма водил нас в церковь ко всенощной, а в воскресенье к заутрене и к обедне. В большие праздники хозяин брал нас с собой к обедне в Кремль, в Успенский собор, а иногда в храм Христа-спасителя. Мы не любили бывать в церкви и всегда старались удрать оттуда под каким-либо предлогом. Однако в Успенский собор ходили с удовольствием—слушать великолепный синодальный хор и специально протодьякона Розова: голос у него был, как иерихонская труба.

Минул год. Я довольно успешно освоил начальный курс скорняжного дела, хотя оно далось мне не без труда. За малейшую оплошность хозяин бил нас немилосердно. А рука у него была тяжелая. Били нас мастера, били мастерицы, не отставала от них и хозяйка. Когда хозяин был не в духе—лучше не попадайся ему на глаза. Он мог и без всякого повода отлупить так, что целый день в ушах звенело.

Иногда хозяин заставлял двух провинившихся мальчиков бить друг друга жимолостью (растение, прутьями которого выбивали меха), приговаривая при этом: «Лупи крепче, крепче!» Приходилось безропотно терпеть.

Мы знали, что везде хозяева бьют учеников — таков был закон, таков порядок. Хозяин считал, что ученики отданы в полное его распоряжение и никто никогда с него не спросит за побои, за нечеловеческое отношение к малолетним. Да никто и не интересовался, как мы работаем, как питаемся, в каких условиях живем. Самым высшим для нас судьей был хозяин. Так мы и тянули тяжелое ярмо, которое и не каждому взрослому было под силу.

Время шло. Мне исполнилось тринадцать лет, и я уже многому научился в мастерской. Несмотря на большую загруженность, все же находил возможность читать. Я всегда с благодарностью вспоминаю своего учителя Сергея Николаевича Ремизова, привившего мне страсть к книгам. Учиться мне помогал старший сын хозяина, Александр. Мы с ним были одноклассники, и он относился ко мне лучше других.

Поначалу с его помощью я прочитал роман «Медицинская сестра», увлекательные истории о Нате Пинкертоне, «Записки о Шерлоке Холмсе» Конан Дойля и ряд других приключенческих книжек, изданных в серии дешевой библиотечки. Это было интересно, но не очень-то поучительно. А я хотел учиться серьезно. Но как? Я поделился с Александром. Он одобрил мои намерения и сказал, что будет помогать.

Мы взялись за дальнейшее изучение русского языка, математики, географии и чтение научно-популярных книг. Занимались обычно вдвоем, главным образом когда не было дома хозяина и по воскресеньям. Но как мы ни прятались от хозяина, он все же узнал о наших занятиях. Я думал, что он меня выгонит или крепко накажет. Однако против ожидания, он похвалил нас за разумное дело.

Так больше года я довольно успешно занимался самостоятельно и поступил на вечерние общеобразовательные курсы, которые давали образование в объеме городского училища.

В мастерской мною были довольны, доволен был и хозяин, хотя нет-нет да и давал мне пинка или затрещину. Вначале он не хотел отпускать меня вечерами на курсы, но потом его уговорили сыновья, и он согласился. Я был очень рад. Правда, уроки приходилось готовить ночью на полатах, около уборной, где горела дежурная лампочка десятка в два свечей.

За месяц до выпускных экзаменов, как-то в воскресенье, когда хозяин ушел к приятелям, мы сели играть в карты. Играли, как помнится, в двадцать одно. Не заметили, как вернулся хозяин и вошел в кухню. Я держал банк, мне везло. Вдруг кто-то дал мне здоровую оплеуху. Я оглянулся и — о, ужас — хозяин! Ошеломленный, я не мог произнести ни слова. Ребята бросились врассыпную.

— Ах, вот для чего тебе нужна грамота! Очки считать? С этого дня никуда больше не пойдешь, и чтоб Сашка не смел с тобой заниматься!

Через несколько дней я зашел на курсы, которые помещались на Тверской улице, и рассказал о случившемся. Учиться мне оставалось всего лишь месяц с небольшим. Надо мной посмеялись и разрешили сдавать экзамены. Экзамены за полный курс городского училища я выдержал успешно.

Шел 1911 год. Я уже три года проработал в мастерской и перешел в разряд старших мальчиков. Теперь и у меня в подчинении было три мальчика-ученика. Хорошо знал Москву, так как чаще других приходилось разносить заказы в разные концы города. Желание продолжать учебу меня не оставляло, но к этому не было никакой возможности. Однако читать все же ухитрялся.

Газеты брал после мастера Колесова, который был политически грамотнее других. Журналы давал мне Александр, книжки покупал сам на сэкономленные «трамвайные» деньги. Пошлет, бывало, хозяин отвезти меха какому-либо заказчику в Марьину рощу или Замоскворечье, даст пяточок или гривенник на конку, а я взвалю мешок с мехами на спину и айда пешком, а монету сберегу на книжку.

На четвертом году ученья меня, как физически более крепкого мальчика, взяли в Нижний Новгород на знаменитую ярмарку, где хозяин снял себе лавку для оптовой торговли мехами. К тому времени он сильно разбогател, завязал крупные связи в торговом мире и стал еще жаднее.

На ярмарке в мою обязанность входили главным образом упаковка проданного товара и отправка его по назначению через городскую пристань на Волге, пристань на Оке или через железнодорожную товарную контору.

Впервые я увидел Волгу и был поражен ее величием и красотой — до этого я не знал рек шире и полноводнее

Протвы и Москвы. Это было ранним утром, и Волга вся искрилась в лучах восходящего солнца. Я смотрел на нее и не мог оторвать восхищенного взгляда.

«Теперь понятно,—подумал я,—почему о Волге песни поют и матушкой ее величают».

На Нижегородскую ярмарку съезжались торговцы и покупатели со всей России. Туда везли свои товары и «заморские купцы» из других государств. Сама ярмарка располагалась за городом между Нижним и Канавином, в низкой долине, которая во время весеннего паводка сплошь заливалась водой.

На Нижегородскую ярмарку собиралось великое множество всякого люда, стремящегося подработать кто честным трудом, а кто темными делами. Туда, как воронье, слетались вору, проститутки, жулики и разные аферисты.

После Нижегородской ярмарки в том же году пришлось поехать на другую ярмарку, в Урюпино, в Область Войска Донского. Туда хозяин не поехал, а послал приказчика Василия Данилова. О ярмарке в Урюпине у меня не осталось таких ярких воспоминаний, как о Нижнем Новгороде и Волге. Урюпино был довольно грязный городишко, и ярмарка там по своим масштабам была невелика.

Приказчик Василий Данилов был человек жестокий и злой. До сих пор не могу понять, почему он с какой-то садистской страстью наносил побои четырнадцатилетнему мальчику по самому малейшему поводу. Однажды я не вытерпел, схватил «ковырок» (дубовая палка для упаковки) и со всего размаха ударил его по голове. От этого удара он упал и потерял сознание. Я испугался, думал, что убил его, и убежал из лавки. Однако все обошлось благополучно.

Когда мы возвратились в Москву, он пожаловался хозяину. Хозяин, не вникнув в суть дела, жестоко избил меня.

В 1912 году мне посчастливилось получить десятидневный отпуск в деревню. В то время там начался покос, самый интересный вид полевых работ. На покос приезжали из города мужчины и молодежь, чтобы помочь женщинам быстрее справиться с уборкой трав и заготовкой кормов на зиму.

Из деревни я уехал почти ребенком, а приехал в отпуск взрослым юношей. Мне уже шел шестнадцатый

год, я был ученик по четвертому году. Многих за это время не стало в деревне—кто умер, кого отправили в ученье, кто ушел на заработки. Кого-то я не узнавал, а кто-то не узнавал меня. Одних согнула тяжкая жизнь, преждевременная старость, другие за это время выросли, стали взрослыми.

В деревню я ехал дачным малоярославецким поездом. Всю дорогу от Москвы до полустанка Оболенское простоял у открытого окна вагона. Когда четыре года назад я ехал в Москву, была ночь, и я почти не видел местность вдоль железной дороги. Сейчас с интересом рассматривал станционные сооружения, изумительной красоты подмосковные леса и перелески.

Когда проезжали мимо станции Наро-Фоминск, какой-то человек сказал своему соседу:

— До пятого года я здесь часто бывал... Вот видишь красные кирпичные корпуса? Это и есть фабрика Саввы Морозова.

— Говорят, он демократ,—сказал второй.

— Буржуазный демократ, но, говорят, неплохо относится к рабочим. Зато его администрация—псы лютые.

— Одна шайка-лейка!—зло сказал сосед.

Заметив, что я с интересом слушаю (припомнив разговор в вагоне об этой же фабрике, который я слышал несколько лет назад), они замолчали.

На полустанке Оболенское меня встретила мать. Она очень изменилась за эти четыре года и состарилась. Что-то сжало мне горло, и я еле сдержался, чтобы не разрыдаться.

Мать долго плакала, прижимала меня шершавыми и мозолистыми руками и все твердила:

— Дорогой мой! Сынок! Я думала, что умру, не увидев тебя.

— Ну, что ты, мама, видишь, как я вырос, теперь тебе будет легче.

— Дай-то бог!

Домой мы приехали уже затемно. Отец и сестра поджидали нас на завалинке.

Сестра выросла и стала настоящей невестой. Отец сильно постарел и еще больше согнулся. Ему шел семидесятый год. Он как-то по-своему встретил меня. Поцеловался. Думая о чем-то своем, он сказал:

— Хорошо, что дожил. Вижу, ты теперь взрослый, крепкий.

Чтобы скорее порадовать своих стариков и сестру, я распаковал корзину и вручил каждому подарок, а матери, кроме того, три рубля денег, два фунта сахара, полфунта чая и фунт конфет.

— Вот спасибо, сынок!— обрадовалась мать.— Мы уже давно не пили настоящий чай с сахаром.

Отцу я дал еще рубль на трактирные расходы.

— Хватило бы ему и двадцати копеек,— заметила мать.

Отец сказал:

— Я четыре года ждал сынка, не омрачай нашей встречи разговором о нужде.

Через день мы с матерью и сестрой поехали на покос. Я рад был увидеть товарищей, особенно Лешу Колотырного. Все ребята здорово выросли. В начале косьбы что-то у меня не ладилось. Я уставал, потел, видимо, сказывался четырехлетний перерыв. Потом все пошло хорошо, косил чисто, не отставая от других, но во рту все пересохло, и я еле дотянул до отдыха.

— Как, Егорушка, нелегко крестьянский труд?— спросил меня дядя Назар, обняв за мокрые плечи.

— Труд нелегкий,— согласился я.

— А вот англичане траву косят машинами,— заметил подошедший к нам молодой мужик, которого я раньше не знал.

— Да,— сказал Назар,— мы всё надеемся на соху-матушку да на косу. Эх, дубинушка, ухнем...

Я спросил у ребят, кто этот мужик, что говорил насчет машин.

— Это Николай Жуков—сын старосты. Его выслали из Москвы за пятый год. Он очень острый на язык, даже царя ругает.

— Ничего,— сказал Леша,— за глаза царя ругать можно, но только чтобы не слышали полиция или шпики.

Солнце припекало все сильнее. Косьбу прекратили, начали сушить скошенную траву. К полудню мы с сестрой, навьючив сено на телегу, взобрались на воз и поехали домой. Нас уже ждали жареная картошка с маслом и чай с сахаром. Все это было тогда так аппетитно!..

Вечерами, забыв об усталости, молодежь собиралась около амбара, и начиналось веселье. Пели песни, задуше-

вные и проникновенные. Девушки выводили сильными голосами нежную мелодию, ребята старались вторить молодыми баритонами и еще не окрепшими басами. Потом плясали до упаду. Расходились под утро и едва успевали заснуть, как нас будили, и мы вновь отправлялись на покос. Вечером все начиналось сначала. Трудно сказать, когда мы спали.

Да, видно, молодость все может. Как хорошо чувствовать себя молодым!

Отпуск прошел очень быстро, и нужно было возвращаться в Москву. В предпоследнюю ночь моего пребывания дома в соседней деревне Костинке случился пожар. Дул сильный ветер. Пожар начался посередине деревни и стал быстро распространяться на соседние дома, сараи и амбары. Мы еще гуляли, когда заметили со стороны Костинки густой дым.

Кто-то крикнул:

— Пожар!

Все бросились в пожарный сарай, быстро выкатили бочку и потащили ее на руках в Костинку. Наша помощь подоспела первой, даже пожарная команда Костинки пришла позднее.

Пожар был очень сильный, и, несмотря на отчаянные усилия пожарных команд, которые собрались из соседних сел, выгорело полдеревни.

Пробегая с ведром воды мимо одного дома, я услышал крик:

— Спасите, горим!

Бросился в тот дом, откуда раздавались крики, и вытащил испуганных до смерти детей и больную старуху.

Наконец огонь потушили. На пепелище причитали женщины, плакали дети. Много людей осталось без крова и без всякого имущества, а некоторые и без куска хлеба.

Наутро я обнаружил две прожженные дырки, каждую величиной с пятак, на моем новом пиджаке — подарке хозяина перед отпуском (таков был обычай).

— Ну, хозяин тебя не похвалит, — сказала мать.

— Что ж, — ответил я, — пусть он рассудит, что важнее: пиджак или ребята, которых удалось спасти...

Уезжал я с тяжелым сердцем. Особенно тягостно было смотреть на пожарище, где копались несчастные лю-

ди. Бедняки искали, не уцелело ли чего. Я сочувствовал их горю, так как сам знал, что значит остаться без крова. В Москву приехал рано утром.

Поздоровавшись с хозяином, рассказал о пожаре в деревне и показал прожженный пиджак. К моему удивлению, он даже не выругал меня, и я был благодарен ему за это.

Потом оказалось, что мне просто повезло. Накануне хозяин очень выгодно продал партию мехов и на этом крепко заработал.

— Если бы не это, — сказал Федор Иванович, — быть тебе выдранному, как сидоровой козе.

В конце 1912 года мое ученичество кончилось. Я стал молодым мастером (подмастерьем). Хозяин спросил, как я думаю дальше жить: останусь ли на квартире при мастерской или пойду на частную квартиру?

— Если останешься при мастерской и будешь по-прежнему есть на кухне с мальчиками, то зарплата тебе будет десять рублей; если пойдешь на частную квартиру, тогда будешь получать восемнадцать рублей.

Жизненного опыта у меня было маловато, и я сказал, что буду жить при мастерской. Видимо, хозяина это вполне устраивало, так как по окончании работы мастеров для меня всегда находилась какая-либо срочная, не оплачиваемая работа.

Прошло немного времени, и я решил: «Нет, так не пойдет. Уйду на частную квартиру, а вечерами лучше читать буду».

На рождество я вновь съездил в деревню, уже самостоятельным человеком. Мне шел 17-й год, а самое главное — я был мастером, получавшим целых десять рублей, а это далеко не всем тогда удавалось.

Хозяин доверял мне, видимо, убедившись в моей честности. Он часто посылал меня в банк получать по чекам или вносить деньги на его текущий счет. Ценил он меня и как безотказного работника и часто брал в свой магазин, где, кроме скорняжной работы, мне поручалась упаковка грузов и отправка их по товарным конторам.

Мне нравилась такая работа больше, чем в мастерской, где, кроме ругани между мастерами, не было слышно других разговоров. В магазине — дело другое. Здесь приходилось вращаться среди более или менее интеллигентных людей, слышать их разговоры о текущих событиях.

Мастера мало читали газеты, и, кроме Колесова, никто в нашей мастерской не разбирался в политических делах. Думаю, что так же обстояло дело и в других скорняжных мастерских. Никакого профсоюза скорняков тогда не было, и каждый был предоставлен самому себе. Только позднее организовался союз кожевников, куда вошли и скорняки.

Поэтому неудивительно, что скорняки отличались тогда своей аполитичностью. Исключение составляли одиночки. Мастер-скорняк жил своими интересами, у каждого был свой мирок. Некоторые всякими правдами и неправдами сколачивали небольшой капиталец и стремились открыть собственное дело. Скорняки, портные и другие рабочие мелких кустарных мастерских заметно отличались от заводских, фабричных рабочих, от настоящих пролетариев своей мелкобуржуазной идеологией и отсутствием крепкой пролетарской солидарности.

Заводские рабочие не могли и мечтать о своем деле. Для этого нужны были многие тысячи рублей. А они получали гроши, которых едва-едва хватало на пропитание. Условия труда, постоянная угроза безработицы объединяли рабочих на борьбу с эксплуататорами.

Политическая работа большевистской партии сосредоточивалась тогда в среде промышленного пролетариата. Среди рабочих кустарных мастерских подвизались меньшевики, эсеры и прочие псевдореволюционеры. Не случайно в 1905 году и во время Великой Октябрьской революции в рядах восставшего пролетариата было мало кустарей.

В 1910—1914 годах заметно оживились революционные настроения. Все чаще и чаще стали вспыхивать стачки в Москве, Питере и других промышленных районах. Участились сходки и забастовки студентов. В деревне нужда дошла до предела в результате разразившегося в 1911 году голода.

Как ни плоха была политическая осведомленность мастеров-скорняков, все же мы знали о расстреле рабочих на Ленских приисках и повсеместном нарастании революционного брожения. Федору Ивановичу Колесову изредка удавалось доставать большевистские газеты «Звезда» и «Правда», которые просто и доходчиво объясняли, почему непримиримы противоречия между рабочими и капиталистами, между крестьянами и помещиками,

доказывали общность интересов рабочих и деревенской бедноты.

В то время я слабо разбирался в политических вопросах, но мне было ясно, что эти газеты отражают интересы рабочих и крестьян, а газеты «Русское слово» и «Московские ведомости» — интересы хозяев царской России, капиталистов. Когда я приезжал в деревню, я уже сам мог кое-что рассказать и объяснить своим товарищам и нашим мужикам.

Начало первой мировой войны запомнилось мне погромом иностранных магазинов в Москве. Агентами охраны и черносотенцами под прикрытием патриотических лозунгов был организован погром немецких и австрийских фирм. В это были вовлечены многие, стремившиеся попросту чем-либо поживиться. Но так как эти люди не могли прочесть вывески на иностранных языках, то заодно громили и другие иностранные фирмы — французские, английские.

Под влиянием пропаганды многие молодые люди, особенно из числа зажиточных, охваченные патриотическими чувствами, уходили добровольцами на войну. Александр Пилихин тоже решил бежать на фронт и все время уговаривал меня.

Вначале мне понравилось его предложение, но все же я решил посоветоваться с Федором Ивановичем — самым авторитетным для меня человеком. Выслушав меня, он сказал:

— Мне понятно желание Александра, у него отец богатый, ему есть из-за чего воевать. А тебе, дураку, за что воевать? Уж не за то ли, что твоего отца выгнали из Москвы, не за то ли, что твоя мать с голоду пухнет?... Вернешься калекой — никому не будешь нужен.

Эти слова меня убедили, и я сказал Саше, что на войну не пойду. Обрудав меня, он вечером бежал из дому на фронт, а через два месяца его привезли в Москву тяжело раненным.

В то время я по-прежнему работал в мастерской, но жил уже на частной квартире в Охотном ряду, против теперешней гостиницы «Москва». Снимал за три рубля в месяц койку у вдовы Малышевой. Дочь ее Марию я полюбил, и мы решили пожениться. Но война, как это всегда бывает, спутала все наши надежды и расчеты. В связи с большими потерями на фронте в мае 1915 года

был произведен досрочный призыв молодежи рождения 1895 года. Шли на войну юноши, еще не достигшие двадцатилетнего возраста. Подходила и моя очередь.

Особого энтузиазма я не испытывал, так как на каждом шагу в Москве встречал несчастных калек, вернувшихся с фронта, и тут же видел, как рядом по-прежнему широко и беспечно жили сынки богачей. Они разъезжали по Москве на «лихачах», в шикарных выездах, играли на скачках и бегах, устраивали пьяные оргии в ресторане «Яр». Однако считал, что, если возьмут в армию, буду честно драться за Россию.

В конце июля 1915 года был объявлен досрочный призыв в армию молодежи моего года рождения. Я отпросился у хозяина съездить в деревню попрощаться с родителями, а заодно и помочь им с уборкой урожая.

Служба солдатская

Призывался я в своем уездном городе Малоярославце Калужской губернии 7 августа 1915 года. Первая мировая война уже была в полном разгаре.

Меня отобрали в кавалерию, и я был очень рад, что придется служить в коннице. Я всегда восхищался этим романтическим родом войск. Все мои товарищи попали в пехоту, и многие завидовали мне.

Через неделю всех призванных вызвали на сборный пункт. Нас распределили по командам, и я расстался со своими земляками-одногодками. Кругом были люди незнакомые, такие же безусые ребята, как и я.

Вечером нас погрузили в товарные вагоны и повезли к месту назначения — в город Калугу. Впервые за все время я так сильно почувствовал тоску и одиночество. Кончилась моя юность. «Готов ли я нести нелегкую службу солдата, а если придется, идти в бой?» — мысленно задавал себе вопрос. Жизнь закалила меня, и свой солдатский долг, я полагал, сумею выполнить с честью.

Товарные вагоны, куда нас поместили по сорок человек в каждый, не были приспособлены для перевозки людей, поэтому пришлось всю дорогу стоять или сидеть прямо на грязном полу. Кто пел песни, кто резался в карты, кто плакал, изливая душу соседям. Некоторые сидели, стиснув зубы, неподвижно уставившись в одну точку, думая о будущей своей солдатской судьбе.

В Калугу прибыли ночью. Разгрузили нас где-то в тупике на товарной платформе. Раздалась команда: «Становись!», «Равняйся!». И мы зашагали в противоположном направлении от города. Кто-то спросил у ефрейтора, куда нас ведут. Ефрейтор, видимо, был хороший человек, он нам душевно сказал:

— Вот что, ребята, никогда не задавайте таких вопро-

сов начальству. Солдат должен безмолвно выполнять приказы и команды, а куда ведут солдата — про то знает начальство.

Как бы в подтверждение его слов в голове колонны раздался зычный голос начальника команды:

— Прекратить разговоры в строю!

Коля Сивцов, мой новый приятель, толкнул меня локтем и прошептал:

— Ну вот, начинается служба солдатская.

Шли мы часа три и порядком уже устали, когда остановились на малый привал. Приближался рассвет, сильно клонило ко сну, и, как только присели на землю, сразу же отовсюду послышался храп.

Однако скоро опять раздалась команда: «Становись!». Мы вновь зашагали вперед и через час пришли в лагерный городок. Разместили нас в бараке на голых нарах. Сказали, что можем отдохнуть до 7 часов утра. Здесь уже находилось около ста человек. В многочисленные щели и битые окна дул ветер. Но даже эта «вентиляция» не помогла. «Дух» в бараке стоял тяжелый.

После завтрака нас построили и объявили, что мы находимся в 189-м запасном пехотном батальоне. Здесь будет формироваться команда 5-го запасного кавалерийского полка. До отправления по назначению будем обучаться пехотному строю.

Нам выдали учебные пехотные винтовки. Отделенный командир ефрейтор Шахворостов объявил внутренний распорядок и наши обязанности. Он строго предупредил, что, кроме как «по нужде», никто из нас не может никуда отлучаться, если не хочет попасть в дисциплинарный батальон... Говорил он отрывисто и резко, сопровождая каждое слово взмахом кулака. В маленьких глазках его светилась такая злоба, как будто мы были его заклятыми врагами.

— Да,—говорили солдаты,—от этого фрукта добра не жди!..

Затем к строю подошел старший унтер-офицер. Наш ефрейтор скомандовал: «Смирно!»

— Я ваш взводный командир Малявко,—сказал старший унтер-офицер.—Надеюсь, вы хорошо поняли, что объяснил отделенный командир, а потому будете верно служить царю и отечеству. Самоволия я не потерплю!

Начался первый день строевых занятий. Каждый из

нас старался хорошо выполнить команду, тот или иной строевой прием или действие оружием. Но угодить начальству было нелегко, а тем более дожидаться поощрения. Придравшись к тому, что один солдат сбился с ноги, взводный задержал всех на дополнительные занятия. Ужинали мы холодной бурдой самыми последними.

Впечатление от первого дня было угнетающим. Хотелось скорее лечь на нары и заснуть. Но, словно разгадав наши намерения, взводный приказал построиться и объявил, что завтра нас выведут на общую вечернюю поверку, а потому мы должны сегодня разучить государственный гимн «Боже, царя храни!». Разучивание и спевка продолжались до ночи. В 6 часов утра мы были уже на ногах, на утренней зарядке.

Дни потянулись однообразные, как две капли воды похожие один на другой. Подошло первое воскресенье. Думали отдохнуть, выкупаться, но нас вывели на уборку плаца и лагерного городка. Уборка затянулась до обеда, а после «мертвого часа» чистили оружие, чинили солдатскую амуницию и писали письма родным. Ефрейтор предупредил, что жаловаться в письмах ни на что нельзя, так как цензура все равно не пропустит.

Втягиваться в службу было нелегко. Но жизнь нас и до этого не баловала, и недели через две большинство привыкло к армейским порядкам.

В конце второй недели обучения наш взвод был представлен на смотр ротному командиру — штабс-капитану Володину. Говорили, что он сильно пил и, когда бывал пьян, лучше было не попадаться ему на глаза. Внешне наш ротный ничем особенно не отличался от других офицеров, но было заметно, что он без всякого интереса проверяет нашу боевую подготовку. В заключение смотра он сказал, чтобы мы больше старались, так как «за богом молитва, а за царем служба не пропадут».

До отправления в 5-й запасный кавалерийский полк мы видели нашего ротного командира еще несколько раз, и, кажется, он оба раза был навеселе. Что касается командира 189-го запасного батальона, то мы его за все время нашего обучения так и не увидели.

В сентябре 1915 года нас отправили на Украину в 5-й запасный кавалерийский полк. Располагался он в городе Балаклея Харьковской губернии. Миновав Балаклею, наш эшелон был доставлен на станцию Савинцы, где готовились маршевые пополнения для 10-й кавалерийской диви-

зии. На платформе нас встретили подтянутые, одетые с иголки кавалерийские унтер-офицеры и вахмистры. Одни были в гусарской форме, другие — в уланской, третьи — в драгунской.

После разбивки мы, малоярославецкие, москвичи и несколько ребят из Воронежской губернии, были определены в драгунский эскадрон.

Нам было досадно, что мы не попали в гусары и, конечно, не только потому, что у гусар была более красивая форма. Нам говорили, что там были лучшие и, главное, более человечные унтер-офицеры. А ведь от унтер-офицеров в царской армии целиком зависела судьба солдата.

Через день нам выдали кавалерийское обмундирование, конское снаряжение и закрепили за каждым лошадь. Мне попалась очень строптивая кобылица темно-серой масти по кличке Чашечная.

Служба в кавалерии оказалась интереснее, чем в пехоте, но значительно труднее. Кроме общих занятий, прибавились обучение конному делу, владению холодным оружием и трехкратная уборка лошадей. Вставать приходилось уже не в 6 часов, как в пехоте, а в 5, ложиться также на час позже.

Труднее всего давалась конная подготовка, то есть езда, вольтижировка и владение холодным оружием — пикой и шашкой. Во время езды многие до крови растирали ноги, но жаловаться было нельзя. Нам говорили лишь одно: «Терпи, казак, атаманом будешь». И мы терпели до тех пор, пока не уселись крепко в седла.

Взводный наш, старший унтер-офицер Дураков, вопреки своей фамилии, оказался далеко не глупым человеком. Начальник он был очень требовательный, но солдат никогда не обижал и всегда был сдержан. Зато другой командир, младший унтер-офицер Бородавко, был ему полной противоположностью: крикливый, нервный и крайне дерзкий на руку. Старослужащие говорили, что он не раз выбивал солдатам зубы.

Особенно беспощаден он был, когда руководил ездой. Мы это хорошо почувствовали во время кратковременного отпуска нашего взводного. Бородавко, оставшись за взводного, развернулся вовсю. И как только он не издевался над солдатами! Днем гонял до упаду на занятиях, куражась особенно над теми, кто жил и работал до призыва в Москве, поскольку считал их «грамотеями» и

слишком умными. А ночью по несколько раз проверял внутренний наряд, ловил заснувших дневальных и избивал их. Солдаты были доведены до крайности.

Сговорившись, мы как-то подкараулили его в темном углу и, накинув ему на голову попону, избili до потери сознания. Не миновать бы всем нам военно-полевого суда, но тут вернулся наш взводный, который все уладил, а затем добился перевода Бородавко в другой эскадрон.

К весне 1916 года мы были в основном уже подготовленными кавалеристами. Нам сообщили, что будет сформирован маршевый эскадрон и впредь до отправления на фронт мы продолжим обучение в основном по полевой программе. На наше место прибывали новобранцы следующего призыва, а нас готовили к переводу на другую стоянку, в село Лагери.

Из числа наиболее подготовленных солдат отобрали 30 человек, чтобы учить их на унтер-офицеров. В их число попал и я. Мне не хотелось идти в учебную команду, но взводный, которого я искренне уважал за его ум, порядочность и любовь к солдату, уговорил меня пойти учиться.

— На фронте ты еще, друг, будешь,— сказал он,— а сейчас изучи-ка лучше глубже военное дело, оно тебе пригодится. Я убежден, что ты будешь хорошим унтер-офицером.

Потом, подумав немного, добавил:

— Я вот не тороплюсь снова идти на фронт. За год на передовой я хорошо узнал, что это такое, и многое понял... Жаль, очень жаль, что так глупо гибнет наш народ, и за что, спрашивается?..

Больше он мне ничего не сказал. Но чувствовалось, что в душе этого человека возникло и уже выбивалось наружу противоречие между долгом солдата и человека-гражданина, который не хотел мириться с произволом царского режима. Я поблагодарил его за совет и согласился пойти в учебную команду, которая располагалась в городе Изюме Харьковской губернии. Прибыло нас туда из разных частей около 240 человек.

Разместили всех по частным квартирам, и вскоре начались занятия. С начальством нам не повезло. Старший унтер-офицер оказался хуже, чем Бородавко. Я не помню его фамилии, помню только, что солдаты прозвали его Четыре с половиной. Такое прозвище ему дали потому, что у него на правой руке указательный палец

был наполовину короче. Однако это не мешало ему кулаком сбивать с ног солдата. Меня он не любил больше, чем других, но бить почему-то избегал. Зато донимал за малейшую оплошность, а то и, просто придравшись, подвергал всяким наказаниям.

Никто так часто не стоял «под шашкой при полной боевой», не перетаскал столько мешков с песком из конюшен до лагерных палаток и не нес дежурств по праздникам, как я. Я понимал, что все это — злоба крайне тупого и недоброго человека. Но зато я был рад, что он никак не мог придрататься ко мне на занятиях.

Убедившись, что меня ничем не проймешь, он решил изменить тактику, может быть, попросту хотел отвлечь от боевой подготовки, где я шел впереди других.

Как-то он позвал меня к себе в палатку и сказал:

— Вот что, я вижу, ты парень с характером, грамотный, и тебе легко дается военное дело. Но ты москвич, рабочий, зачем тебе каждый день потеть на занятиях? Ты будешь моим нештатным переписчиком, будешь вести листы нарядов, отчетность по занятиям и выполнять другие поручения.

— Я пошел в учебную команду не за тем, чтобы быть порученцем по всяким делам,— ответил я,— а для того, чтобы досконально изучить военное дело и стать унтер-офицером.

Он разозлился и пригрозил мне:

— Ну, смотри, я сделаю так, что ты никогда не будешь унтер-офицером!..

В июне подходил конец нашей учебы и должны были начаться экзамены. По существовавшему порядку лучший в учебной команде получал при выпуске звание младшего унтер-офицера, а остальные выпускались из команды вице-унтер-офицерами, то есть кандидатами на унтер-офицерское звание. Товарищи мои не сомневались, что я должен был быть первым и обязательно получить при выпуске звание младшего унтер-офицера, а затем вакантное место отделенного командира.

Какая же была для всех неожиданность, когда за две недели до выпуска мне было объявлено перед строем, что я отчисляюсь из команды за недисциплинированность и нелояльное отношение к непосредственному начальству. Всем было ясно, что Четыре с половиной решил свести со мной счеты. Но делать было нечего.

Помощь пришла совершенно неожиданно. В нашем

взводе проходил подготовку вольноопределяющийся Скорино, брат заместителя командира эскадрона, где я проходил службу до учебной команды. Он очень плохо учился и не любил военное дело, но был приятный и общительный человек, и его побаивался даже наш Четыре с половиной. Скорино тут же пошел к начальнику учебной команды и доложил о несправедливом ко мне отношении.

Начальник команды приказал вызвать меня к нему. Я порядком перетрусил, так как до этого никогда не разговаривал с офицерами. «Ну, думаю, пропал! Видимо, дисциплинарного батальона не миновать».

Начальника команды мы знали мало. Слыхали, что офицерское звание он получил за храбрость и был награжден почти полным бантом георгиевских крестов. До войны он служил где-то в уланском полку вахмистром сверхсрочной службы. Мы его видели иногда только на вечерних поверках, говорили, что он болеет после тяжелого ранения.

К моему удивлению, я увидел человека с мягкими и, я бы сказал, даже теплыми глазами и простодушным лицом.

— Ну что, солдат, в службе не везет?—спросил он и указал мне на стул. Я стоял и боялся присесть.— Садись, садись, не бойся!.. Ты, кажется, москвич?

— Так точно, ваше высокоблагородие,—ответил я, стараясь произнести каждое слово как можно более громко и четко.

— Я ведь тоже москвич, работал до службы в Марьиной роще, по специальности краснодеревщик. Да вот застрял на военной службе, и теперь, видимо, придется посвятить себя военному делу,—мягко сказал он.

Потом помолчал и добавил:

— Вот что, солдат, на тебя поступила плохая характеристика. Пишут, что ты за четыре месяца обучения имеешь десяток взысканий и называешь своего взводного командира «шкурой» и прочими нехорошими словами. Так ли это?

— Да, ваше высокоблагородие,—ответил я.— Но одно могу доложить, что всякий на моем месте вел бы себя так же.

И я рассказал ему правдиво все, как было.

Он внимательно выслушал и сказал:

— Иди во взвод, готовься к экзаменам.

Я был доволен тем, что так хорошо все кончилось. Однако при выпуске мне не дали первенства и я был выпущен из учебной команды наравне со всеми в звании вице-унтер-офицера.

Оценивая теперь учебную команду старой армии, я должен сказать, что, в общем, учили в ней хорошо, особенно это касалось строевой подготовки. Каждый выпускник в совершенстве владел конным делом, оружием и методикой подготовки бойца. Не случайно многие унтер-офицеры старой армии после Октября стали квалифицированными военачальниками Красной Армии.

Что касается воспитательной работы, то в основе ее была муштра. Будущим унтер-офицерам не прививали навыков человеческого обращения с солдатами, не учили их вникать в душу солдата. Преследовалась одна цель — чтобы солдат был послушным автоматом. Дисциплинарная практика строилась на жестокости. Телесных наказаний уставом не предусматривалось, но на практике они применялись довольно широко.

О русской армии написано много, и я не считаю нужным повторяться. Коснусь лишь некоторых моментов, на мой взгляд, представляющих интерес.

Что было наиболее характерным для старой царской армии? Прежде всего отсутствие общности и единства между солдатской массой и офицерским составом.

В ходе войны, особенно в 1916 и начале 1917 года, когда вследствие больших потерь офицерский корпус укомплектовывался представителями трудовой интеллигенции, грамотными рабочими и крестьянами, а также отличившимися в боях солдатами и унтер-офицерами, эта разобщенность в подразделениях (до батальона или дивизиона включительно) была несколько сглажена. Однако она полностью сохранилась в соединениях и объединениях. Офицеры и генералы, не имевшие никакой близости с солдатской массой, не знавшие, чем живет и дышит солдат, были чужды солдату.

Это обстоятельство, а также широко распространенная оперативно-тактическая неграмотность высшего офицерского и генеральского состава привели к тому, что командиры эти, за исключением немногих, не пользовались авторитетом у солдата. В среднем же звене офицерского состава, наоборот, под конец войны было много близких солдату по духу и настроению офицеров. Таких

командиров солдаты любили, доверяли им и шли за ними в огонь и воду.

Основным фундаментом, на котором держалась старая армия, был унтер-офицерский состав, который обучал, воспитывал и цементировал солдатскую массу. Кандидатов на подготовку унтер-офицеров отбирали тщательно. Отобранные проходили обучение в специальных учебных командах, где, как правило, была образцово поставлена боевая подготовка. Вместе с тем, как я уже говорил, за малейшую провинность тотчас следовало дисциплинарное взыскание, связанное с рукоприкладством и моральными оскорблениями. Таким образом, будущие унтер-офицеры по выходе из учебной команды имели хорошую боевую подготовку и в то же время владели «практикой» по воздействию на подчиненных в духе требований царского воинского режима.

Надо сказать, что офицеры подразделений вполне доверяли унтер-офицерскому составу в обучении и воспитании солдат. Такое доверие, несомненно, способствовало выработке у унтер-офицеров самостоятельности, инициативы, чувства ответственности и волевых качеств. В боевой обстановке унтер-офицеры, особенно кадровые, в большинстве своем являлись хорошими командирами.

Моя многолетняя практика показывает, что там, где нет доверия младшим командирам, где над ними существует постоянная опека старших офицеров, там никогда не будет настоящего младшего командного состава, а следовательно, не будет и хороших подразделений.

В первых числах августа из полка пришел приказ о направлении окончивших учебную команду по маршевым эскадронам. Группу в 15 человек приказано было отправить прямо на фронт — в 10-ю кавалерийскую дивизию. В списке этих 15 человек я стоял вторым и нисколько этому не удивился, так как хорошо знал, чьих это рук дело.

Когда читали список перед строем команды, Четыре с половиной улыбался, давая понять, что от него зависит судьба каждого из нас. Потом нас накормили праздничным обедом и приказали собираться на погрузку. Взяв свои вещевые мешки, мы пошли на место построения фронтовой команды, а через несколько часов наш эшелон отправился в сторону Харькова.

Ехали мы очень долго, часами простаивая на разъездах, так как шла переброска на фронт какой-то пехотной

дивизии. С фронта везли тяжелораненых, и санитарные поезда также стояли, пропуская эшелоны на фронт. От раненых мы многое узнали, и в первую очередь то, что наши войска очень плохо вооружены. Высший командный состав пользуется дурной репутацией, и среди солдат широко распространено мнение, что в верховном командовании сидят изменники, подкупленные немцами. Кормят солдат плохо. Эти известия с фронта действовали угнетающе, и мы молча расходились по вагонам.

Нас высадили в районе Каменец-Подольска. Одновременно выгрузили и маршевое пополнение для 10-го гусарского Ингерманландского полка и около сотни лошадей для нашего 10-го драгунского Новгородского полка со всей положенной амуницией. Когда разгрузка подходила к концу, раздался сигнал воздушной тревоги. Все быстро укрылись, кто где мог. Самолет-разведчик противника покружил над нами и ушел на запад, сбросив несколько небольших бомб. Был убит солдат и ранено пять лошадей.

Это было наше первое боевое крещение. Из района выгрузки все пополнение походным порядком было направлено на реку Днестр, где в это время наша дивизия стояла в резерве Юго-Западного фронта.

Прибыв в часть, мы узнали, что Румыния объявила войну Германии и будет воевать на стороне русских против немцев. Ходили слухи, что наша дивизия должна в скором времени выступить непосредственно на фронт, но на какой именно участок, никто не знал.

В начале сентября дивизия, совершив походный марш, была сосредоточена в Быстрицком горно-лесистом районе, где она принимала непосредственное участие в боях, главным образом в пешем строю, так как условия местности не позволяли производить конных атак.

Все чаще приходили тревожные сведения. Наши войска несли большие потери. Наступление, по существу, выдохлось, и фронт остановился. Плохо шли дела и на фронте румынских войск, которые вступили в войну слабо подготовленными, недостаточно вооруженными и в первых же сражениях с немецкими и австрийскими войсками понесли тяжелые потери.

Среди солдат нарастало недовольство, особенно когда приходили письма из дому, сообщавшие о голоде и страшной разрухе. Да и та картина, которую мы наблю-

дали в селах прифронтовой полосы на Украине, в Буковине и Молдавии, говорила сама за себя. До каких же бедствий дошли крестьяне под гнетом царя, по безрассудству которого вот уже третий год лилась кровь крестьян и рабочих! Солдаты уже понимали, что они становятся калеками и гибнут не за свои интересы, а ради «сильных мира сего», за тех, кто их угнетал.

В октябре 1916 года мне не повезло: находясь вместе с товарищами в разведке на подступах к Сайе-Реген в головном дозоре, мы напоролись на мину и подорвались. Двоих тяжело ранило, а меня выбросило из седла взрывной волной. Очнулся я только через сутки в госпитале. Вследствие тяжелой контузии меня эвакуировали в Харьков.

Выйдя из госпиталя, долго еще чувствовал недомогание и, самое главное, плохо слышал. Медицинская комиссия направила меня в маршевый эскадрон в село Лагери, где с весны стояли мои друзья по новобранческому эскадрону. Конечно, я был очень рад этому обстоятельству.

Попал я из эскадрона в учебную команду молодым солдатом, а вернулся с унтер-офицерскими лычками, фронтовым опытом и двумя георгиевскими крестами на груди, которыми был награжден за захват в плен немецкого офицера и контузию.

Беседуя с солдатами, я понял, что они не горят желанием «нюхать порох» и не хотят войны. У них были уже иные думы — о земле и мире. В конце 1916 года среди солдат все упорнее стали ходить слухи о забастовках и стачках рабочих в Петрограде, Москве и других городах. Говорили о большевиках, которые ведут борьбу против царя, за мир, за землю и свободу для трудового народа. Теперь уже и сами солдаты стали настойчиво требовать прекращения войны. Правда, это были пока лишь тайные разговоры.

Несмотря на то что я был унтер-офицером, солдаты относились ко мне с доверием и часто заводили серьезные разговоры. Конечно, тогда я мало разбирался в политических вопросах, но считал, что война выгодна лишь богатым и ведется в интересах правящих классов, а мир, землю, волю русскому народу могут дать только большевики, и никто больше. Это в меру своих возможностей я и внушал своим солдатам, за что и был вознагражден ими.

Вот как это случилось.

Рано утром 27 февраля 1917 года эскадрон, располагавшийся в селе Лагери, был поднят по тревоге. Выстроились недалеко от квартиры командира эскадрона — ротмистра барона фон дер Гольца. Никто, конечно, ничего не знал. Нашим взводным офицером был поручик Киевский.

— Ваше благородие, куда нас собрали по тревоге? — спросил я его.

На мой вопрос он ответил вопросом:

— А вы как думаете?

Я сказал, что солдаты должны знать, куда их ведут, тем более что нам выдали боевые патроны.

— Ну что же, патроны могут пригодиться.

Разговор был прекращен появлением ротмистра барона фон дер Гольца. Это был боевой ротмистр. Он имел золотое оружие, солдатский георгиевский крест и много других боевых орденов. Но человек был отвратительный — всегда злобно разговаривал с солдатами, которые его не любили и боялись.

После команды «смирно» ротмистр поздоровался с эскадромом.

Вытянув колонну по три, барон фон дер Гольц подал команду «рысью». Эскадрон шел по дороге на город Балаклею, где стоял штаб 5-го запасного кавалерийского полка. Подходя к плацу полка, мы увидели, что там уже в развернутом строю киевские драгуны и ингерманландские гусары. Наш эскадрон также построился развернутым строем. Подходили на рысях другие части. Никто не знал, в чем дело...

Вскоре все стало ясно. Откуда-то из-за угла показались демонстранты с красными знаменами. Наш командир эскадрона, прищпорив коня, карьером поскакал к штабу полка. Другие командиры эскадрона последовали за ним, а из штаба в это время вышла группа военных и рабочих.

Высокий военный громким голосом обратился к солдатам. Он сказал, что рабочий класс, солдаты и крестьяне России не признают больше царя Николая II, не признают капиталистов и помещиков. Русский народ не желает продолжения кровавой империалистической войны, ему нужны мир, земля и воля. Военный закончил свою короткую речь лозунгами: «Долой царизм! Долой

войну! Да здравствует мир между народами! Да здравствуют Советы рабочих и солдатских депутатов! Ура!»

Солдатам никто не подавал команды. Они нутром своим поняли, что им надо делать. Со всех сторон неслись крики «ура». Солдаты смешались с демонстрантами...

Через некоторое время стало известно, что наш ротмистр и ряд других офицеров арестованы солдатским комитетом, который вышел из подполья и начал свою легальную деятельность с ареста тех, кто мог помешать революционным делам.

Войскам было тут же приказано вернуться на места и ждать распоряжений солдатского комитета. Во главе полкового комитета был большевик Яковлев (к сожалению, не помню его имени и отчества). На другое утро от него прибыл какой-то офицер. Он приказал эскадрону собраться, чтобы выбрать делегатов в полковой Совет и одновременно избрать эскадронный солдатский комитет. Председателем солдатского комитета единогласно выбрали меня. В качестве делегатов в полковой Совет были избраны поручик Киевский, я и еще один солдат 1-го взвода, фамилию которого я, к сожалению, забыл. Помню только, что родом он был, как и я, из Калужской губернии, из Масальска, и звали его Петр.

В начале марта в Балаклее состоялось общее собрание полкового Совета солдатских депутатов. Яковлев очень хорошо говорил о задачах Совета, о необходимости укрепления единства солдат, рабочих и крестьян в борьбе за продолжение революции. Мы от души приветствовали его выступление.

Затем выступил какой-то прапорщик. Говорил он вначале красиво и как будто за революцию, но под конец стал ратовать за Временное правительство, за то, чтобы мобилизовать армию на отпор врагу. Его слова солдаты встретили возгласами негодования. И когда был поставлен на голосование состав полкового Совета, то голосовали только за тех, кто придерживался платформы большевиков.

Итак, наш полковой Совет стал большевистским.

В мае товарищ Яковлев куда-то уехал. После его отъезда Совет работал значительно хуже, а вскоре в нем стали всеми делами заправлять эсеры и меньшевики, которые держали курс на поддержку Временного прави-

тельства. Кончилось тем, что в начале осени 1917 года некоторые подразделения перешли на сторону Петлюры.

Наш эскадрон, в состав которого входили главным образом москвичи и калужане, был распущен по домам солдатским эскадронным комитетом. Мы выдали солдатам справки, удостоверяющие увольнение со службы, и порекомендовали им захватить с собой карабины и боевые патроны. Как потом выяснилось, заградительный отряд в районе Харькова изъясил оружие у большинства солдат. Мне несколько недель пришлось укрываться в Балаклее и селе Лагери, так как меня разыскивали офицеры, перешедшие на службу к украинским националистам.

30 ноября 1917 года я вернулся в Москву, где власть в октябре перешла в надежные руки — в руки большевиков — рабочих, солдатских и крестьянских депутатов.

Декабрь 1917 и январь 1918 года провел в деревне у отца и матери и после отдыха решил вступить в ряды Красной гвардии¹. Но в начале февраля тяжело заболел сыпным тифом, а в апреле — возвратным тифом. Свое желание сражаться в рядах Красной Армии я смог осуществить только через полгода, вступив в августе 1918 года добровольцем в 4-й кавалерийский полк 1-й Московской кавалерийской дивизии.

В ту пору Коммунистическая партия и Советское государство приступали к решению важных и трудных задач — демобилизации старой армии и созданию новой армии, армии рабочих и крестьян. Одновременно шел широкий процесс демократизации армии. Власть в войсках передавалась солдатским комитетам и Советам, все военнотружущие уравнивались в правах, командный состав, до полкового звена включительно, выбирался на общих собраниях. В результате выдвинулось много способных армейских организаторов из солдат и матросов, а также офицеров, признавших Советскую власть.

«Если когда-нибудь будет возможность беспристрастного изучения положения нашей армии в эпоху

---

¹ Красной гвардией в 1917 году повсеместно назывались отряды вооруженных рабочих, преданных делу революции. Накануне Октябрьского вооруженного восстания большевики развернули военное обучение Красной гвардии. Влияние большевиков быстро росло на фронтах и в крупных тыловых гарнизонах, на Балтийском флоте. Деятельность Красной гвардии в период самой революции и сразу же после нее объединялась и направлялась военной организацией при ЦК РСДРП(б). — *Прим. ред.*

революции,— отмечал в одном из своих отчетов Военный отдел ВЦИК,— то для всех станет ясно, что только полная демократизация армии и признание власти за армейскими организациями, выбранными широкими солдатскими массами, и та политика мира, которая велась Советом Народных Комиссаров, способна была удержать армии на фронтах до середины зимы 1918 года и спасла страну от неминуемого самовольного и стихийного отхода армии в тыл»¹.

Состоявшийся в январе 1918 года III Всероссийский съезд Советов единодушно высказался за создание вооруженных сил нашей страны. На съезде была принята написанная В. И. Лениным «Декларация прав трудящегося и эксплуатируемого народа», в которой, в частности, говорилось: «В интересах обеспечения всей полноты власти за трудящимися массами и устранения всякой возможности восстановления власти эксплуататоров, декретируется вооружение трудящихся, образование социалистической красной армии рабочих и крестьян...»²

Первое соединение Красной Армии начало формироваться тогда же, в январе 1918 года, в Петрограде из многих сотен красногвардейцев, солдат запасных полков Петроградского гарнизона. Это был 1-й корпус РККА. Тогда же из Петрограда на Западный фронт был отправлен первый отряд социалистической армии, состоявший из красногвардейцев, численностью в тысячу человек.

На торжественных проводах отряда выступил В. И. Ленин. Он сказал: «Приветствую в вашем лице тех первых героев-добровольцев социалистической армии, которые создадут сильную революционную армию»³.

Порядок приема добровольцев в Красную Армию был следующим. Каждый доброволец должен был представить рекомендации войсковых комитетов, партийных и других общественных организаций, поддерживавших Советскую власть. Если вступали целыми группами, то требовалась коллективная порука. Воины РККА находились на полном государственном обеспечении и сверх того вначале получали по 50 рублей в месяц, а затем, с середины 1918 года, 150 рублей — одинокие красноармей-

---

¹ ЦГАОР, ф. 1235, оп. 79, д. 12, л. 4.

² Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 35, с. 222.

³ Там же, с. 216.

пы, 250 рублей — семейные. Весной 1918 года в Красной Армии уже насчитывалось около 200 тысяч бойцов, но затем приток добровольцев начал уменьшаться.

Конечно, комплектование армии на добровольной основе имело свои недостатки. Отсутствовали боевые резервы, не было системы подготовки пополнений, личный состав не мог обеспечить проведение крупных военных операций, был слабо обучен.

Видя это, ВЦИК специальным декретом ввел в стране всеобщее военное обучение трудящихся (всеобуч). Каждый трудящийся в возрасте от 18 до 40 лет без отрыва от основной работы должен был за 96 часов пройти курс военного обучения, стать на учет как военнообязанный и по первому призыву Советского правительства вступить в ряды Красной Армии.

Центральный Комитет РКП(б) обязал членов партии немедленно приступить к обучению военному делу. Выборность командиров отменялась, вводилась система назначения командного состава, который стал утверждаться органами военного ведомства из числа лиц, имевших военную подготовку или хорошо проявивших себя в боях. V Всероссийский съезд Советов принял постановление «О строительстве Красной Армии», в котором одобрил мероприятия партии и правительства по созданию регулярной армии. При этом была подчеркнута необходимость централизованного управления армией и значение революционной железной дисциплины.

Съезд законодательно закрепил институт военных комиссаров, начало которому было положено еще в октябре 1917 года, когда во многие части старой армии и ряд военных учреждений были посланы комиссары военнореволюционного комитета. Теперь военные комиссары, опираясь на партийные ячейки, воспитывали солдат, контролировали действия военных специалистов и одновременно прививали красноармейским массам доверие к честным и преданным специалистам. О комиссарах у нас будет идти речь впереди, но уже сейчас хотелось бы отметить, что, как правило, это были безупречные люди, кристально честные и самоотверженные коммунисты.

Съезд Советов потребовал строить Красную Армию на основе военной науки, используя опыт старых военных специалистов и одновременно широко подготавливая командные кадры из рабочих и крестьян.

Постановления V съезда Советов и ВЦИК проводились в жизнь парторганизациями, профсоюзами, комитетами бедноты, массами сознательных рабочих и крестьян.

В результате ко времени моего вступления в Красную Армию в ней уже было более полумиллиона человек. В тот трудный год партия многими решениями по военному вопросу и огромной практической работой заложила основы Советских Вооруженных Сил, сплотила пролетарское, политически сознательное ядро Красной Армии и Военно-Морского Флота, на которое она опиралась в дальнейшем военном строительстве.

Участие в гражданской войне

Царское правительство довело страну до полного разорения. Положение еще более осложнилось с захватом интервентами и белогвардейскими мятежными войсками ряда важнейших экономических районов.

В огненном кольце войск интервентов и белогвардейских армий молодая Советская Республика вела напряженную борьбу. Все, кто жил, работал и боролся с оружием в руках за идеи Великого Октября, хорошо помнят, какая это была тяжелая пора в жизни советского народа.

Заклучение Брестского мира разрушило надежды международного империализма задушить Советскую Республику руками германской армии. Однако империалисты Англии, Франции, США и Японии продолжали попытки уничтожить наше государство. Весной 1918 года на Севере высадились американские, английские и французские войска. Японские, а вслед за ними американские и английские войска высадились во Владивостоке. В мае организаторам интервенции удалось спровоцировать мятеж чехословацкого корпуса против Советской власти, и он развернул военные действия против Красной Армии на Урале, в Сибири и Поволжье. Очаги интервенции появились в других местах страны. Окрыленная помощью, российская белогвардейщина объединилась с иностранными интервентами и пошла в наступление.

В борьбу против Советской власти включились и германские империалисты. Они нарушили условия Брестского мира, оккупировали Прибалтику, Белоруссию и Украину, вторглись в области по Дону, заняли Ростов-на-Дону и другие районы нашей страны. На Украине и на Дону они передали власть бывшим царским генералам.

Бурно поднявшаяся волна народного гнева против оккупантов подорвала дух войск германских интервен-

тов, а поражение Германии в первой мировой войне и вспыхнувшая вслед за этим там революция привели к краху всю завоевательскую политику германского империализма в нашей стране. Советские войска и партизаны изгнали германских оккупантов с Украины, из Белоруссии и Прибалтики.

Однако теперь, после поражения Германии, империалисты Антанты смогли полностью использовать высвободившиеся в Европе силы, чтобы расправиться с первым в мире социалистическим государством. Дополнительно к прежним, десятки тысяч войск иностранных интервентов вторглись на советскую территорию.

«Первым этапом (международного вмешательства в дела Советской страны.— Г. Ж.), естественно более доступным и более легким для Антанты,— писал В. И. Ленин,— была ее попытка разделаться с Советской Россией при помощи своих собственных войск»¹.

Но вскоре интервенты поняли, что одним им не справиться, и усилили помощь внутренней контрреволюции. В ноябре 1918 года в Сибири они поставили «верховным правителем» России царского адмирала Колчака. На юге им удалось объединить силы контрреволюции под руководством царского генерала Деникина. Советскому государству угрожала смертельная опасность.

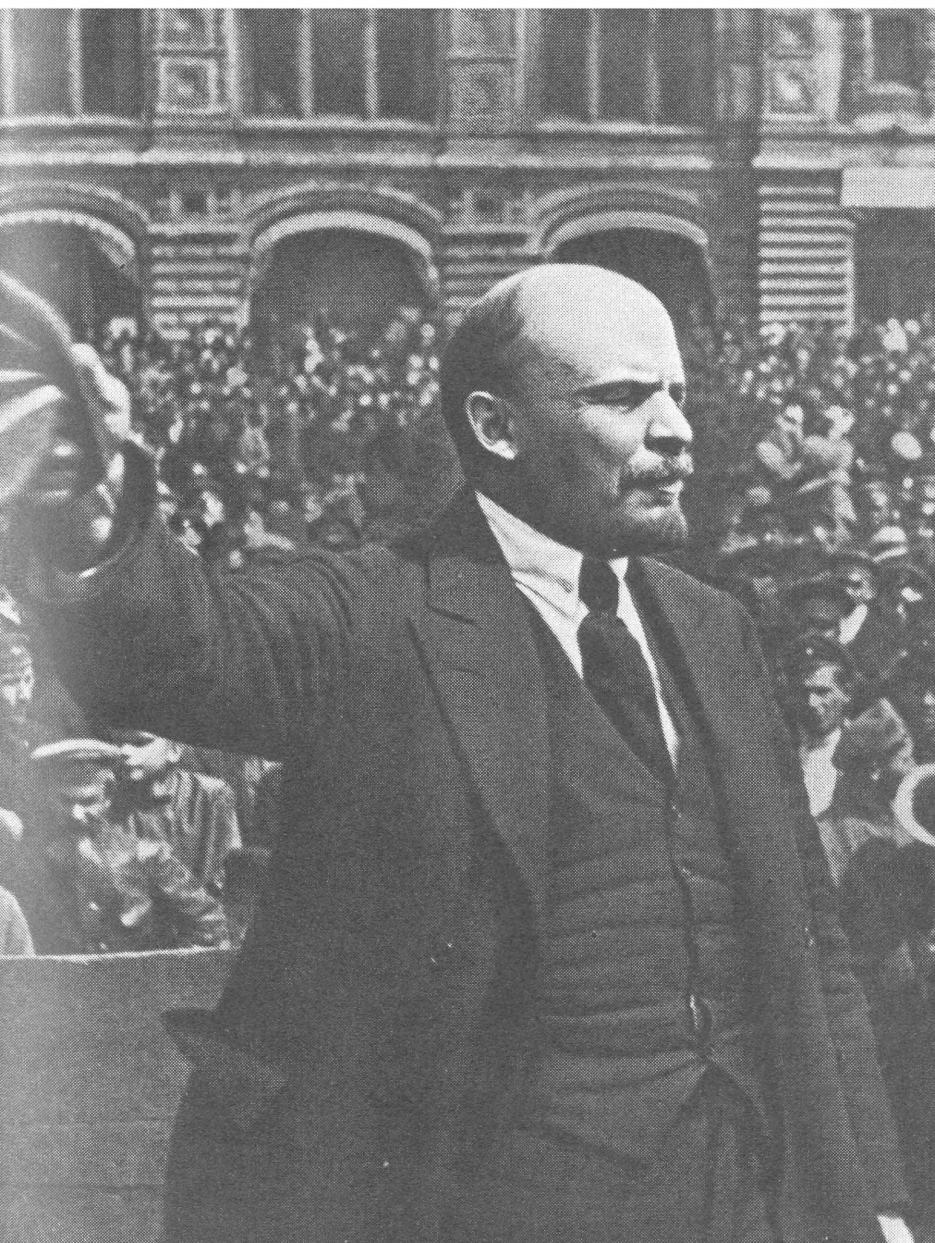
Во второй половине 1918 года силы империалистов и белогвардейцев насчитывали в России около 1 миллиона солдат и офицеров, хорошо обученных и вооруженных.

Разъясняя народу всю опасность сложившегося положения, партия, В. И. Ленин призвали трудящихся множить усилия в укреплении обороноспособности страны, подняли народ на борьбу против интервентов и белогвардейцев. В сентябре 1918 года ВЦИК издал декрет о превращении республики в единый военный лагерь. В ноябре был образован Совет рабочей и крестьянской обороны под председательством В. И. Ленина. Этот Совет объединил деятельность военного и других близких к обороне ведомств, чрезвычайной комиссии по снабжению Красной Армии. Он решал важнейшие проблемы формирования войск и их обеспечения всем необходимым, в частности принимал меры по выявлению и сбору оружия

---

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 39. с. 389.

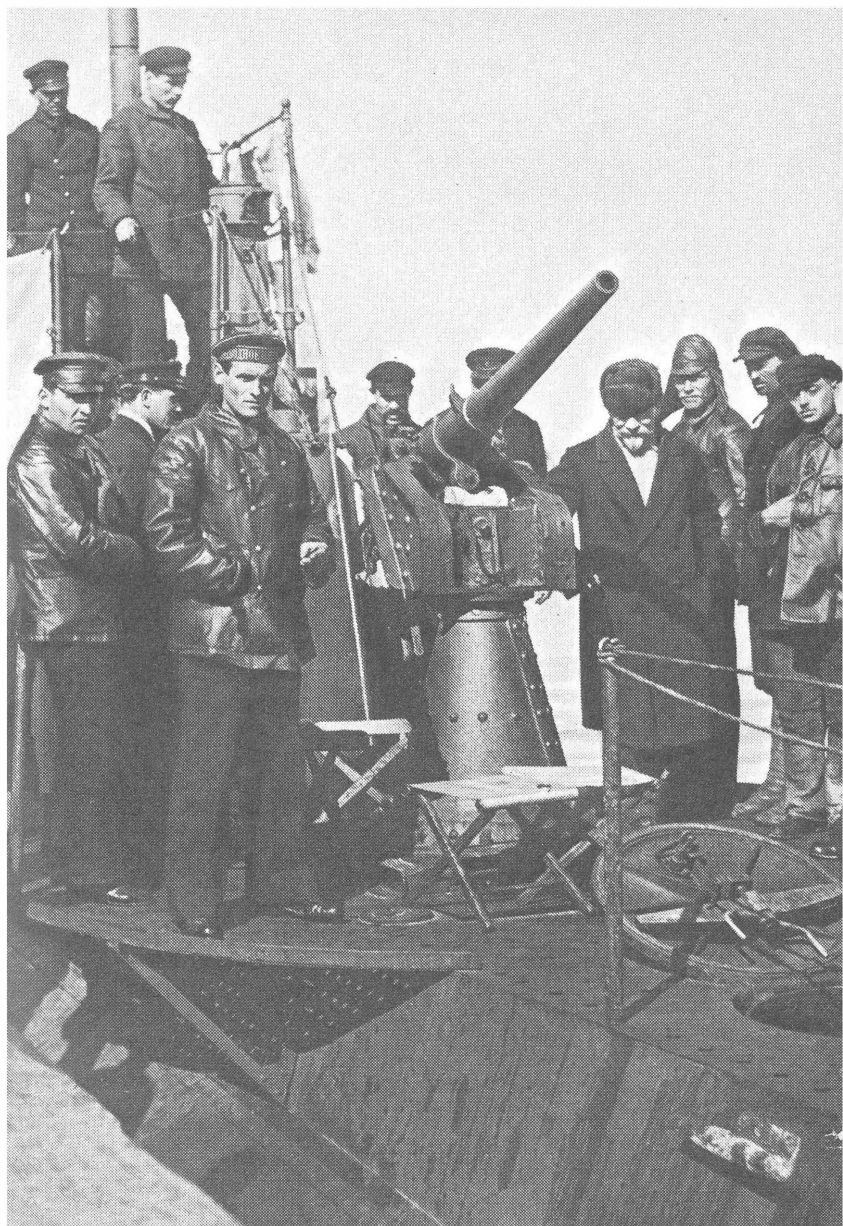
СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЕ ОТЕЧЕСТВО В ОПАСНОСТИ!

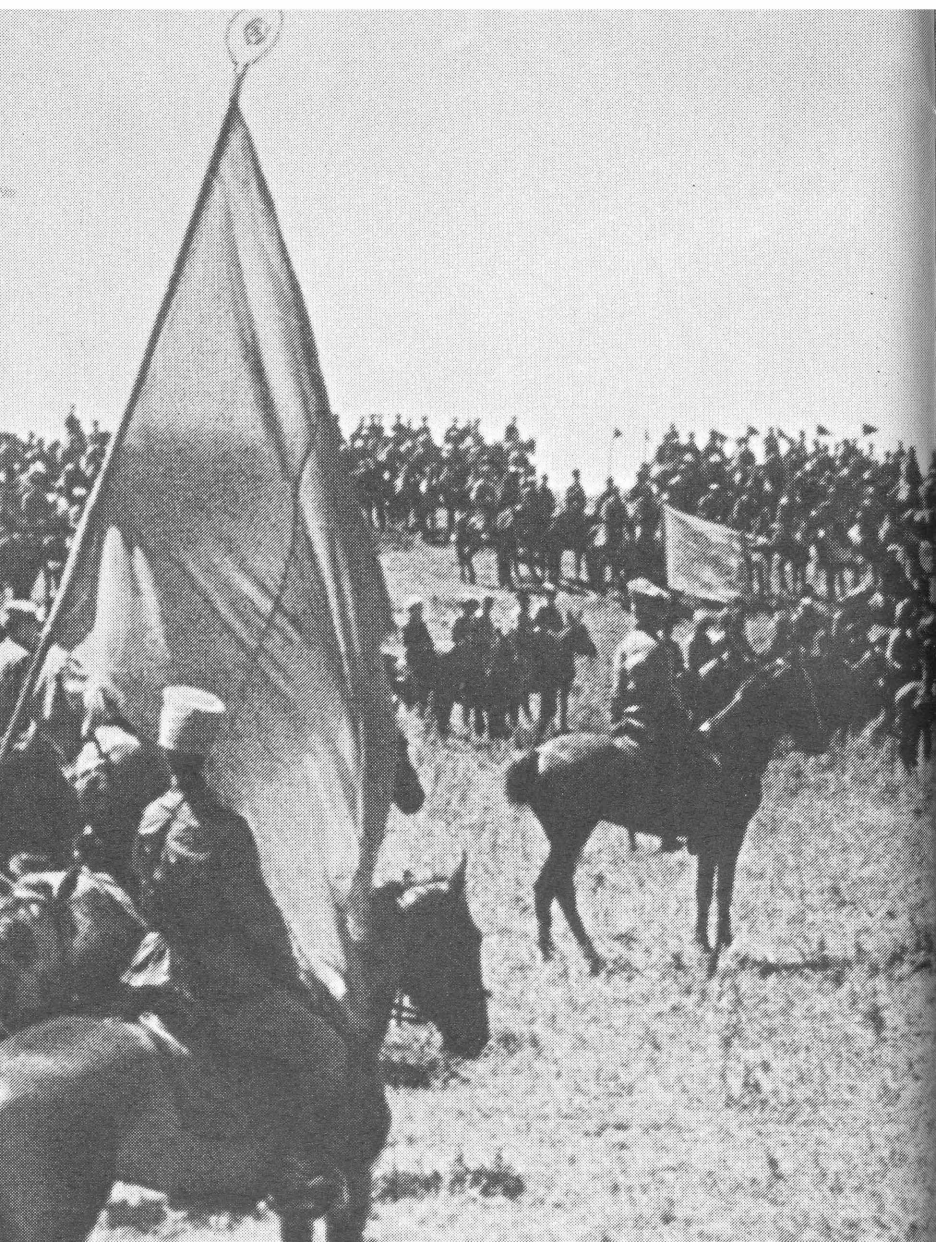
М. В. Фрунзе обходит войска.

М. И. Калинин на подводной лодке. 1919 г.

Первая Конная армия. 1920 г.

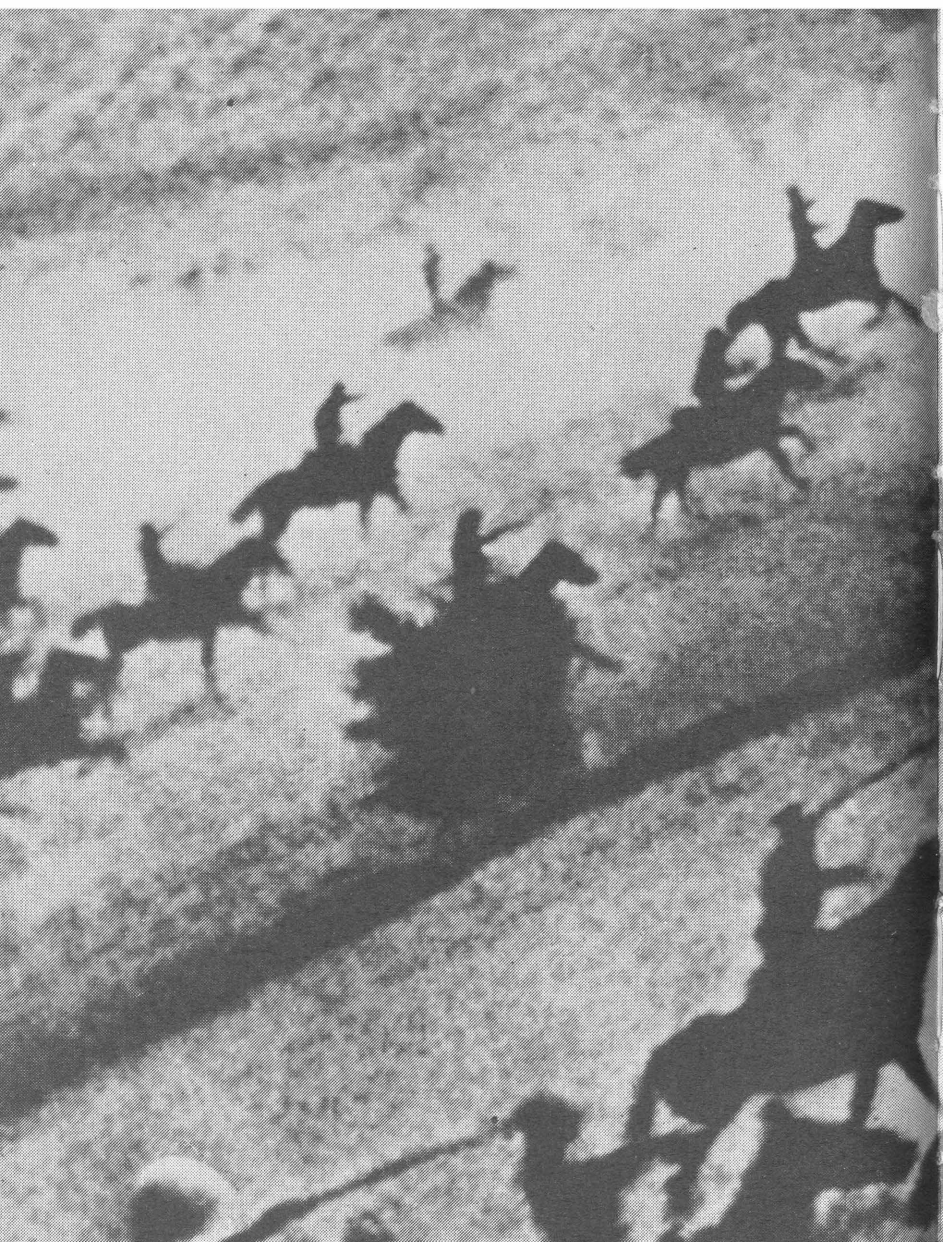

В. И. Чапаев — справа.

Кавалеристы в атаке.

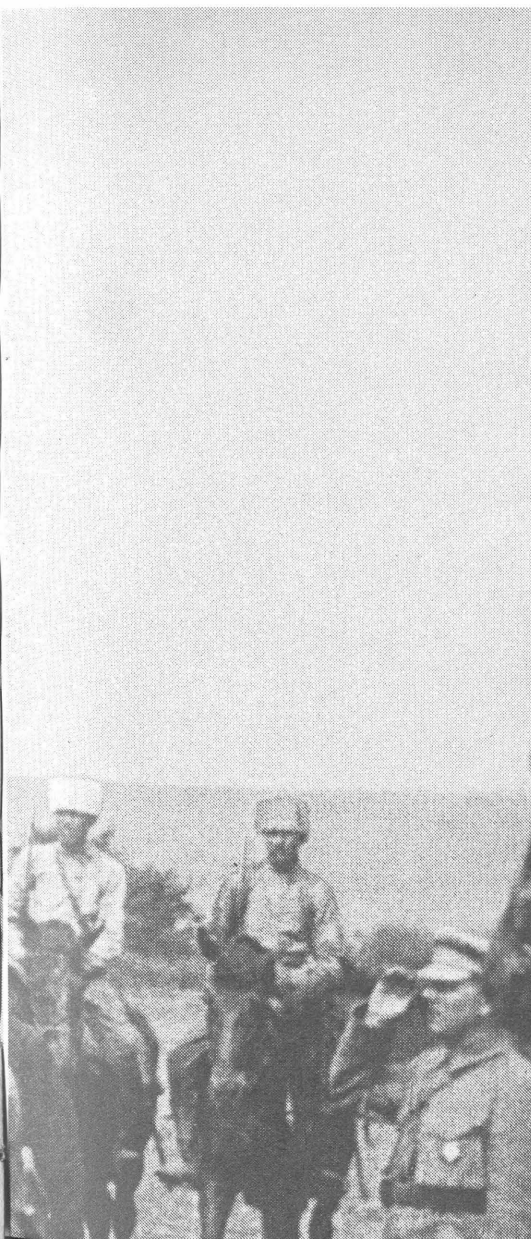
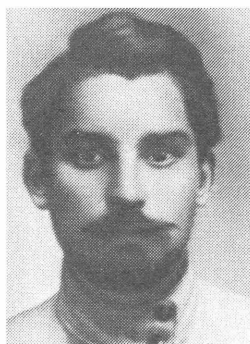

М. И. Калинин вручает командующему Первой Конной армией
С. М. Буденному и члену Реввоенсовета К. Е. Ворошилову
знамя ВЦИК. 1919 г.

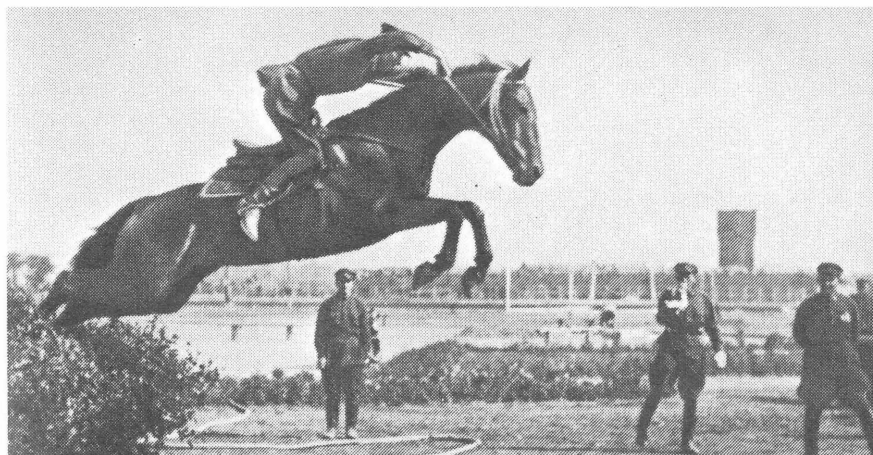
М. Н. Тухачевский,
В. К. Блюхер,
Н. А. Щорс.

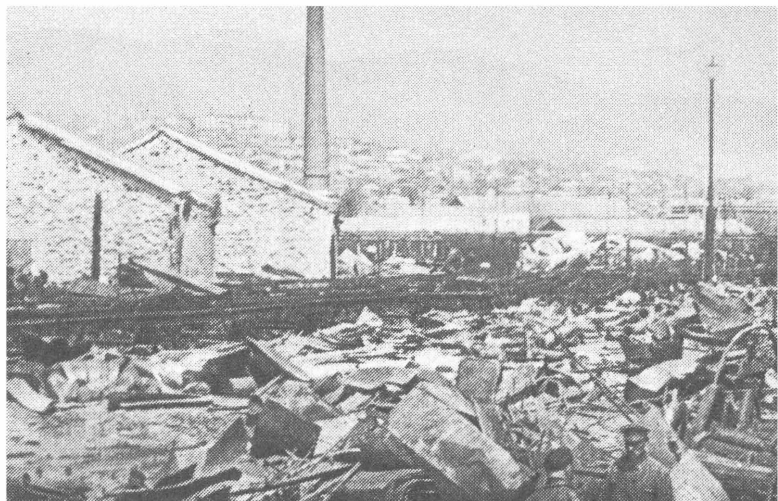
Г. Д. Гай.

ВМЕСТЕ С МОЛОДОЙ РЕСПУБЛИКОЙ МУЖАЛА ЕЕ АРМИЯ.

ВОССТАНОВИТЬ НАРОДНОЕ ХОЗЯЙСТВО!

Новобранцы.

В центре — командир 39-го кавалерийского полка
Г. К. Жуков. 1924 г.

и боеприпасов, оставшихся от старой армии, мобилизовывал усилия промышленности, сплачивал фронт и тыл.

В стране был введен «военный коммунизм» — единственно возможная в той обстановке политика, необходимая для победы над врагами молодой Советской Республики.

Благодаря героическим усилиям советского народа, в ходе чрезвычайно напряженной вооруженной борьбы планы интервентов и белогвардейцев в 1918 году осуществлены не были. Империалистам пришлось покинуть ряд районов Советского государства.

В 1919 году началось новое наступление многочисленных врагов Советской власти на нашу страну. Количество фронтов дошло до 6, а протяженность их — до 8 тысяч километров. Враги пытались задушить в железном кольце молодую Советскую Республику. Гражданская война достигла своего наивысшего напряжения. Совет обороны и Реввоенсовет республики делали все для того, чтобы реализовать ленинский план создания массовой регулярной армии Советского государства.

К началу года в Красной Армии уже были 42 стрелковые дивизии, вооруженные винтовками и станковыми пулеметами системы «максим», револьверами, ручными гранатами. В кавалерии насчитывалось 40 тысяч сабель. В действующей армии было 1700 орудий. Расширялись броневые силы. В них входили бронепоезда русской армии (каждый включал бронированный паровоз, две бронированные площадки и две-три контрольные платформы), а также броневые автомобильные отряды, состоявшие из 150 бронеавтомобилей. Военная авиация имела около 450 самолетов, в действующий флот (без речных и озерных флотилий) входило 2 линейных корабля, 2 крейсера, 24 эскадренных миноносца, 6 подводных лодок, 8 минных заградителей, 11 транспортов и другие суда.

Укрепляется аппарат высшего военного руководства, улучшается организация тыла армии, налаживается медицинская служба, расширяется сеть военно-учебных заведений по подготовке красных командных кадров.

Конечно, это были пока довольно скромные вооруженные силы. И понять, каким образом Красная Армия побеждала противника, значительно превосходившего ее в вооружении, можно, только приняв во внимание прозорливость и величайшую оперативность ленинского партийного руководства страной, высочайший революцион-

ный дух, исключительные моральные и политические качества войск рабочих и крестьян, отстаивавших свободу и независимость своей новой, социалистической Родины.

В начале 1919 года на востоке страны стояла белогвардейская армия Колчака, занимавшая фронт на линии Пермь — Орск. Уральская белоказачья армия расположилась под Уральском и занимала Гурьев. Белые армии Деникина стояли в полной готовности на реке Тереке, занимали Новочеркасск, Ростов-на-Дону, Юзовку и другие пункты Донбасса. Войска Антанты и контрреволюционного правительства Украины (так называемой Директории), захватив Украину, укрепились на линии Херсон — Николаев — Житомир — Коростень. Белолатыши находились на рубеже Шавли — Митава, войска Юденича и белоэстонцы — на линии Вольмар — Нарва, нацелив свой удар на Петроград. Белофинны, интервенты, белогвардейцы, занимая северные районы страны, готовили удары по Петрограду, Вологде, Котласу. В Краснодарске, Батуме, Новороссийске, Севастополе, Одессе также хозяйничали интервенты.

Поставив перед собой цель ликвидировать Советскую власть, империалистические правительства договорились между собой о расчленении нашей страны. Предусматривалось отторжение Украины, Белоруссии, Прибалтики, Кавказа, части Севера и других важнейших районов.

К весне 1919 года только в армии Колчака насчитывалось 300 тысяч хорошо вооруженных войск, состоявших главным образом из солдат, происходивших из зажиточного крестьянства и контрреволюционного казачества Забайкалья, Сибири, а также оренбургского и уральского белоказачества.

Кроме того, в тылу колчаковских войск было сосредоточено до 150 тысяч войск интервентов — США, Англии, Японии.

Правительства империалистических государств усиленно снабжали армии Деникина. Сам он был возведен Антантой в ранг «заместителя верховного». Этим актом предопределялись военное значение его войск и личная роль Деникина.

К весне 1919 года Красная Армия выросла в значительную силу. Ее численность доходила до 1800 тысяч человек, из коих около 400 тысяч неплохо вооруженных войск находились непосредственно на фронтах. Эти ча-

сти уже получили боевую закалку и опыт вооруженной борьбы. Бойцы Красной Армии хорошо понимали, за какие идеи они дерутся с интервентами и белыми армиями, знали, за что воюют и какие цели преследуют их враги.

Конечно, колчаковцы, деникинцы и солдаты других белых армий были снабжены лучше красноармейцев. У них было хорошее обмундирование и вооружение, опирались они на богатый продовольственными запасами тыл, в избытке получали оружие, боеприпасы, снаряжение и прочие материальные средства от Антанты.

Хотя внутреннее положение Советской Республики несколько упрочилось, но в целом оно продолжало оставаться тяжелым.

Четырехлетняя империалистическая война разорила аграрную страну со слабо развитой промышленностью. Из-за недостатка рабочей силы и сырья многие фабрики и заводы были закрыты еще при царизме. Подавляющее количество железной руды, каменного угля, нефти, хлопка, примерно три четверти чугуна, стали, сахара, большую часть хлеба производили как раз те районы страны, которые были заняты интервентами и белогвардейцами. Только поистине героические усилия партии и народа способствовали организации снабжения Красной Армии. При этом приходилось все время маневрировать скудными материально-техническими ресурсами, направляя их туда, где в данный момент решалась судьба страны. Остро не хватало самого необходимого — металла, топлива, одежды, хлеба.

Наш кавалерийский полк двигался на Восточный фронт.

Помню момент выгрузки на станции Ершов. Изголодавшиеся в Москве красноармейцы прямо из вагонов ринулись на базары, скупили там караваи хлеба и тут же начали их уничтожать, да так, что многие заболели. В Москве-то ведь получали четверть фунта плохого хлеба да щи с кониной или воблой.

Зная, как голодает трудовой народ Москвы, Петрограда и других городов, как плохо снабжена Красная Армия, мы испытывали чувство классовой ненависти к кулакам, к контрреволюционному казачеству и интервентам. Это обстоятельство помогало воспитывать в бойцах Красной Армии ярость к врагу, готовить их к решающим схваткам.

В марте 1919 года началось наступление колчаковских войск на Восточном фронте. Здесь у нас было не более ста тысяч войск, притом растянутых на весьма широком фронте. С трудом преодолевая упорное сопротивление войск наших 2-й и 3-й армий, Сибирская армия Колчака, не выполнив поставленной задачи, продвинулась за полтора месяца всего лишь на 80—130 километров, захватив Сарапул и Воткинск.

Западная армия Колчака начала наступление вслед за ударом Сибирской армии. Особенно сильные бои развернулись на уфимском направлении, где героически сражались 26-я и 27-я стрелковые дивизии 5-й армии нашего Восточного фронта. И все же 14 марта Уфа была захвачена колчаковцами. В ожесточенных сражениях на подступах к городу наша 5-я армия понесла большие потери, которые доходили до пятидесяти процентов убитыми, ранеными и без вести пропавшими. 5-й армией тогда командовал Ж. К. Блюмберг, а с первых чисел апреля ее принял М. Н. Тухачевский, бывший поручик, вступивший в апреле 1918 года в члены РКП(б).

Положение на Восточном фронте резко осложнялось кулацкими мятежами, подготовленными эсерами. Вспыхнули мятежи в Самарском, Сызранском, Сенгилеевском, Ставропольском и Мелекесском уездах. Эти мятежи вскоре были подавлены, но они серьезно повлияли на обстановку и отвлекли значительное количество наших войск.

Несмотря на тяжелые потери, 5-я армия при поддержке вооруженных отрядов железнодорожников и рабочих продолжала сдерживать врага. До 1 апреля колчаковская Западная армия не смогла добиться успеха и понесла большие потери.

В начале апреля оренбургская белоказачья армия Дутова захватила Актюбинск, перерезав железную дорогу Оренбург—Ташкент, в результате чего Туркестан снова оказался отрезанным от Советской России. С приближением белых к району Оренбурга кулаки подняли восстание в казачьих станицах, расположенных на реке Урал.

К середине апреля белые находились уже в 85 километрах от Казани и Самары и в ста километрах от Симбирска. Дальнейший отход наших войск за Волгу привел бы к соединению армий Колчака и Деникина. В этом случае мог образоваться сплошной фронт для удара на Москву. Положение осложнялось тем, что одновременно войска

белых и интервентов активно действовали и на всех других стратегических направлениях.

В это грозное время ЦК РКП(б) во главе с В. И. Лениным призвал партию, советский народ напрячь все силы для разгрома врага, и в первую очередь армий Колчака.

Партия, рабочий класс и все передовые люди живо откликнулись на этот призыв.

11 апреля Оргбюро ЦК партии утвердило «Тезисы ЦК РКП(б) в связи с положением Восточного фронта», написанные В. И. Лениным. На Пленуме ЦК РКП(б) 13 апреля и на заседаниях Политбюро 23 и 29 апреля рассматривались вопросы организации помощи Восточному фронту. Было принято решение провести новую партийную мобилизацию и направить на фронт наиболее мужественных и закаленных работников из рядов партии. 13 мая на заседании Совета обороны с докладом по вопросу о боеприпасах выступает В. И. Ленин. Еще раньше по его предложению 81 тысяча рабочих важнейших военных заводов переводится на красноармейский паек, рабочие оборонных заводов освобождаются от призыва в армию. Благодаря величайшему революционному подъему масс и огромной организаторской работе партии постепенно налаживается военное производство.

Мобилизация сил и средств по всей стране дала возможность основательно подкрепить истощенные армии Восточного фронта. Одних только коммунистов в армии фронта пришло около 15 тысяч, притом преимущественно в качестве рядовых бойцов действующей армии. Это была решающая политическая сила, сплачивающая войска и зовущая на бой с врагом.

Изучая потом меры и планы Главного командования Красной Армии и командования Восточного фронта, нетрудно было убедиться, что они недостаточно знали истинную группировку войск белых, не сумели раскрыть замыслы противника и организовать энергичное противодействие врагу.

Положение на Восточном фронте изменилось с приездом туда М. В. Фрунзе, который принял командование южной группой войск фронта. М. В. Фрунзе правильно определил, что в той тяжелой обстановке надо было как можно скорее вырвать у белых стратегическую инициативу, подорвать их моральное состояние и укрепить в наших войсках веру в победу над белыми.

С присущей ему прозорливостью полководца большого масштаба М. В. Фрунзе понял, что даже в результате успешных действий врага для белых создались некоторые отрицательные моменты, и если их правильно использовать, то они станут началом конца колчаковщины.

Он считал, что, сдерживая Колчака с фронта, нужно немедленно и решительно ударить силами Туркестанской, 1-й и отчасти 4-й армий по растянувшемуся левому крылу фронта Колчака, а в дальнейшем этот контрудар превратить в мощное контрнаступление всего нашего Восточного фронта с целью освобождения Урала и Сибири.

М. В. Фрунзе учел слабость войск левого крыла фронта Колчака и то, что Колчак не сможет быстро осуществить маневр своими главными силами, которые втянулись в сражения в центре фронта на казанском, симбирском и самарском направлениях, стремясь выйти на Волгу.

Предложения М. В. Фрунзе были одобрены В. И. Лениным. ЦК РКП(б) и Реввоенсовет утвердили этот план.

М. В. Фрунзе не боялся никакой ответственности и никаких трудностей, когда речь шла о судьбе Родины. Он в сжатые сроки сумел перегруппировать, доукомплектовать и всесторонне подготовить вверенную ему южную группу войск. Это в то время нелегко было сделать в условиях общей разрухи и почти полной бездеятельности железных дорог.

Небезынтересно напомнить, что писал впоследствии М. В. Фрунзе об обстановке на Восточном фронте:

«Войска Колчака уже надвигались вплотную к Волге; мы едва удерживали Оренбург, окруженный с трех сторон; защищавшая его армия все время стремилась к отходу; к югу от Самары уральские казаки прорвали фронт и двигались на север, угрожая Самаре и железной дороге Самара — Оренбург. Почти всюду мы отходили, но я не могу сказать, чтобы мы сознавали себя более слабой стороной, но так как инициатива находилась в руках белых и так как ударами то в том, то в другом направлении сковывалась наша воля, то мы чувствовали себя не особенно приятно. И требовалась не только колоссальная воля, но и яркое убеждение в том, что только переход в наступление изменит положение, чтобы действительно начать таковое. В тот момент пришлось счи-

таться не только с отступательным настроением частей, но и с давлением сверху, со стороны главного командования, бывшего тогда в руках т. Вацетиса. Он стоял за продолжение отступления... Невзирая ни на что, мы перешли в наступление и начали блестящую операцию, приводящую к полному разгрому Колчака»¹.

После поражения белых под Бугульмой, Белебеем и разгрома Колчака под Уфой резко возросло дезертирство из рядов белых войск, усилилось партизанское движение. Вот что записал в своем дневнике управляющий военным министерством Колчака барон А. Будберг в мае 1919 года:

«...несомненно, на фронте Западной армии инициатива перешла в руки красных. Наше наступление выдохлось, и армия катится назад, неспособная уже за что-нибудь зацепиться... При отходе местные мобилизованные расходятся по своим деревням, унося одежду, снаряжение, а иногда и вооружение... У красных огромное преимущество в том, что они не боятся брать на пополнение старых солдат, не нуждающихся в обучении, а мы боимся этого, как черта, и принуждены призывать только зеленую 18—19-летнюю молодежь...»

И далее: «Фронт трещит и катится назад; приходится уже подумывать о том, удастся ли нам сохранить за собой Урал...»²

В период успешного контрнаступления Восточного фронта создалась тяжелая обстановка под Уральском, где белые казаки осадили город и отрезали его от войск южной группы. Осажденные оказывали упорное сопротивление и не сдавали Уральск врагу, но положение гарнизона становилось опасным. В. И. Ленин, внимательно следивший за всеми событиями на Восточном фронте, 16 июня послал М. В. Фрунзе телеграмму:

«Прошу передать уральским товарищам мой горячий привет героям пятидневной обороны осажденного Уральска, просьбу не падать духом, продержаться еще немного недель. Геройское дело защиты Уральска увенчается успехом»³.

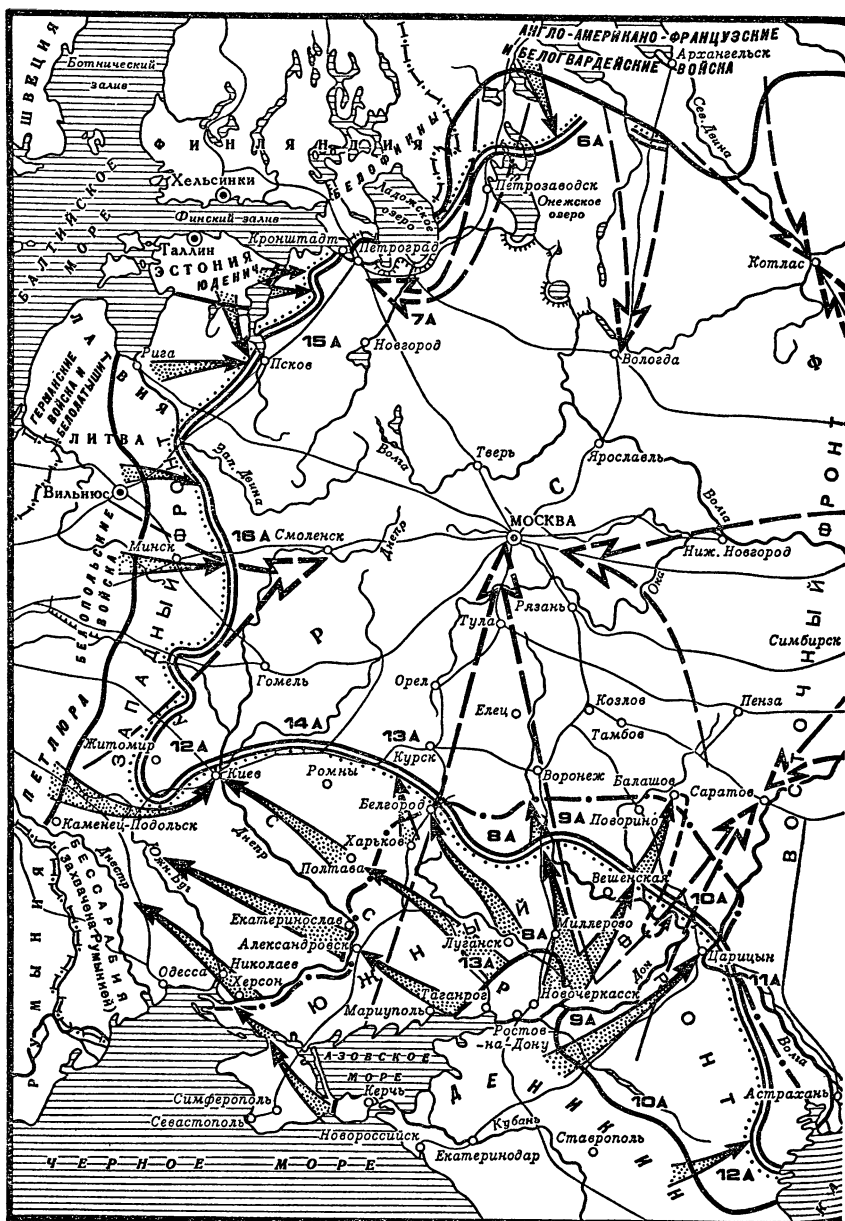
М. В. Фрунзе немедленно дает приказ о переброске

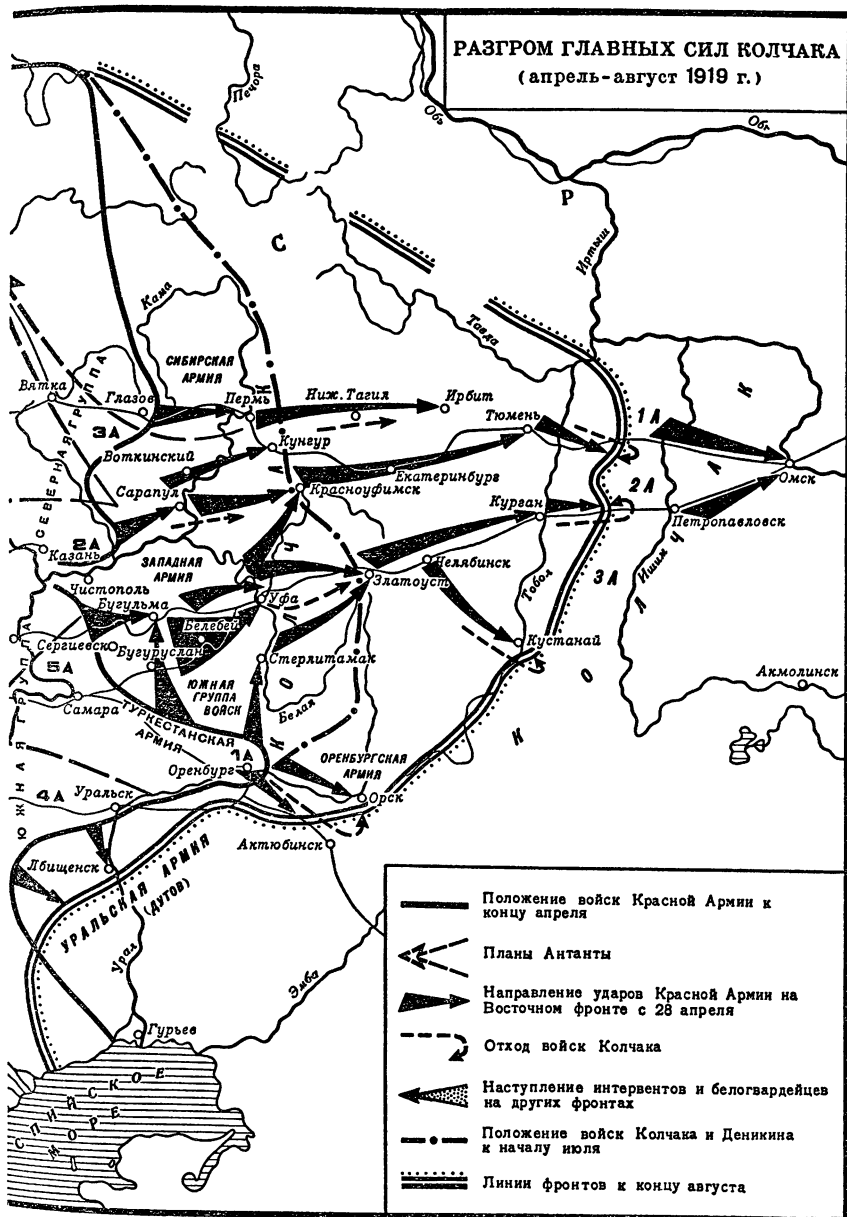
¹ Фрунзе М. В. Избранные произведения. М., Воениздат, 1957, т. 2, с. 48.

² Будберг Алексей, барон. Дневник белогвардейца (Колчаковская эпопея). Л., Прибой, 1929.

³ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 50, с. 351.

РАЗГРОМ ГЛАВНЫХ СИЛ КОЛЧАКА (апрель-август 1919 г.)

25-й Чапаевской дивизии в район осажденного Уральска. Прославленная дивизия под командованием легендарного В. И. Чапаева двинулась на помощь уральцам.

Наша 1-я Московская кавалерийская дивизия, где я тогда служил, находилась в подчинении М. В. Фрунзе. Выйдя в район станции Шипово, мы узнали, что чапаевцы уже подошли к Уральску. У наших бойцов было приподнятое настроение. Все были уверены в том, что уральские белые казаки будут разбиты.

Первое сражение с противником наш полк завязал на подступах к станции Шипово. Враг упорно сопротивлялся, то сдавая, то вновь захватывая позиции. Белые превосходили нас численностью войск. Помню отчаянную рубку недалеко от самой станции.

Нас атаковали казаки силой примерно восемьсот сабель. Когда они были уже совсем близко, из-за насыпи выскочил скрытый там наш эскадрон с пушкой. Артиллеристы — лихие ребята — на полном скаку развернули пушку и ударили белым во фланг. Среди казаков — полное смятение. Артиллеристы метким огнем продолжали наносить врагу большие потери. Наконец белые не выдержали и повернули назад. Успешная боевая схватка с казаками подняла дух бойцов-кавалеристов.

Особенно ожесточенные бои разгорелись в первых числах июня. Части нашей дивизии дрались мужественно, но продвигались вперед к Уральску медленно.

В это время войска облетела радостная весть: чапаевцы, разгромив белых, заняли город и соединились с героическим гарнизоном Уральска.

Во время боев за Уральск мне посчастливилось увидеть Михаила Васильевича Фрунзе. Он тогда лично руководил всей операцией.

М. В. Фрунзе ехал с В. В. Куйбышевым в 25-ю Чапаевскую дивизию. Он остановился в поле и заговорил с бойцами нашего полка, интересуясь их настроением, питанием, вооружением, спрашивал, что пишут родные из деревень, какие пожелания имеются у бойцов. Его простота и обаяние, приятная внешность покорили сердца бойцов.

Михаил Васильевич с особой теплотой и любовью рассказывал нам о В. И. Ленине, говорил о его озабоченности в связи с положением в районе Уральской области.

— Ну, теперь наши дела пошли неплохо, — сказал М. В. Фрунзе, — белых уральских казаков разгромили и

обязательно скоро добьем остальную контрреволюцию. Добьем Колчака. Освободим Урал, Сибирь и другие районы от интервентов и белых. Будем тогда восстанавливать нашу Родину!

Мы часто потом вспоминали эту встречу...

До марта 1919 года я состоял в группе сочувствующих, готовясь к вступлению в члены Российской Коммунистической партии (большевиков). Тогда еще не был установлен кандидатский стаж для вступления в партию. До сих пор я с благодарностью вспоминаю секретаря партийного бюро полка Трофимова и комиссара Волкова (имен их, к сожалению, не помню), которые помогали мне глубже понять Устав и Программу Коммунистической партии, подготовиться к вступлению в РКП(б).

Группа сочувствующих в эскадроне состояла из пяти человек, и, несмотря на ее малочисленность, товарищи Трофимов и Волков приходили к нам не менее двух раз в неделю, чтобы побеседовать о внутреннем и международном положении, о том, что предпринимает партия на фронтах. Эти беседы затягивались надолго и были очень интересны, особенно когда шла речь о борьбе большевиков с царизмом и о жарких схватках в октябрьские дни в Петрограде, Москве и других промышленных городах страны.

В то время только еще складывался партийно-политический аппарат Красной Армии. Правда, в армии и на флоте работало уже более 7 тысяч комиссаров, которые опирались на партийные ячейки, объединявшие более 50 тысяч коммунистов. Но предстояло еще сделать многое: уточнить функции комиссаров, придать единообразие органам партии в армии, призванным руководить партийно-политической работой, централизовать всю эту исключительно полезную и необходимую для армии деятельность. В конце 1918 года ЦК РКП(б) принял специальное постановление «О партийной работе в армии», в котором призывал коммунистов воспитывать в войсках железную дисциплину, отвагу и мужество в битвах с врагом. Этим же постановлением партийные организации освобождались от функций контроля над всей жизнью армии, которые были у них в самый начальный период строительства вооруженных сил.

Партия проводила свою политику в армии через военных комиссаров, политотделы Реввоенсоветов флота и армии, которые одновременно были военно-адми-

нистративным аппаратом, подчиненным военному командованию, и партийным органом, подчиненным партии и объединявшим армейских коммунистов.

1 марта 1919 года меня приняли в члены РКП(б). Многое уже теперь забыто, но день, когда меня принимали в члены партии, остался в памяти на всю жизнь. С тех пор все свои думы, стремления, действия я старался подчинять обязанностям члена партии, а когда дело доходило до схватки с врагами Родины, я, как коммунист, помнил требование нашей партии быть примером беззаветного служения своему народу.

Вскоре части нашей дивизии из района станции Шипово были переброшены для ликвидации белых банд около города Николаевска. В августе 1919 года наш 4-й кавалерийский полк был переведен на станцию Владимировка. В непосредственные военные действия дивизия еще не была втянута и занималась боевой подготовкой.

Здесь я познакомился с комиссаром дивизии, моим однофамильцем, Жуковым Георгием Васильевичем. Это произошло при следующих обстоятельствах. Однажды ранним утром, проходя мимо открытого манежа, я увидел, что кто-то «выезжает» лошадь. Подошел ближе, вижу, сам комиссар дивизии. Зная толк в езде и выезде, захотел посмотреть, как это делает комиссар.

Не обращая на меня внимания, комиссар весь в поту отрабатывал подъем коня в галоп с левой ноги. Но как он ни старался, конь все время давал сбой и вместо левой периодически выбрасывал правую ногу. Я не удержался и крикнул:

— Укороти левый повод!

Комиссар, ничего не говоря, перевел коня на шаг, подъехал ко мне и, соскочив, сказал:

— А ну-ка, попробуй.

Мне ничего не оставалось делать, как подогнать стремени и сесть в седло. Пройдя несколько кругов, чтобы познакомиться с конем, я подобрал его и поднял в галоп с левой ноги. Прошел круг — хорошо. Прошел другой — хорошо. Перевел с правой — тоже хорошо. Перевел с левой — идет без сбоя.

— Надо вести лошадь крепче в шенкелях, — наставительно заметил я.

Комиссар рассмеялся:

— Ты сколько лет сидишь на коне?

— Четыре года. А что?

— Так, ничего. Сидишь неплохо.

Разговорились. Комиссар спросил, где я начал службу, где воевал, когда прибыл в дивизию, когда вступил в партию. О себе он рассказал, что служит в кавалерии уже десять лет. Член партии с 1917 года. Привел в Красную Армию значительную часть кавалерийского полка из старой армии. По всему было видно, что это настоящий комиссар.

Кстати говоря, одна из первых инструкций, определявших функции комиссаров, была разработана политотделом нашей южной группы войск, которой командовал М. В. Фрунзе. В ней указывалось, что военные комиссары, являющиеся представителями рабоче-крестьянского правительства, проводят в армии идеи и политику Советской власти, ограждают интересы рабоче-крестьянской массы от возможных покушений со стороны враждебных ей элементов, содействуют развитию революционной дисциплины, наблюдают за беспрекословным исполнением боевых приказов.

Работа комиссара заключалась не только в агитации и пропаганде, но прежде всего в личном боевом примере, образе действий, поведении. Комиссар обязан был знать все оперативные распоряжения, участвовать в разработке приказов (решающее слово оставалось за командиром в вопросах оперативного характера), тщательно изучать военное дело. Обычно комиссары собирали перед боем политработников и рядовых коммунистов, объясняя им поставленные командиром задачи, и сами шли на наиболее опасные и решающие участки сражений. Звание и облик военного комиссара времен гражданской войны заслуженно овеяны легендарной славой.

С комиссаром Г. В. Жуковым я встречался потом не раз, мы беседовали с ним о положении на фронтах и в стране. Однажды он предложил мне перейти на политработу. Я поблагодарил, но сказал, что склонен больше к строевой. Тогда он порекомендовал поехать учиться на курсы красных командиров. Я охотно согласился. Однако осуществить это не удалось.

Село Заплавное, рядом с нами, было внезапно захвачено белыми, перебравшимися через Волгу где-то между Черным Яром и Царицыном. Начались бои. Тут уже было не до учебы.

После разгрома Колчака и отхода остатков его армий в Сибирь Антанта не отказалась от борьбы с Советской

Республикой. Теперь все надежды возлагались на Деникина. Непрерывным потоком с Запада шли в его войска поставки вооружения, снаряжения и продовольствия.

Французское и английское правительства сформировали несколько отрядов из числа бежавших белогвардейских офицеров, русских солдат-военнопленных, содержащихся в германских лагерях. Германские власти непременно условием возвращения русских военнослужащих на родину ставили вступление в добровольческие отряды для борьбы с Красной Армией.

Но из этой затеи ничего серьезного не получилось. Большинство таких «добровольцев» при первом же удобном случае переходили на нашу сторону. Дрались только те, кто ненавидел Советскую власть и считал борьбу с ней своим кровным делом. Но таких злобных антисоветчиков было немного.

Летом 1919 года армии Деникина представляли большую и опасную силу. Некоторые части состояли сплошь из офицеров. Делая главную ставку на Деникина, Антанта еще питала иллюзии в отношении войск Колчака, пытаясь поставить их на ноги, чтобы затем в подходящий момент бросить против Красной Армии с востока. На севере готовилась к новому походу белая армия Миллера. Ей также доставлялись многочисленные военные грузы. На обратном пути в страны Антанты шли корабли, груженные пушниной, рыбой, лесом и другими богатыми дарами нашего Севера.

На северо-западе к наступлению на Петроград готовились белофинны и армия Юденича. К участию в нем Антанта надеялась привлечь все малые буржуазные государства, граничащие с Советской страной.

Через контрреволюционные организации меньшевиков, эсеров, буржуазных националистов и кулаков в тылу страны организовывались восстания, мятежи, диверсии и саботаж. Срывались железнодорожные перевозки войск фронтам, перевозки продовольствия, вооружения и других важнейших грузов, необходимых фронту и тылу страны.

Партия большевиков организовала великий поход рабочих в деревню за хлебом. На помощь им пришла деревенская беднота, которая на основе декрета ВЦИК от 11 июня 1918 года объединялась в комитеты бедноты (комбеды).

«Либо,— писал В. И. Ленин,— сознательные передовики-рабочие победят, объединив вокруг себя массу бедноты, установив железный порядок, беспощадно-строгую власть, настоящую диктатуру пролетариата, заставят кулака подчиниться, водворят правильное распределение хлеба и топлива в общегосударственном масштабе;

— либо буржуазия при помощи кулаков, при косвенной поддержке бесхарактерных и путаных людей (анархистов и левых эсеров) сбросит Советскую власть и водворит русско-немецкого или русско-японского Корнилова, который несет народу 16-часовой рабочий день, восьмушку хлеба в неделю, расстрелы массы рабочих, пытки в застенках, как в Финляндии, как в Украине.

Либо — либо.

Середины нет.

Положение страны дошло до крайности»¹.

Ложью и клеветой антисоветская агентура старалась подорвать доверие народа к партии и правительству, к командованию войсками Красной Армии. И это, к сожалению, в первое время ей иногда удавалось. Особенно там, где дошедшая до предела экономическая разруха и грубые нарушения советских законов выводили из равновесия менее устойчивую часть населения.

Хочу привести здесь письмо, полученное мною под Царицыном от друга детства Павла Александровича Жукова, которое сохранилось у меня с того времени.

«Дорогой друг Георгий! После твоего ухода в Красную Армию почти все наши друзья и знакомые были призваны в армию. Мне опять не повезло. Вместо действующей армии меня послали в Воронежскую губернию с продотрядом выкачивать у кулаков хлеб. Конечно, это дело тоже нужное, но я солдат, умею воевать и думаю, что здесь мог бы вместо меня действовать тот, кто не прошел хорошую школу войны. Но не об этом я хочу тебе написать.

Ты помнишь наши споры и разногласия по поводу эсеров. Я считал когда-то их друзьями народа, боровшимися с царизмом за интересы народа, в том числе и за интересы крестьян. Теперь я с тобой согласен. Это подлецы! Это не друзья народа, это друзья кулаков, организаторы всех антисоветских и бандитских действий.

---

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 36, с. 360.

На днях местные кулаки под руководством скрывавшегося эсера напали на охрану из нашего продотряда, сопровождавшую конный транспорт хлеба, и зверски с ней расправились. Они убили моего лучшего друга Колю Гаврилова. Он родом из-под Малоярославца. Другому моему приятелю, Семену Иванишину, выкололи глаза, отрубили кисть правой руки и бросили на дороге. Сейчас он в тяжелом состоянии. Гангрена, наверное, умрет. Жаль парня, был красавец и удалой плясун. Мы решили в отряде крепко отомстить этой нечисти и воздать им должное, да так, чтобы запомнили на всю жизнь. Твой друг Павел».

После этого письма я долго ничего не слышал о судьбе Павла Жукова. И только в 1922 году узнал, что он погиб от рук кулаков где-то в Тамбовской губернии...

В. И. Ленин, ЦК партии и правительство, учитывая новую серьезную опасность, нависшую с юга, приняли ряд важнейших решений.

3—4 июля 1919 года состоялся Пленум ЦК РКП(б), который основное внимание уделил вопросам обороны страны и положению на Южном фронте, объявленном главным фронтом республики. Важнейшие итоги этого пленума были отражены в письме ЦК РКП(б) к организациям партии — «Все на борьбу с Деникиным!», написанном В. И. Лениным. На состоявшемся соединенном заседании ВЦИК, Московского Совета рабочих и красноармейских депутатов, Всероссийского Совета профессиональных союзов и представителей заводских комитетов Москвы 4 июля с докладом «О современном положении и ближайших задачах Советской власти» выступил В. И. Ленин.

Тогда же вновь был поставлен вопрос о привлечении в Красную Армию старых военных специалистов и о более бережном отношении к ним.

«Нам изменяют и будут изменять сотни и сотни военспецов...—говорилось в письме ЦК РКП(б),—но у нас работают систематически и подолгу тысячи и десятки тысяч военспецов, без коих не могла бы создаться та Красная Армия, которая выросла из проклятой памяти партизанщины и сумела одержать блестящие победы на востоке. Люди опытные и стоящие во главе нашего военного ведомства справедливо указывают на то, что там, где строже всего проведена партийная политика насчет

военспецов и насчет искоренения партизанщины, там, где тверже всего дисциплина, где наиболее заботливо проводится политработа в войсках и работа комиссаров... там нет расхлябанности в армии, там лучше ее строй и ее дух, там больше побед...»¹

Вспоминая совместную работу с офицерами старой армии, должен сказать, что в большинстве своем это были честные, добросовестные и преданные Родине сыны нашего народа. Когда приходилось отдавать жизнь в боях с врагами, они шли на это не дрогнув, с достоинством и боевой доблестью. Одного у них не хватало — это умелого подхода к бойцам. Держались они как-то особняком, не находили общего языка с красноармейской массой, и лишь немногим из них удавалось быть командиром, начальником и одновременно старшим товарищем солдату.

Помню, как в парторганизации мы не раз говорили о взаимоотношениях с бывшими офицерами и всемерно старались оказать широкое доверие военспецам. Конечно, и среди коммунистов находились крикуны, которые считали, что права была «военная оппозиция», что бывшее офицерство в своей массе — белогвардейцы, что оно неспособно сродниться с советским строем, а твердый уставный порядок и дисциплину эти люди отождествляют с крепостническими порядками. Но, как известно, точка зрения «военной оппозиции» VIII съездом партии была отвергнута подавляющим большинством.

Военные специалисты, внимательно наблюдавшие за работой VIII съезда партии, поняли, что партия доверяет им, ценит и заботится о них. Они стали значительно ближе к красноармейской массе и партийным организациям. Командный состав из офицеров бывшей царской армии стал активнее и требовательнее в вопросах дисциплины и службы войск. Все это благоприятно отразилось на их общей боевой готовности и боеспособности. Попытки подорвать доверие к старым офицерам решительно пресекались комиссарами, партийно-политическими работниками и даже самими красноармейцами.

VIII съезд РКП(б) (март 1919 г.) вообще уделил много внимания Красной Армии. Суть военной политики партии сводилась к тому, чтобы как можно скорее завершить

---

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 39, с. 56.

полный и окончательный переход от добровольческой и полупартизанской армии к регулярной кадровой армии, спаянной железной воинской дисциплиной, с единой системой комплектования, организации и управления. Эти основополагающие взгляды партии были изложены в докладах и выступлениях В. И. Ленина, в принятой съездом новой Программе партии и резолюции по военному вопросу.

Жизнь подтвердила правильность решений VIII съезда и всех дальнейших мероприятий партии по укреплению рядов Красной Армии. Они имели чрезвычайно важное значение, так как враг напрягал все усилия, чтобы задушить Советское государство.

После захвата армиями Деникина Царицына, Борисоглебска, Балашова, Краснограда и других важнейших пунктов Антанта начала торопить Деникина с походом на Москву. Узнав через свою агентуру о подготовке Красной Армией контрнаступления, Деникин, чтобы сорвать его, поспешил первым нанести нам ряд сосредоточенных ударов и захватить инициативу в свои руки.

В августе 1919 года конный корпус Мамонтова прорвал фронт 8-й армии в районе Новохоперска и, выйдя в тыл нашему Южному фронту, двинулся на Тамбов, где располагались крупные базы. Тогда же Деникин бросил в стык 13-й и 14-й армий 1-й армейский корпус Кутепова, который начал теснить наши части к Курску и Ворожбе. Захватив после упорных боев Курск, Орел и Воронеж, враг приближался к Москве с юга.

В этой сложной обстановке Коммунистическая партия, ее ленинский ЦК удесятирили энергию и сумели с помощью политических и военных мер организовать отпор белым войскам — Красная Армия одержала победы под Орлом и Воронежем, ознаменовавшие собой перелом в борьбе с Деникиным, нанесла поражение Юденичу под Петроградом. Не давая врагу передышки, красные полки двинулись в контрнаступление на юг. Здесь под Царицыном, у Бахтияровки и Заплавного против Кавказской армии сражался и наш 14-й кавалерийский полк. Мы отчетливо слышали несмолкаемую артиллерийскую канонаду в районе Царицына и на подступах к нему со стороны Камышина. В этих сражениях враг нес тяжелые потери, но и наши войска истекали кровью.

Первая половина сентября проходила в ожесточенных сражениях и отличалась большой динамичностью и рез-

кими изменениями обстановки. В октябре под Царицыном шли бои местного значения, и мы лишь в общих чертах знали о больших событиях, назревавших на московском направлении.

В бою между Заплавным и Ахтубой во время рукопашной схватки с белокалмыцкими частями меня ранило ручной гранатой. Осколки глубоко врезались в левую ногу и левый бок, и я был эвакуирован в лазарет, где еще раз, кроме того, переболел тифом. Из лазарета вышел крайне ослабленным и получил месячный отпуск на восстановление здоровья.

Я поехал в деревню к родителям. Народ в деревне находился в тяжелом положении, но не унывал. Бедняцкая часть крестьянства, объединившись в комитеты бедноты — комбеды, принимала активное участие в изъятии хлеба у кулаков. Крестьяне-середняки, несмотря на трудности и тяжелую обстановку на фронтах, все больше и больше склонялись на сторону Советской власти, и лишь немногие из них относились отрицательно к мероприятиям партии и правительства. Это были главным образом те, кто по имущественному положению тяготел к кулакам.

Отпуск прошел быстро, и я явился в военкомат с просьбой направить меня в действующую армию. Но физически был еще слаб, и меня послали в Тверь в запасный батальон с последующим направлением на курсы красных командиров.

Первые рязанские кавалерийские курсы, куда я был командирован в январе 1920 года, находились в Старожилове Рязанской губернии, в бывшем поместье.

Курсы укомплектовывались главным образом кавалеристами, отличившимися в боях. Мне было предложено занять должность курсанта — старшины 1-го эскадрона. Это дело мне было хорошо знакомо еще по старой армии. Командир курсантского эскадрона В. Д. Хламцев поручил мне также заниматься с курсантами владением холодным оружием (пика, шашка), обучением штыковому бою, строевой и физической подготовкой.

В. Д. Хламцев, в прошлом офицер царской армии, был всегда подтянут и служил примером для курсантов. Заведующий строевым обучением Г. С. Десницкий тоже был на своем месте. Строевые командные кадры состояли главным образом из старых военных специалистов — офицеров. Работали они добросовестно, но несколько

формально — «от» и «до». Воспитательной работой занимались парторганизация и политаппарат курсов, общеобразовательной подготовкой — военизированные педагоги. Политико-экономические дисциплины вели наскоро подготовленные преподаватели, которые зачастую сами «плавали» в этих вопросах не хуже нас, грешных.

Общеобразовательная подготовка основной массы курсантов была недостаточной. Ведь набирали их из числа рабочих и крестьян, до революции малограмотных. Но, надо отдать им должное, учились они старательно, сознавая, что срок обучения короткий, а научиться надо многому, чтобы стать достойным красным командиром.

В середине июля курсантов спешно погрузили в эшелоны. Никто не знал, куда нас везут. Видели только, что едем в сторону Москвы. В Москве курсы сосредоточили в Лефортовских казармах, где уже были расквартированы тверские и московские курсанты. Нам объявили, что курсы войдут во 2-ю Московскую бригаду курсантов, которая будет состоять из двух пехотных полков и одного кавалерийского. Бригада будет направлена на врангелевский фронт. Мы получили все необходимое боевое снаряжение и вооружение. Экипировка и конская амуниция были новые, и внешне мы выглядели отлично.

В Москве у меня было много друзей и знакомых. Хотелось перед отправкой на фронт повидать их, особенно ту, по которой страдало молодое сердце, но, к сожалению, я так и не смог никого навестить. Командиры эскадрона, часто отлучавшиеся по различным обстоятельствам, обычно оставляли меня, как старшину, за главного. Пришлось ограничиться письмами к знакомым. Не знаю, то ли из-за этого или по другой причине, между мной и Марией произошла размолвка. Вскоре я узнал, что она вышла замуж, и с тех пор никогда ее больше не встречал.

В августе наш сводный курсантский полк (командир полка Г. П. Хормушко и комиссар В. А. Крылов), находившийся в составе 2-й Московской бригады курсантов, сосредоточился в Краснодаре, откуда выступил против войск Врангеля, а именно десанта генерала Улагая.

Летом 1920 года стало ясно, что буржуазно-помещичья Польша, несмотря на временные успехи, вряд ли сможет продолжать войну с Советской Россией. К тому времени численность Красной Армии намного пре-

вышла 3 миллиона человек. Поэтому правители Антанты договорились между собой об организации еще одного наступления на Советскую Россию, опираясь, кроме вооруженных сил помещичье-буржуазной Польши, на войска барона Врангеля, формируемые в Крыму.

Врангелю была обещана неограниченная помощь. Он, в свою очередь, дал официальные обязательства оплатить все затраты Антанты и полностью рассчитаться за царские долги.

К маю 1920 года в армии Врангеля насчитывалось около 130 тысяч штыков и 4,5 тысячи сабель. Однако этого было недостаточно для возобновления широких действий против Советского государства. На территории Крыма Врангель не мог получить никакого пополнения, и он решил вторгнуться в Северную Таврию. Но здесь Врангеля постигла неудача: он не смог прорваться в Донбасс и на Дон.

«Единственным источником пополнения армии,— писал Врангель в своих мемуарах,— могла быть еще казачья земля... При развале армий генерала Деникина десятки тысяч казаков разошлись по домам с конями, оружием и снаряжением. Огромные боевые запасы были оставлены на Северном Кавказе и на Дону... Эти края были богаты еще местными ресурсами. Все это заставляло склоняться к перенесению нашей борьбы в казачьи районы».

Врангель считал, что на Кубани разрослось белобандитское движение, и возлагал надежды на так называемую «армию возрождения России» под командованием генерала Фостикова. Но он явно переоценивал эти силы. Принимая желаемое за действительность, Врангель рассчитывал на казачество, точнее, на кулацкое движение на Кубани.

Но к этому времени кубанское казачество в значительной части уже разобралось в том, что несет ему белогвардейщина и «верховное правительство», субсидируемое Антантой.

Наши командиры, комиссары и красноармейцы делали все, чтобы довести до сознания кубанцев истинные цели нашей борьбы и необходимость быстрее закончить ликвидацию антисоветских банд.

В то же время оказывалась большая разносторонняя помощь беднейшему казачеству и красноармейским семьям. Эта часть работы среди населения была особенно

важна, так как белые до прихода частей Красной Армии притесняли бедняков, зачастую отбирая последний кусок хлеба, и всячески глумились над ними.

Помню, как-то вечером в наш эскадрон пришел комиссар полка и предложил поработать несколько дней по ремонту жилищ, надворных построек и сельскохозяйственного инвентаря бедняков и семей красноармейцев. Все мы охотно согласились.

Наш комиссар В. А. Крылов взялся за самое трудное — очистку общественного колодца, который белогвардейцы завалили разным хламом. Колодец был довольно глубокий, и когда он спустился на дно, то чуть не задохнулся. Комиссара вытянули наверх еле живого, однако, отдышавшись, он вновь приказал спустить его в колодец. Через некоторое время его снова пришлось поднять наверх, и так продолжалось до тех пор, пока колодец не был очищен. К вечеру все село только и говорило о мужестве комиссара.

Когда все работы были закончены, казаки пригласили нас всех на товарищеский обед. За обедом было много душевных разговоров, нас благодарили за помощь. Не обошлось и без курьезов. Оказалось, группа курсантов, которой было дано задание отремонтировать сарай и сбрую у одной вдовы-казачки, провела эту работу у однофамильцев — кулацкой семьи. Это происшествие всех рассмешило, но «виновники» были явно расстроены.

В августе наш сводный курсантский полк был брошен сначала против десанта врангелевского генерала Улагая, а затем действовал против банд Фостикова и Крыжановского в районе станиц Урупской, Бесскорбной, Отрадной. Банды вскоре были разгромлены. Остатки их бежали под защиту меньшевистского грузинского правительства, а Фостиков — в Крым, к Врангелю.

Нам не пришлось участвовать в операциях по окончательному разгрому Врангеля в Крыму. Но наиболее подготовленные курсанты были досрочно выпущены и отправлены на укомплектование частей конницы, потерявших значительное число командных кадров в боях с врангелевцами.

Выпуск состоялся в городе Армавире, где в это время стоял полевой штаб 9-й армии. Остальная часть курсантов в составе сводного полка была брошена на преследование банд, ушедших в горы Кавказа. Через некоторое время мы узнали, что наш курсантский полк где-то в

горах Дагестана попал в засаду и понес большие потери. Многие командиры и бойцы были зверски замучены бандитами. Погиб и наш комиссар, которого мы все так любили.

Значительная часть выпуска была направлена в 14-ю отдельную кавалерийскую бригаду, которая в то время стояла в районе станицы Новожерелиевская и продолжала операции по ликвидации в плавнях остатков улагаевцев и местных банд. Я был направлен в 1-й кавалерийский полк, которым тогда командовал старый боевой донской казак Андреев, как говорили, храбрец и рубака. В этот же полк были назначены и мои друзья-курсанты: Горелов, Михайлов и Ухач-Огорович (к сожалению, не помню их имен).

Явившись в штаб и сдав документы, мы были приняты командиром полка. Глядя на наши красные штаны, он неодобрительно заметил:

— Мои бойцы не любят командиров в красных штанах.

Что было делать? Эти штаны были у нас единственными, других курсантам не выдавали. Все еще как-то нам не доверяя, он продолжал:

— У нас бойцы больше из бывалых вояк, необстрелянных мы не жалуем.

После этого, скажем прямо, не очень приветливого вступления он приступил к расспросам: кто откуда родом, партийность, приходилось ли воевать, когда, где и т. д. Узнав, что среди нас есть не только обстрелянные воины, но и участники первой мировой войны, он, кажется, успокоился.

Явившись в эскадрон, мы представились командиру эскадрона Вишневному. С первого взгляда он нам не понравился. Вишневский производил впечатление человека, мало интересующегося делами своей части. Не отрываясь от книги, которую он читал, и не поинтересовавшись, кто мы такие, на что способны, не сказав ни слова о том, что собой представляют люди, с которыми нам предстоит работать, а может быть, вскоре и вести за собой в бой, он как-то нехотя приказал:

— Вы, Жуков, идите принимайте от Агапова 2-й взвод, а вы, Ухач-Огорович, вступайте в командование 4-м взводом.

Разыскав 2-й взвод, я зашел к Агапову, временно исполнявшему должность командира взвода. Это был

пожилой человек, в прошлом рядовой кавалерист старой армии, участник первой империалистической войны. Уже при первом знакомстве я почувствовал симпатию к этому простому и доброжелательному человеку.

Достав из кармана список взвода, в котором состояло 30 человек, Агапов сказал:

— Люди во взводе — все старые бойцы, за исключением трех-четырех человек. Бойцы отличные, но есть, конечно, с норовом, их надо умеючи взять в руки.

И он подробно рассказал о каждом.

— Горшков — рубака, партизан в худшем смысле, но в атаке — первый. На него не следует повышать голос, он обидчив, его надо чаще похваливать и по-товарищески указывать на неправильное поведение, притом обязательно наедине, — спокойно пояснял Агапов. — Касьянов — пулеметчик, воронежский хохол, хороший боец. Ему не нужно в бою ставить задачу, он сам хорошо понимает, какую цель следует в первую очередь поразить. Казакевич, Ковалев, Сапрыкин — три неразлучных дружка, хорошие бойцы, но любят погулять. Этих можно и нужно выругать перед строем, пригрозить отправить к комиссару полка. Он у нас строгий и не любит тех, кто не бережет честь красноармейца.

И так Агапов рассказал мне о каждом бойце. Я был ему очень благодарен за беседу.

Затем приказал собрать людей в конном строю, чтобы познакомиться с ними.

Поздоровавшись со взводом, я сказал:

— Вот что, товарищи. Меня назначили вашим командиром. Хороший или плохой я командир, хорошие или плохие вы бойцы — это мы увидим в будущем, а сейчас хочу посмотреть ваших коней и боевое снаряжение и лично с каждым познакомиться.

Во время осмотра некоторые бойцы демонстративно разглядывали мои красные брюки. Я заметил это и сказал:

— Меня уже предупредил командир полка Андреев, что вы не любите красные брюки. У меня, знаете ли, других нет. Ношу то, что дала Советская власть, и я пока что у нее в долгу. Что касается красного цвета вообще, то это, как известно, революционный цвет и символизирует он борьбу трудового народа за свою свободу и независимость...

На другой день, собрав взвод у себя в хате, я попро-

сил бойцов рассказать о себе. Разговор долго не клеился. Пулеметчик Касьянов заметил:

— А чего рассказывать-то? Во взводном списке имеются все данные, кто откуда и что мы за люди.

Тогда я рассказал им все, что знал о сражениях с белополяками и Врангелем в Северной Таврии. Бойцы слушали внимательно, особенно интересовались, будет ли Антанта вновь высаживать свои войска. Я ответил, что правители Антанты хотели бы высадить свои войска, да народ и солдаты стран Антанты не хотят драться против нас.

Через несколько дней в операции по очищению Приморского района от остатков банд мне довелось идти во главе взвода в бой. Бой закончился в нашу пользу. Бандиты были уничтожены и частично взяты в плен, и, самое важное, наш взвод не понес при этом никаких потерь. После боя никто из бойцов уже не говорил мне о красных брюках.

Вскоре я был назначен командиром 2-го эскадрона 1-го кавалерийского полка. Командиром полка в это время был Николай Михайлович Дронов, до предела храбрый, очень умный и доброжелательный человек. Личный состав полка полюбил своего командира и смело действовал под его командованием.

В конце декабря 1920 года вся бригада была переброшена в Воронежскую губернию для ликвидации кулацкого восстания и банды Колесникова. Эта банда вскоре была разгромлена. Остатки ее бежали в Тамбовскую губернию на соединение с кулаcko-эсеровскими бандами Антонова.

Несколько слов о главаре эсеров-кулацкого восстания Антонове.

Происходил он из мещан города Кирсанова Тамбовской губернии. Учился в реальном училище, но за плохое поведение и хулиганские проделки был исключен. Антонов уехал из Кирсанова, примкнул к шайке уголовных преступников и занялся грабежами, сопровождавшимися нередко убийствами. В 1906 году вступил в партию эсеров. Впоследствии за уголовные преступления был сослан в Сибирь на каторгу. В Тамбовской губернии Антонов вновь появился в 1917 году, в период Февральской революции. Вскоре занял должность начальника кирсановской уездной милиции. Всюду расставлял своих людей.

Главными его сподвижниками были известные эсеры Баженов, Махневич, Зоев и Лощинин.

К августу 1920 года Антонов имел крупную, сколоченную банду. Заняв какой-либо важный населенный пункт, антоновцы тут же приступали к созданию нового отряда. Отряды постепенно сводились в полки до тысячи человек. Главной ударной силой у Антонова были кавалерийские полки общей численностью от 1,5 тысячи до 3 тысяч человек.

В конце 1920 года банды Антонова объединились в «армию». В главный оперштаб этой «армии» вошли старые эсеры: Богуславский, Гусаров, Токмаков и Митрофанович. Командующим был избран Токмаков, а Антонов — начальником штаба. Вскоре была создана и вторая «антоновская армия». Вся военная власть по-прежнему была сосредоточена в руках Антонова. Части были вооружены пулеметами, винтовками, револьверами, пашками.

Политическую организацию эсеров-кулацкого восстания возглавлял ЦК эсеров. Своей главной задачей он считал свержение Советской власти. Ближайшие задачи антоновцев состояли в следующем:

- срыв выполнения продразверстки и других повинностей, налагаемых Советской властью;

- уничтожение представителей РКП(б) и Советской власти;

- нападение на небольшие отряды Красной Армии с целью их разоружения;

- порча железных дорог, уничтожение складов и баз.

Исходя из этого, антоновцы применяли следующую тактику: 1) уклонение от боя с крупными частями Красной Армии; 2) вступление в бой при полной уверенности в победе и обязательно при превосходстве своих сил; 3) в случае необходимости — выход из неудачно сложившейся боевой обстановки небольшими группами и в разные стороны с последующим сбором в заранее условленном месте.

В декабре 1920 года Советское правительство создало штаб войск Тамбовской губернии для ликвидации бандитизма. К 1 марта 1921 года силы тамбовского командования были доведены до 32,5 тысячи штыков, 7948 сабель, 463 пулеметов и 63 орудий. К 1 мая эти силы были увеличены еще на 5 тысяч штыков и 2 тысячи сабель. Однако тамбовское военное командование из-за неорга-

низованности и нерешительности не сумело ликвидировать банды Антонова.

Обнаглев, Антонов сам производил налеты на гарнизоны частей Красной Армии. Так было в начале апреля 1921 года, когда отряд в 5 тысяч антоновцев разгромил гарнизон, занимавший Рассказово. При этом целый наш батальон был взят в плен.

Вскоре командующим войсками по борьбе с антоновщиной был назначен М. Н. Тухачевский.

О Михаиле Николаевиче Тухачевском мы слышали много хорошего, особенно о его оперативно-стратегических способностях, и бойцы радовались, что ими будет руководить такой талантливый полководец.

Впервые я увидел М. Н. Тухачевского на станции Жердевка, на Тамбовщине, куда он приехал в штаб нашей 14-й отдельной кавалерийской бригады. Мне довелось присутствовать при его беседе с командиром бригады. В суждениях М. Н. Тухачевского чувствовались большие знания и опыт руководства операциями крупного масштаба.

После обсуждения предстоящих действий бригады Михаил Николаевич разговаривал с бойцами и командирами. Он интересовался, кто где дрался, каковы настроения в частях и у населения, какую полезную работу мы проводим среди местных жителей.

Перед отъездом он сказал:

— Владимир Ильич Ленин считает необходимым как можно быстрее ликвидировать кулацкие мятежи и их вооруженные банды. На вас возложена ответственная задача. Надо все сделать, чтобы выполнить ее как можно быстрее и лучше.

Мог ли я подумать тогда, что всего через несколько лет мне придется встретиться с Михаилом Николаевичем в Наркомате обороны при обсуждении теоретических основ тактического искусства советских войск!..

С назначением М. Н. Тухачевского и В. А. Антонова-Овсеенко борьба с бандами пошла по хорошо продуманному плану. Заместителем М. Н. Тухачевского был И. П. Уборевич, который одновременно возглавил действия сводной кавалерийской группы и сам участвовал в боях с антоновцами, показав при этом большую личную храбрость.

Особенно сильные бои по уничтожению антоновских частей развернулись в конце мая 1921 года в районе реки

Вороны, у населенных пунктов: Семеновка, Никольское, Пушино, Никольское-Перевоз, Тривки, Ключки, Екатериновка и у реки Хопер. Здесь хорошо действовали кавалерийская бригада Г. И. Котовского, 7-е Борисоглебские кавалерийские курсы и наша 14-я отдельная кавбригада. Но полностью уничтожить банду в то время все же нам не удалось.

Основное поражение антоновцам было нанесено в районе Сердобска, Бакуры, Елани, где боевые действия возглавил И. П. Уборевич. Остатки разгромленной банды бросились врассыпную в общем направлении на Пензу. В Саратовской губернии они были почти полностью ликвидированы с помощью крестьян, ненавидевших бандитов.

В течение лета 1921 года частями под командованием И. П. Уборевича при большой поддержке местного населения были ликвидированы и банды Васьки Караса и Богуславского под Новохоперском.

С антоновцами было немало трудных боев. Особенно запомнился мне бой весной 1921 года под селом Вязовая Почта, недалеко от станции Жердевка. Рано утром наш полк в составе бригады был поднят по боевой тревоге. По данным разведки, в 10—15 километрах от села было обнаружено сосредоточение до трех тысяч сабель антоновцев. Наш 1-й кавполк следовал из Вязовой Почты в левой колонне; правее, в 4—5 километрах, двигался 2-й полк бригады. Мне с эскадром при 4 станковых пулеметах и одном орудии было приказано двигаться по тракту в головном отряде.

Пройдя не более пяти километров, эскадрон столкнулся с отрядом антоновцев примерно в 250 сабель. Несмотря на численное превосходство врага, развернув эскадрон и направив на противника огонь орудия и пулеметов, мы бросились в атаку. Антоновцы не выдержали стремительного удара и отступили, неся большие потери.

Во время рукопашной схватки один антоновец выстрелом из обреза убил подо мной коня. Падая, конь придавил меня, и я был бы неминуемо зарублен, если бы не выручил подоспевший политрук Ночевка. Сильным ударом клинка он зарубил бандита и, схватив за поводья его коня, помог мне сесть в седло.

Вскоре мы заметили колонну конницы противника, стремившуюся обойти фланг эскадрона. Немедленно раз-

вернули против нее все огневые средства и послали доложить командиру полка сложившуюся обстановку. Через 20—30 минут наш полк двинулся вперед и завязал огневой бой.

2-й полк бригады, столкнувшись с численно превосходящим противником, вынужден был отойти назад. Пользуясь этим, отряд антоновцев ударил нам во фланг. Командир полка решил повернуть обратно в Вязовую Почту, чтобы заманить противника на невыгодную для него местность. Мне было приказано прикрывать выход полка из боя.

Заметив наш маневр, антоновцы всеми силами навалились на мой эскадрон, который действовал уже как арьергард полка.

Бой был для нас крайне тяжелым. Враг видел, что мы в значительном меньшинстве, и был уверен, что сомнет нас. Однако осуществить это оказалось не так-то просто. Спасло то, что при эскадроне было 4 станковых пулемета с большим запасом патронов и 76-мм орудие.

Маневрируя пулеметами и орудием, эскадрон почти в упор расстреливал атакующие порядки противника. Мы видели, как поле боя покрывалось вражескими трупами, и медленно, шаг за шагом с боем отходили назад. Но и наши ряды редели. На моих глазах свалился с коня тяжело раненный командир взвода, мой товарищ Ухач-Огорович.

Это был способный командир и хорошо воспитанный человек. Отец его, полковник старой армии, с первых дней перешел на сторону Советской власти, был одним из ведущих преподавателей на наших рязанских командных курсах.

Теряя сознание, он прошептал:

— Напиши маме. Не оставляй меня бандитам.

Его, как и всех раненых и убитых, мы увезли с собой на пулеметных санях и орудийном лафете, чтобы бандиты не могли над ними надругаться.

Предполагавшаяся контратака полка не состоялась: не выдержал весенний лед на реке, которую надо было форсировать, и нам пришлось отходить до самой Вязовой Почты.

Уже в самом селе, спасая пулемет, я бросился на группу бандитов. Выстрелом из винтовки подо мной вторично за этот день была убита лошадь. С револьве-

ром в руках пришлось отбиваться от наседавших бандитов, пытавшихся взять меня живым. Опять спас политрук Ночевка, подскочивший с бойцами Брыксиным, Горшковым и Ковалевым.

В этом бою мой эскадрон потерял 10 человек убитыми и 15 ранеными. Трое из них на второй день умерли, в том числе и Ухач-Огорович, мой друг и боевой товарищ.

Это был тяжелый для нас день. Потеря многих наших боевых товарищей болью отозвалась в сердце каждого из нас. Только сознание, что была разгромлена такая многочисленная банда, приносило удовлетворение.

За этот выдающийся подвиг большинство командно-политического состава и бойцов было отмечено правительственными наградами. Был награжден и я. Вот что значилось в приказе РВСР за № 183 от 31 августа 1922 года:

«Награжден орденом Красного Знамени командир 2-го эскадрона 1-го кавалерийского полка отдельной кавалерийской бригады за то, что в бою под селом Вязовая Почта Тамбовской губернии 5 марта 1921 г., несмотря на атаки противника силой 1500—2000 сабель, он с эскадромом в течение 7 часов сдерживал натиск врага и, перейдя затем в контратаку, после 6 рукопашных схваток разбил банду»¹.

В конце лета 1921 года проводилась окончательная ликвидация мелких банд, разбежавшихся по Тамбовщине. Их надо было добить как можно скорее. Перед моим эскадромом была поставлена задача ликвидировать банду Зверева, насчитывавшую до 150 сабель. Банда вскоре была обнаружена. Началось ее преследование. Понемногу силы бандитов иссякали. На подходе к лесу нам удалось их догнать и атаковать.

В течение часа все было кончено, но пять бандитов во главе со Зверевым все же удрали и, пользуясь наступающими сумерками, скрылись в лесу. Однако им уже ничто не могло помочь: ликвидация антоновских банд на Тамбовщине была завершена.

Вспоминая этот эпизод, не могу не рассказать об одном курьезном случае, который с нами произошел.

Преследуя банду, мы неожиданно столкнулись с двумя бронемашинами, которые выскочили из соседнего

---

¹ ЦГАСА, ф. 4, оп. 7, д. 12/36, л. 251.

села. Мы знали, что банда не имеет броневиков, а потому и не открывали по ним огонь. Однако броневики, заняв выгодную позицию, повернули в нашу сторону пулеметы. Что за оказия? Послали связных. Оказалось, что это наши и в головной бронемашине сам И. П. Уборевич. Узнав об уходе банды в направлении леса, он решил перехватить ее на пути. Хорошо, что разобрались, а то могло бы плохо кончиться.

Так я впервые познакомился с И. П. Уборевичем. Позднее, в 1932—1937 годах, мы часто с ним встречались. Он был тогда командующим войсками Белорусского военного округа, где мне довелось командовать кавалерийской дивизией.

х х х

...Прошли долгие годы. Забыты трудности гражданской войны, которые приходилось преодолевать нашему народу. Но никогда не изгладится из памяти то, что каждым из нас руководила твердая вера в справедливость идей, которые провозгласила ленинская партия в дни Октября.

Английский генерал Нокс писал в те времена своему правительству о том, что можно разбить миллионную армию большевиков, но когда 150 миллионов русских не хотят белых, а хотят красных, то бесцельно помогать белым.

Опыт прошлых войн, в том числе и опыт первой мировой войны, по целому ряду причин не мог быть тогда целиком взят Красной Армией на вооружение. Для борьбы с врагами молодого Советского государства нужно было создать свою, ярко выраженную классовую военную организацию, вооружив ее новыми взглядами на существо и способы борьбы.

«Всякая революция лишь тогда чего-нибудь стоит, если она умеет защищаться...»¹,—говорил Владимир Ильич Ленин. И партия, ее ЦК, лично В. И. Ленин сыграли решающую роль в организации защиты Отечества, объединении всех сил фронта и тыла, подъеме масс рабочих, красноармейцев, крестьян на борьбу с интервентами и контрреволюцией в годы гражданской войны. Они

---

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 37, с. 122.

провели в жизнь сотни и тысячи мер, обеспечивших победу над врагом.

Историки установили, что за период с 1 декабря 1918 года по 27 февраля 1920 года состоялось 101 заседание Совета обороны, на которых было обсуждено 2300 вопросов по организации обороны страны, обеспечению Красной Армии и Военно-Морского Флота боевой техникой, вооружением, снаряжением, продовольствием. На всех заседаниях, за исключением двух, председателем был В. И. Ленин.

Изучение документов периода гражданской войны свидетельствует о том, что постановления и директивы ЦК партии, Политбюро, указания В. И. Ленина являлись той основой, на которой Главным командованием Красной Армии, Реввоенсоветами фронтов разрабатывались конкретные планы военных операций. Стратегические планы всех важнейших военных кампаний всесторонне обсуждались на пленумах и заседаниях ЦК партии.

В. И. Ленин был лично связан с Главным военным командованием, фронтами и армиями, близко знал многих командиров и политработников. С ними он вел большую переписку. За годы гражданской войны, по далеко не полным данным, за подписью В. И. Ленина было отправлено около 600 писем и телеграмм по вопросам обороны Советского государства ¹.

В то же время В. И. Ленин, ЦК партии не подменяли Главное командование и Реввоенсовет в оперативном руководстве фронтами, армиями, боевыми действиями войск.

Когда В. И. Ленин получил сообщение о том, что некоторые военные работники выражают сомнение в правильности разработанного главкомом С. С. Каменевым плана борьбы с Деникиным, он от имени Политбюро ЦК партии написал Троцкому: «Политбюро вполне признает оперативный авторитет Главкома и просит Вас сделать соответственное разъяснение всем ответственным работникам» ². Главком С. С. Каменев попросил В. И. Ленина проекты всех правительственных директив по оперативным военным вопросам показывать предварительно Главному командованию. На докладной С. С. Каменева,

¹ См.: КПСС и строительство Советских Вооруженных Сил. М., Воениздат, 1967, с. 44, 69, 98.

² Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 51, с. 22.

адресованной всем членам Политбюро ЦК партии, В. И. Ленин писал: «По-моему, ходатайство уважить и постановить: либо лично Главкома вызывать, либо проекты директив давать ему на **срочное** заключение»¹.

Реввоенсовет республики, Военные советы фронтов и армий в целом работали на основании решений ЦК РКП(б). Назначение командующих и комиссаров на ответственные посты, укрепление обороноспособности республики осуществлялись в соответствии с указаниями ЦК. В постановлении ЦК РКП(б) «О политике военного ведомства», принятом в конце 1918 года по предложению В. И. Ленина, подчеркивалось, что ответственность за политику военного ведомства в целом несет партия, которая охватывала своим влиянием все стороны военного строительства и боевых действий Советских Вооруженных Сил.

Коммунисты являлись цементирующей силой в Красной Армии. ЦК РКП(б) неоднократно проводил партийные мобилизации, укрепляя коммунистами все решающие участки фронтов. 35 тысяч коммунистов было в армии в октябре 1918 года, через год их насчитывалось уже около 120 тысяч, а в августе 1920 года — 300 тысяч, то есть почти половина всех членов РКП(б) того времени. Признанное всеми превосходство Красной Армии в морально-политическом отношении, сыгравшее решающую роль в гражданской войне, было обусловлено боевой, патриотической деятельностью армейских коммунистов, комиссаров, политотделов, партячек.

Оценивая роль партийно-политического аппарата армии в те годы, М. В. Фрунзе писал:

«Кто вносил элементы порядка и дисциплины в ряды создававшихся под гром пушечных выстрелов наших молодых красных полков? Кто в часы неудач и поражений поддерживал мужество и бодрость бойцов и вливал новую энергию в их пошатнувшиеся ряды? Кто налаживал тыл армии, насаждал там Советскую власть и создавал советский порядок, обеспечивая этим быстрое и успешное продвижение наших армий вперед? Кто своей настойчивой и упорной работой разлагал ряды врага, расстраивал его тыл и тем подготавливал грядущие успехи?

Это делали политические органы армии, и делали,

---

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 51, с. 69.

надо сказать, блестяще. Их заслуги в прошлом — безмерны»¹.

Я могу лишь тысячу раз подписаться под этими замечательными словами и вновь засвидетельствовать их истинность.

В годы гражданской войны партия и народ не только победили врага, но и, борясь с ним, заложили основы массовой регулярной армии, комплектуемой на основе воинской обязанности трудящихся. Были созданы центральный и местный аппараты военного управления, разработаны первые уставы и наставления, введена единая организация частей и соединений. К концу 1920 года наша армия насчитывала уже 5,5 миллиона человек, хотя она и потеряла в период с сентября 1918 года по декабрь 1920 года около 2,2 миллиона человек, из них до 800 тысяч убитыми, ранеными и без вести пропавшими и 1392 тысячи погибшими от тяжелых болезней, вызванных недоеданием, отсутствием медикаментов и медицинского обслуживания, необходимого обмундирования.

Из огромного военного опыта и теоретических обобщений эпохи гражданской войны, которые были положены на многие годы в основу строительства Советских Вооруженных Сил, мне хотелось бы в нескольких словах остановиться на следующем.

Во-первых, на единстве армии и народа. Гражданская война с исключительной силой продемонстрировала единение фронта и тыла, сугубо военные преимущества страны, превратившейся в единый военный лагерь. Это единство своей объективной основой имело советский общественный и государственный строй, союз рабочего класса и крестьянства, а субъективной — общность целей армии и народа. В результате рождалась сила, многократно умножавшая мощь оружия. Источник этой силы В. И. Ленин видел в том, что в первый раз в мире создана армия, знающая, за что она воюет, и первый раз в мире рабочие и крестьяне, переносящие невероятные трудности, ясно сознают, что они защищают Советскую социалистическую республику, власть рабочих и крестьян.

Во-вторых, на руководящей роли партии в собственно военных вопросах и ее влиянии на армию через партийно-политический аппарат.

---

¹ Фрунзе М. В. Избранные произведения. М., Воениздат, 1957, т. 2, с. 121.

С военной точки зрения, руководящая роль Коммунистической партии имеет, кроме всего прочего, колоссальное значение потому, что она является правящей партией в стране, где господствует общественная собственность на средства производства. Благодаря этому обеспечивается невиданная концентрация сил и средств всего народного хозяйства на важнейших военных направлениях. Создается исключительная возможность маневрировать огромными материальными и людскими ресурсами, проводить единую военную политику, добиваться обязательности директив по военным вопросам для всех и каждого.

Что же касается партийно-политической работы, то благодаря ей сознательные и преданные делу революции силы в армии и флоте направляются к единой цели, умножаются и становятся источником массового героизма.

«И только благодаря тому, что партия была на страже,—говорил В. И. Ленин,—что партия была строжайше дисциплинирована, и потому, что авторитет партии объединял все ведомства и учреждения, и по лозунгу, который был дан ЦК, как один человек шли десятки, сотни, тысячи и в конечном счете миллионы, и только потому, что неслыханные жертвы были принесены,—только поэтому чудо, которое произошло, могло произойти. Только поэтому, несмотря на двукратный, трехкратный и четырехкратный поход империалистов Антанты и империалистов всего мира, мы оказались в состоянии победить»¹.

В-третьих, хотелось бы сказать еще об одном принципе строительства наших вооруженных сил—о строжайшей централизации, единоначалии и железной дисциплине, тем более что не раз различного рода оппозиционеры нападали на него.

Отсутствие единоначалия в военном деле, указывал В. И. Ленин, «...сплошь и рядом ведет неизбежно к катастрофе, хаосу, панике, многовластию, поражению»². Во многих документах, принятых съездами партии и пленумами ЦК, в практической работе большевики неустанно вели борьбу с попытками противопоставить партизанские формы организации (что всегда может быть вначале) принципам строительства регулярной армии (что дол-

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 40, с. 240.

² Там же, т. 39, с. 46.

жно быть господствующим), то есть централизованному и однотипному управлению во всех звеньях армии, строгому соблюдению субординации и дисциплине.

Конечно, единоначалие необходимо было вводить в строгом соответствии с конкретными историческими условиями, учитывая классовый состав командных кадров, их политическую зрелость, военную подготовку, а также принимая во внимание готовность масс к той или иной форме управления. Естественно поэтому, что в первые годы Советской власти единоначалие ввести было нельзя.

Но постепенно ленинский принцип единоначалия как типовой, основной принцип руководства в Красной Армии, органически сочетаясь с повышением роли политорганов и парторганизаций, становится господствующим. Вместе с железной дисциплиной, основанной на глубоком понимании и сознательном выполнении воинами своего долга в защите Родины, единоначалие командира становится тем стержнем, вокруг которого сплачиваются воля, знания и целеустремленность войск.

Каждый период развития нашей страны вносил в строительство Советских Вооруженных Сил новые черты, укрепляя их и подготавливая к защите от агрессии. Опыт и принципы военного дела, выкованные в огне гражданской войны при личном участии В. И. Ленина, в частности те моменты, о которых мы говорили отдельно, получили свое дальнейшее развитие в тридцатые и сороковые годы и стали составной частью могущества той армии, которая разгромила фашизм в Великой Отечественной войне.

Командование полком и бригадой

Приступив к мирному строительству после героической победы в гражданской войне, советский народ столкнулся лицом к лицу с колоссальными трудностями восстановления разрушенного народного хозяйства. Почти все отрасли пришли в крайний упадок. Критическое состояние промышленности, сельского хозяйства, транспорта требовало сосредоточения всех сил страны на хозяйственном фронте. Необходимо было направить несколько миллионов человек, из числа демобилизованных солдат, на восстановительные работы, уменьшить расходы на содержание армии. И в то же время нужно было сохранить и упрочить оборону страны. «Сейчас мы целый ряд могучих держав отучили от войны с нами, но надолго ли, мы ручаться не можем»,— говорил В. И. Ленин.

Уже в 1920 и 1921 годах начался перевод полностью или частично на трудовое положение армий, непосредственно не участвующих в боевых операциях. Для этой цели при Совете Труда и Обороне была создана комиссия, которую возглавляли М. И. Калинин и Ф. Э. Дзержинский. Трудовые армии много сделали для увеличения добычи топлива, сырья, подъема сельского хозяйства.

В целом в результате демобилизации к концу 1924 года численность вооруженных сил сократилась с 5,5 миллиона до 562 тысяч человек.

Конечно, демобилизация отвечала интересам миллионов солдат. Тянуло к земле, станку, хотелось вернуться в семью, домой. Удержать кадровых солдат в армии было очень трудно, тем более что среди них большинство составляли крестьяне. Этот процесс мог далеко зайти, «размыться» ядро армии. В феврале 1921 года по решению

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 42, с. 136.

Оргбюро ЦК РКП(б) демобилизация коммунистов из армии была прекращена¹. Несколько ранее ЦК РКП(б) обратился ко всем парторганизациям с циркулярным письмом «О Красной Армии», в котором решительно предупредил все партийные организации о недопустимости ослабления заботы о Красной Армии. Вообще же в армии оставались в основном те, кто в соответствии с наклонностями и способностями решил посвятить себя военной работе.

В условиях мирного строительства того времени было необходимо разработать единую военную доктрину, упрочить регулярную Красную Армию, решить новые сложные вопросы организационного строительства, наладить подготовку военных и политических кадров. Особое внимание уже тогда обращалось на необходимость укрепления специальных технических частей (пулеметных, артиллерийских, автоброневых, авиационных и др.), обеспечения их всем необходимым.

Эти проблемы обстоятельно обсуждались на X, XI, XII съездах РКП(б). Дело не обошлось без острых споров. По поручению ЦК партии М. В. Фрунзе и С. И. Гусев подготовили тезисы «Реорганизация Красной Армии», в которых отстаивали сохранение кадровой армии и намечали постепенный переход к милиционным формированиям, ратовали за развитие советской военной науки. Другие утверждали, что нужно немедленно переходить к милиционной системе комплектования армии. X съезд РКП(б) принял ленинский курс военного строительства в мирное время. В постановлении съезда было прямо записано: «Неправильной и практически опасной для настоящего момента является агитация некоторых товарищей за фактическую ликвидацию нынешней Красной Армии и немедленный переход к милиции»².

Несмотря на все усилия, предпринятые партией для укрепления армии, чувствовалось, что необходимы какие-то более радикальные меры, и чем скорее, тем лучше.

С июня 1922 по март 1923 года я работал в должности командира эскадрона 38-го кавалерийского полка, а затем помощником командира 40-го кавалерийского полка

---

¹ ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 8, ед. хр. 133/1, л. 225.

² КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК 7-е изд. (См. далее: КПСС в резолюциях...), ч. I, с. 570.

7-й Самарской кавалерийской дивизии. Во главе этих полков стояли опытные командиры, и я у них многому научился. Командный состав, партийная организация и политический аппарат полков составляли хороший и работоспособный коллектив.

Благоустроенных казарм, домов начальствующего состава, столовых, клубов и других объектов, необходимых для нормальной жизни военного человека, у большинства частей Красной Армии тогда еще не было. Жили мы разбросанно, по деревням, квартировали в крестьянских избах, пищу готовили в походных кухнях, конский состав размещался во дворах. Все мы считали такие условия жизни нормальными, так как страна наша переживала исключительные трудности.

В начальствующем составе армии люди были главным образом молодые и физически крепкие, отличавшиеся большой энергией и настойчивостью. К тому же большинство из нас были холостыми и никаких забот, кроме служебных, не знали. Отдавались мы работе с упоением, посвящая ей по 15—16 часов в сутки. Все же и этого времени не хватало, чтобы везде и во всем успеть.

Весной 1923 года телефонограммой из штаба дивизии меня вызвали к комдиву. Причины не знал и, надо признаться, несколько волновался: уж не натворил ли чего?

Комдив Н. Д. Каширин принял меня очень хорошо, угостил чаем и долго расспрашивал о боевой и тактической подготовке в нашем полку. А потом вдруг спросил:

— Как вы думаете, правильно у нас обучается конница для войны будущего и как вы сами представляете себе войну будущего?

Вопрос мне показался сложным. Я покраснел и не смог сразу ответить. Комдив, видимо, заметив мою растерянность, терпеливо ждал, пока я соберусь с духом.

— Необходимых знаний и навыков, чтобы современному обучать войска, у нас, командиров, далеко не достаточно,— сказал я.— Учим подчиненных так, как учили нас в старой армии. Чтобы полноценно готовить войска, нужно вооружить начальствующий состав современным пониманием военного дела.

— Это верно,— согласился комдив,— и мы стараемся, чтобы наши командиры прошли военно-политические курсы и академии. Но это длительный процесс, а учебных заведений у нас пока маловато. Придется первое время учиться самим.

Он прошелся по кабинету и неожиданно объявил, что меня решено назначить командиром 39-го Бузулукского кавалерийского полка.

— Я вас не очень хорошо знаю, но товарищи, с которыми разговаривал, рекомендуют вас на эту должность. Если возражений нет, идите в штаб и получите предписание. Приказ о назначении уже подписан.

Прощаясь с комдивом, я был очень взволнован. Новая должность была весьма почетной и ответственной. Командование полком всегда считалось важнейшей ступенью в овладении военным искусством.

Полк — это основная боевая часть, где для боя организуется взаимодействие всех сухопутных родов войск, а иногда и не только сухопутных. Командиру полка нужно хорошо знать свои подразделения, а также средства усиления, которые обычно придаются полку в боевой обстановке. От него требуется умение выбрать главное направление в бою и сосредоточить на нем основные усилия. Особенно это важно в условиях явного превосходства в силах и средствах врага.

Командир части, который хорошо освоил систему управления полком и способен обеспечить его постоянную боевую готовность, всегда будет передовым военачальником на всех последующих ступенях командования как в мирное, так и в военное время.

В самом конце гражданской войны в армии насчитывалось более 200 курсов и школ, готовивших кадры для всех родов войск. В 1920 году командные курсы уже выпустили 26 тысяч красных командиров. Постепенно создавалась широкая сеть курсов, школ, академий, зарождалась единая система обучения и воспитания пролетарского командного и политического состава. Младший комсостав готовился поначалу в полковых школах в течение семи—десяти месяцев, средний комсостав — в военных школах и военно-морских училищах, а старший — в военных академиях. В республиках открывались национальные военные школы. Большое значение приобрели затем курсы усовершенствования комсостава. На таких курсах я тоже учился. Об этом речь еще впереди.

Сейчас хотелось бы заметить, что не менее важную, на мой взгляд, роль в подготовке квалифицированного комсостава, особенно младшего и среднего звена, играла учеба, самообразование непосредственно в лагерных

условиях, так сказать, без отрыва от производства. Десятки, сотни тысяч военных пополняли таким образом свои знания, совершенствовали боевую закалку, тут же отрабатывая их в учениях, маневрах и походах. И тот, кто не смог по тем или иным причинам пойти в учебное заведение, упорно занялся самоусовершенствованием непосредственно в частях.

Конечно, были тогда командиры, которые после успешного завершения гражданской войны чувствовали себя знатоками военного дела, считали, что им, собственно говоря, нечему учиться. Некоторые из них потом поняли свои заблуждения и перестроились. Другие же так и остались со старым багажом и, естественно, вскоре уже не соответствовали возросшим требованиям и вынуждены были уйти в запас.

Когда в конце мая 1923 года я вступил в командование полком, он готовился к выходу в лагерь. Это был первый выход частей конницы на лагерную учебу после гражданской войны, и многие командиры не имели ясного представления о работе в новых условиях. При приеме полка обнаружились недостатки в боевой готовности. Особенно плохо обстояло дело с огневой и тактической подготовкой, поэтому внимание подразделений было сосредоточено на организации учебно-материальной базы в лагерях.

В начале июня лагерь в основном был готов. Полк получил хорошо устроенный палаточный городок, прекрасную летнюю столовую и клуб. Были оборудованы навесы и коновязи для лошадей. Гордостью полка было стрельбище для огневой подготовки из всех видов оружия.

Началась напряженная боевая и политическая учеба. Все мы были довольны, что затраченные труд и средства на подготовку лагеря не пропали даром. Дружно и инициативно работали командиры эскадронов и политруки. Творческая энергия и инициатива коммунистов чувствовались во всех делах и начинаниях.

Особенно хотел бы отметить нашего комиссара Антона Митрофановича Янина. Это был твердый большевик и чудесный человек, знавший душу солдата, хорошо понимавший, как к кому подойти, с кого что потребовать. Его любили и уважали командиры, политработники и красноармейцы. Жаль, что этот выдающийся комиссар не дожил до наших дней — он погиб смертью храбрых в

1942 году в схватке с фашистами на Кавказском фронте. Погиб он вместе со своим сыном, которого воспитал мужественным защитником Родины.

В середине лета в командование дивизией вступил герой гражданской войны Г. Д. Гай.

Я с удовольствием вспоминаю совместную работу с комдивом Г. Д. Гаем. Первая наша встреча произошла в его лагерной палатке, куда были вызваны на совещание командиры и комиссары частей. После официального представления Г. Д. Гай пригласил всех расположиться у его рабочего стола. Я увидел красивого человека, по-военному подтянутого. Его глаза светились доброжелательностью, а ровный и спокойный голос свидетельствовал об уравновешенном характере и уверенности в себе. Я много слышал о героических делах Г. Д. Гая и с интересом в него всматривался. Мне хотелось проникнуть в его душевный мир, понять его как человека и командира.

Беседа затянулась надолго. Когда мы расходились, у всех осталось хорошее впечатление от первой встречи с комдивом. Прощаясь со мной, он сказал, что через несколько дней хочет посмотреть конно-строевую и тактическую подготовку. Я был польщен вниманием к полку и признался, что у нас еще много недостатков.

— Будем вместе устранять недостатки,— сказал Г. Д. Гай улыбаясь и добавил:— Это хорошо, что вы не хотите ударить лицом в грязь.

Через три дня согласно распоряжению штаба дивизии полк был выведен в полном составе на смотр. Комдив на белом вороном коне поднялся на пригорок и внимательно следил за учением полка. Конь под комдивом был очень горяч, но всадник твердой рукой и крепкими шенкелями решительно подчинял его своей воле.

Учение шло вначале по командам голосом, потом по командам шашкой (так называемое «немое учение»), а затем по сигналам трубы. Перестроения, движения, захождения, повороты, остановки и равнения выполнялись более четко, чем я того ожидал. В заключение полк был развернут «в лаву» (старый казачий прием атаки), и я направил центр боевого порядка на высоту, где стоял комдив. Сомкнув полк к центру и выровняв его, я подскакал к комдиву, чтобы отрапортовать об окончании показа. Не дав мне начать рапорт, комдив поднял руки вверх и закричал:

— Сдаюсь, сдаюсь, сдаюсь!— а затем, подъехав ко мне, тепло сказал:— Спасибо, большое спасибо.

Поравнявшись с центром полка, комдив встал на стремена и обратился к бойцам:

— Я старый кавалерист и хорошо знаю боевую подготовку конницы. Сегодня вы показали, что свой красноармейский долг перед Родиной выполняете добросовестно, не жалея сил. Так и должно быть. Хорошая боевая подготовка, высокое сознание своего долга перед народом — залог непобедимости нашей героической Красной Армии. Спасибо вам, порадовали вы меня.

Повернувшись ко мне, комдив пожал руку, улыбнулся и сказал:

— Вторую часть учения увидим в другой раз. Пусть полк идет отдыхать, а мы с вами посмотрим, как устроен лагерь.

Более двух часов ходил он по лагерю, вникая в каждую мелочь, а потом долго сидел с бойцами. Г. Д. Гай рассказал много боевых эпизодов из гражданской войны. Только когда дежурный трубач просигналил к обеду, он поднялся и распрощался с нами.

Проводив комдива, мы с комиссаром А. М. Яниным тут же обсудили, что надо сделать, чтобы «не закружилась голова» от успехов и похвалы.

Надо отдать должное личному составу: похвала комдива воодушевила всех, и это было видно по результатам лагерной учебы. Для нас же, командиров, пример простого товарищеского обращения с рядовыми красноармейцами был достоин подражания.

Г. Д. Гай потом часто бывал в полку, подолгу беседовал с солдатами и командирами и всегда был не только начальником, но и желанным старшим товарищем-коммунистом.

Лагерную учебу мы закончили с хорошими оценками, и в конце сентября наша 7-я Самарская кавалерийская дивизия выступила в район Орши для участия в окружных маневрах. Маневры эти проводились, так же как и лагерная учеба, после гражданской войны впервые.

По масштабу маневры были небольшие, так сказать, попутные, при возвращении частей из лагерей. Однако на нашу дивизию выпала довольно тяжелая задача. Ей предстояло совершить форсированный марш-бросок в район Орши. А вверенный мне полк был назначен комдивом в авангард главных сил дивизии. Это означало, что мы должны были не только пройти большое расстояние за

короткое время, но и выполнить задачу походного охранения, быть в постоянной готовности, чтобы быстро развернуться к «бою» с «противником» и создать наиболее благоприятные условия для вступления в «бой» главных сил дивизии.

Марш-бросок дивизии был завершен за 30 часов. Мы прошли около 100 километров, сделав два пятичасовых привала. Для конского состава это было тяжелое испытание на выносливость. А кавалеристам на привалах еще нужно было кормить, поить лошадей и приводить в порядок всю амуницию и снаряжение. Несмотря на усталость, настроение у всех было приподнятое, так как стало известно, что по окончании маневров вся 7-я кавалерийская дивизия будет расквартирована в Минске.

На рассвете высланная вперед разведка доложила, что за железнодорожной линией Москва — Орша движутся в направлении станции Орша войска «противника». На подступах к Орше завязался «бой» с частями, прикрывавшими подступы к железнодорожному узлу.

Как это всегда бывает на маневрах, со всех сторон подскакали к полку посредники с белыми повязками на руках. Посредники — это командиры, которые помогают руководству разыгрывать учения.

— Что вам известно о «противнике»?

— Ваше решение? — посыпались вопросы.

Я ответил, что сейчас выеду к головному отряду, произведу личную рекогносцировку и там приму решение. Дав шпоры коню, через несколько минут я прискакал в головной отряд, которым командовал очень энергичный, инициативный командир эскадрона Константин Тюпин.

Он доложил, что до двух полков пехоты «противника» развернулись в предбоевые порядки и движутся за линией железной дороги в общем направлении на лежащие впереди высоты. Там идет «бой» с нашей пехотой. Пехота «противника», видимо, не знает, что наши части вышли в этот район, так как мы не встретили ни охранения, ни его разведки.

Не успел командир головного отряда закончить доклад, как показалась группа всадников, которая приближалась к нам. По вороному белоногому коню мы издали узнали комдива Г. Д. Гая. Коротко повторив данные обстановки, доложил комдиву, что случай крайне благоприятный для внезапной атаки «противника» и что я

решил незамедлительно развернуть полк в боевой порядок и атаковать во фланг, тем более что атаке благоприятствует характер местности.

Посмотрев в бинокль, комдив сказал:

— Редкий случай, действуйте смелее. Атаку предварите всеми средствами артиллерийско-пулеметного огня. Главные силы дивизии подойдут через 20—30 минут. Их удар будет направлен в тыл этой группировки, с тем чтобы нанести ей окончательное поражение.

Через час все поле «сражения» сплошь было затянато дымом и пылью, кавалерийские полки 7-й дивизии, развернувшиеся в боевые порядки, с громкими криками «ура» мчались на «врага». Картина была поистине красочная и захватывающая: лица у бойцов разгоряченные, глаза устремлены вперед, как в настоящем бою. Дальнейшее «сражение» было прервано сигналом «отбой». На этом эпизоде и закончились маневры. Общего разбора не было.

Нам сказали, что за ходом «боя» наблюдал М. Н. Тухачевский, который дал очень хорошую оценку нашим частям. Но особенно похвалил он 7-ю кавалерийскую дивизию за форсированный марш-бросок и за стремительную атаку. А пехота заслужила одобрение за то, что сумела быстро развернуться к флангу, откуда она была атакована частями 7-й кавдивизии.

Мы были довольны, что нас похвалил М. Н. Тухачевский, и рады, что и наш «противник» также заслужил благодарность за хорошую маневренность.

Отдохнув, через несколько дней мы выступили походом в Минск, к месту постоянного расквартирования частей дивизии.

Тысячи минчан вышли на улицы города. Крики «ура», приветствия сопровождали нас по всем улицам. Вообще, я думаю, ни в одной другой стране армия не пользуется такой симпатией и всеобщей любовью народа, как наша Советская Армия.

Я и сейчас с волнением вспоминаю, как встречали нас бывшие бойцы дивизии, участники знаменитых походов и сражений в районе Царицына, Кизляра, Астрахани, Пугачевска, Бузулука и т. д. Это они, не жалея своей жизни, дрались за Советскую власть с белогвардейскими частями и контрреволюцией. Их дружеские, идущие от всего сердца слова вызывали радостное волнение в наших сердцах... Многие бойцы нашей дивизии сами прош-

ли тяжелые испытания на фронтах гражданской войны, и каждому были понятны и близки воспоминания о боевых делах.

Отведенные полку казармы оказались заняты 4-й стрелковой дивизией, которая не успела еще передислоцироваться в Слуцк. Пришлось временно расквартировываться по частным домам в предместье города. Личный состав разместили по 3—4 человека на частных квартирах, как правило, в малопригодных помещениях.

Положение усугублялось тем, что начались обильные осенние дожди, а с ними наступила непролазная грязь. Надо было в этих условиях спасти конский состав, строить конюшни, ремонтировать казарменные и хозяйственные помещения и готовить учебно-материальную базу для зимней учебы.

Собрали коммунистов, а затем и весь полк, разъяснили создавшееся положение.

Вспоминая те далекие и нелегкие годы, хочется отметить, что люди были готовы на любое самопожертвование, на любые лишения во имя лучшего будущего. Конечно, были и отдельные нытики, но их сразу же ставила на место красноармейская общественность. Какая это большая сила — здоровый армейский коллектив! Там, где действует энергичный общественный актив, там всегда будет настоящая коллективная дружба. А в ней залог творческого энтузиазма и успехов в боевой готовности части.

В конце ноября, когда уже выпал снег, нам удалось перебраться в казармы, а лошадей разместить в конюшнях. Конечно, предстояло провести еще большую работу по благоустройству, но главное уже было сделано.

Перед нами стояла следующая задача — правильно организовать боевую и политическую подготовку в новых условиях.

Теперь все это кажется простым. А тогда, в 26 лет командуя кавалерийским полком, что я имел в своем жизненном багаже? В старой царской армии окончил унтер-офицерскую учебную команду, в Красной Армии — кавалерийские курсы красных командиров. Вот и все. Правда, после окончания гражданской войны усиленно изучал всевозможную военную литературу, особенно книги по вопросам тактики.

В практических делах я тогда чувствовал себя сильнее, чем в вопросах теории, так как получил неплохую подго-

товку еще во время первой мировой войны. Хорошо знал методику боевой подготовки и увлекался ею. В области же теории понимал, что отстаю от тех требований, которые сама жизнь предъявляет мне, как командиру полка. Размышляя, пришел к выводу: не теряя времени, надо упорно учиться. Ну, а как же полк, которому надо уделять двенадцать часов в сутки, чтобы везде и всюду успеть? Выход был один: прибавить к общему рабочему распорядку дня еще три-четыре часа на самостоятельную учебу, а что касается сна, отдыха — ничего, отдохнем тогда, когда наберемся знаний.

Так думал не я один. Так думало большинство командиров, выросших во время гражданской войны из рядовых красноармейцев, солдат старой армии и бывших унтер-офицеров.

К тому времени кадровое ядро армии значительно окрепло. Тем не менее текучесть личного состава не была преодолена, серьезно хромало снабжение, недостаточно высоко стояла мобилизационная готовность войск. Крупные недостатки были в работе военного ведомства, которое тогда возглавлял Троцкий.

В январе 1924 года Пленум ЦК РКП(б) решил провести проверку деятельности военного ведомства, которая была поручена военной комиссии ЦК во главе с В. В. Куйбышевым, а затем С. И. Гусевым. В подготовке материалов о положении в армии к Пленуму ЦК участвовали М. В. Фрунзе, К. Е. Ворошилов, А. С. Бубнов, Г. К. Орджоникидзе, А. А. Андреев, И. С. Уншлихт, Н. М. Шверник и другие. Общие выводы из анализа собранных фактов были безрадостны и резки.

Стало ясно, что задачи укрепления вооруженных сил страны требуют коренной военной реформы. Предложения комиссии, утвержденные ЦК РКП(б), и легли в основу военной реформы.

Одним из наиболее важных мероприятий реформы явилось введение территориального принципа комплектования Красной Армии в сочетании с кадровым.

Территориальный принцип распространялся на стрелковые и кавалерийские дивизии. Сущность этого принципа состояла в том, чтобы дать необходимую военную подготовку максимальному количеству трудящихся с минимальным их отвлечением от производительного труда. В дивизиях примерно 16—20 процентов штатов составляли кадровые командиры, политработники и красноар-

мейцы, а остальной состав был временным, ежегодно призывавшимся (в течение пяти лет) на сборы сначала на три месяца, а потом по одному месяцу. Остальное время бойцы работали в промышленности и сельском хозяйстве.

Такая система обусловила возможность быстрого развертывания в случае необходимости достаточно подготовленного боевого состава вокруг кадрового ядра дивизий. Причем расходы на обучение одного бойца в территориальной части за пять лет были гораздо меньшими, чем в кадровой части за два года. Конечно, лучше было бы иметь только кадровую армию, но в тех условиях это было практически невозможно.

Мероприятия военной реформы были закреплены в Законе о военной службе, принятом в сентябре 1925 года ЦИК и СНК СССР. Это был первый общесоюзный закон об обязательном несении военной службы всеми гражданами нашей страны, одновременно определивший и организационную структуру вооруженных сил.

Были реорганизованы центральный и местный аппараты военного управления. Новый штаб РККА во главе с М. В. Фрунзе (помощники — М. Н. Тухачевский и Б. М. Шапошников) становился основным организующим центром Красной Армии. Управление упростилось, повысилась оперативность и ответственность в работе. Новую организационную систему руководства вооруженными силами партия укрепила сверху. В январе 1925 года народным комиссаром по военным и морским делам и председателем Реввоенсовета СССР стал выдающийся полководец-большевик Михаил Васильевич Фрунзе.

Однажды в нашем полку побывал легендарный герой гражданской войны В. К. Блюхер. До революции он был рабочим Мытищинского вагоностроительного завода, затем унтер-офицером царской армии. В. К. Блюхер — член партии большевиков с 1916 года. Я очень много о нем слышал, но встретился с ним впервые. Встреча с В. К. Блюхером была большим событием для всех бойцов и командиров полка. К нам его пригласил посмотреть учебно-воспитательную работу комдив Г. Д. Гай. Для полка это была большая честь.

Прежде всего В. К. Блюхер тщательно ознакомился с организацией питания личного состава и остался доволен приготовлением пищи. Уходя из кухни, он крепко пожал руки всем поварам. Надо было видеть их лица! Потом он

обошел все общежития и культурно-просветительные учреждения полка и в заключение осмотра спросил:

— Как у вас обстоит дело с боевой готовностью? Ведь вы стоите недалеко от границы.

Я ответил, что личный состав полка хорошо понимает свою задачу и всегда готов выполнить воинский долг перед Родиной.

— Ну что ж, это похвально. Дайте полку сигнал «тревоги».

Этого я, откровенно говоря, не ожидал, но не растерялся. Обращаясь к дежурному по полку, приказал:

— Дайте сигнал «боевой тревоги».

Через час полк был собран в районе расположения. В. К. Блюхер очень внимательно проверил вьюки всадников, их вооружение, снаряжение и общую боевую готовность. Особенно тщательно он осмотрел пулеметный эскадрон и сделал довольно суровое замечание одному пулеметному расчету, у которого не была, как положено по тревоге, залита вода в пулемет и не имелось никакого ее запаса.

— Вы знаете, к чему эта оплошность приводит на войне? — спросил В. К. Блюхер.

Бойцы молчали и порядком краснели.

— Учтите эту ошибку, товарищи.

Осмотрев боевую готовность, В. К. Блюхер предложил вводную тактическую обстановку: условный «противник» находится на подходе к очень важному тактическому рубежу, стремится быстро захватить его. Расстояние от «противника» до рубежа 12 километров, расстояние между полком и «противником» приблизительно 25 километров, то есть тактически выгодный рубеж был на одинаковом расстоянии как от «противника», так и от полка.

Терять время на ознакомление командного состава с обстановкой и разъяснение боевой задачи было неразумно: «противник» выйдет к рубежу раньше нас. Принимаю решение: 1-му эскадрону с четырьмя станковыми пулеметами и одним орудием в качестве головного отряда двигаться за мной рысью. Боевая задача будет поставлена в пути. Главным силам полка под командой моего заместителя идти вслед за головным отрядом в трех километрах в готовности к встречному бою.

Двигаясь переменным аллюром, а где и галопом, головной отряд сумел захватить раньше «противника»

тактически выгодный рубеж и организовать огонь, чтобы встретить его.

После отбоя В. К. Блюхер обратился к полку:

— Спасибо вам, товарищи бойцы и командиры, за честный солдатский труд. Все, что ваш полк показал сегодня, достойно похвалы. Я призываю вас свято хранить и приумножать боевые традиции славной Самарской кавалерийской дивизии, которая отлично дралась с белогвардейцами и интервентами. Будьте всегда готовы выполнить боевой приказ нашей великой Родины!

В ответ раздалось громовое «ура». Было видно, что бойцов тронули и взволновали теплые слова В. К. Блюхера.

Я был очарован душевностью этого человека. Бесстрашный боец с врагами Советской Республики, легендарный герой, В. К. Блюхер был идеалом для многих. Не скрою, я всегда мечтал быть похожим на этого замечательного большевика, чудесного товарища и талантливо-го полководца.

В конце июля 1924 года меня вызвал комдив Г. Д. Гай и спросил, как я работаю над совершенствованием своих знаний. Я ответил, что много читаю и занимаюсь разбором операций первой мировой войны. Много материалов готовил к занятиям, которые проводил с командным составом полка.

— Это все хорошо и похвально,— сказал Г. Д. Гай,— но этого сейчас мало. Военное дело не стоит на месте. Нашим военачальникам в изучении военных проблем нужна более капитальная учеба. Я думаю, вам следует поехать осенью в Высшую кавалерийскую школу в Ленинград. Это весьма полезно для вашей будущей деятельности.

Я поблагодарил и сказал, что постараюсь приложить все усилия, чтобы оправдать доверие.

Возвратившись в полк, не теряя времени, сел за учебники, уставы и наставления и начал готовиться к вступительным экзаменам. Экзамены оказались легкими, скорее даже формальными, и я был зачислен в первую группу. Тогда же на курсы поступили К. К. Рокоссовский, М. И. Савельев, И. Х. Баграмян, А. И. Еременко и многие другие командиры полков.

В Ленинграде, как и большинство других слушателей, я был впервые. Мы с большим интересом знакомились с достопримечательностями города, ходили по местам

исторических боев Октябрьской революции. Мог ли я тогда предполагать, что через 17 лет мне придется командовать войсками Ленинградского фронта, защищавшими город Ленина от фашистских войск!

Высшей кавшколой руководил В. М. Примаков, легендарный герой гражданской войны, командир прославленной 8-й кавалерийской дивизии Червоного казачества, наводившей в годы гражданской войны страх на белогвардейские войска. Плотный, среднего роста, с красивой шевелюрой, умными глазами и приятным лицом, В. М. Примаков сразу завоевал симпатии слушателей. Это был человек широко образованный. Говорил он коротко, четко излагая свои мысли.

Через некоторое время В. М. Примаков получил назначение на Украину, на должность командира казачьего корпуса, а вместо него был назначен М. А. Баторский, известный теоретик конного дела. Мы все были рады повышению В. М. Примакова и были уверены, что с его способностями он будет военачальником большого масштаба.

Вскоре наша Высшая кавшкола была переформирована в Кавалерийские курсы усовершенствования командного состава (ККУКС), и время обучения сократили с двух лет до года.

Учебная нагрузка была очень велика. Приходилось после лекций много заниматься самостоятельно. Теперь, на склоне лет, порой удивляешься тогдашней выносливости и фанатическому упорству в освоении военных знаний.

Припоминаю случай, когда мне было поручено сделать в Военно-научном обществе доклад на тему «Основные факторы, влияющие на теорию военного искусства». Теперь эта тема не вызвала бы затруднений, ну, а тогда... тогда я просто не знал, с какой стороны к ней подступиться, с чего начать и чем закончить. Помогли мне товарищи из нашей парторганизации. Доклад даже напечатали в бюллетене, издававшемся для слушателей ККУКС.

Хорошо запомнилась большая дружеская взаимопомощь в общественно-политической работе партийной организации Ленинграда и парторганизации наших курсов. Частыми гостями у нас были участники великих Октябрьских событий — рабочие ленинградских заводов и фабрик. Жадно слушали мы их рассказы о встречах с

Владимиром Ильичем Лениным, о штурме Зимнего. В свою очередь, мы выступали перед рабочими на предприятиях и рассказывали о борьбе против иностранных интервентов и белогвардейщины на фронтах гражданской войны. Многие из нас в недавнем прошлом сами были такими же рабочими, так что мы друг друга понимали с полуслова и дружба у нас была крепкая.

Часто у нас устраивались конноспортивные соревнования, на которых всегда бывало много ленинградцев. Особенной популярностью пользовалась наша фигурная езда, конкур-иппик и владение холодным оружием, а летом гладкие скачки и стипль-чез. Во всех этих состязаниях неизменными участниками были мы с К. К. Рокоссовским, М. И. Савельевым, И. Х. Баграмяном и другими спортсменами ККУКС.

В осенне-зимнее время занятия велись главным образом по освоению теории военного дела и политической подготовке. Нередко проводились теоретические занятия на ящике с песком и упражнения на планах и картах. Много занимались конным делом — ездой и выездкой, которые в то время командирам частей нужно было знать в совершенстве. Уделяли большое внимание фехтованию на саблях и эспадронах, но это уже в порядке самодеятельности, за счет личного времени.

Летом 1925 года мы были заняты главным образом полевой тактической подготовкой, которая проходила под непосредственным руководством начальника курсов Михаила Александровича Баторского. Очень много знаний и опыта передал он нам.

Учеба на ККУКС заканчивалась форсированным маршем на реку Волхов. Здесь мы обучались плаванию с конем и форсированию водного рубежа.

Плавание с конем через реку — дело довольно сложное. Мало самому уметь хорошо плавать в одежде, нужно еще научиться управлять плывущим конем. В подготовке конницы овладению этими навыками уделялось большое внимание.

Припоминаю один забавный случай во время учений на реке Волхов. Когда закончились занятия, слушатель нашего отделения командир 42-го кавполка Михаил Савельев, желая блеснуть кавалерийской удалью, предложил показать технику переправы, стоя на седле, чтобы не замочить обмундирования и снаряжения.

Начальство согласилось, но дало указание на всякий

случай держать на реке пару лодок для страховки. Перекинув стремена через седло, Савельев смело въехал в реку. Лошадь, пройдя мель, поплыла, а всадник уверенно стоял на седле, держась за трензельные поводья. Вначале все шло хорошо, но примерно на середине реки лошадь, видимо, утомившись, стала волноваться. И как ни балансировал на седле всадник, он все же полетел вниз головой и скрылся под водой. Если бы не страховочные лодки, быть беде. Лошадь одна выплыла на берег, а вскоре причалила лодка с Савельевым, с которого ручьями текла вода. Конечно, его встретили громким смехом и шутками, но ему-то было не до смеха — с переправой осыпался да еще в воде сапоги потерял. Они у него во время переправы были перекинуты через шею. Так и пришлось до казармы ехать в одних носках...

По окончании курсов М. Савельев, командир эскадрона 37-го Астраханского полка Н. Рыбалкин и я решили возвратиться к месту службы в Минск не поездом, а пробегом на конях. Предстояло пройти 963 километра по полевым дорогам. Маршрут намеченного пробега проходил через Витебск, Оршу, Борисов.

Представив командованию ККУКС свой план, мы получили разрешение на пробег, но, к сожалению, организовать контрольные пункты, обслуживание и питание в пути нам не могли. От своего решения мы все же не отказались, хотя заранее знали трудности, с которыми придется встретиться, тем более что уже вступала в свои права холодная и дождливая осень. Расстояние 963 километра мы решили пройти за 7 суток. Такого группового спортивного пробега ни у нас в Советском Союзе, ни в других странах тогда еще не было. При благоприятных условиях мы рассчитывали установить мировой рекорд в групповом конном пробеге.

Основной целью этого эксперимента являлась проверка пригодности скакового тренинга к форсированным переходам на дальние расстояния.

Ранним осенним утром 1925 года у Московской заставы Ленинграда собрались наши друзья и представители командования ККУКС, чтобы пожелать нам счастливого пути.

Двинувшись в путь-дорогу, мы решили идти переменным аллюром, то есть шаг — рысь, и изредка применять галоп. В первый день мы прошли меньше, чем планировали, на 10 километров, так как чувствовалось, что лоша-

ди устали, да к тому же захромала моя лошадь, чистокровная кобылица Дира: ей было уже 12 лет, а для лошади это преклонный возраст.

Мы порядком устали, хотелось скорее отдохнуть. Крестьяне встретили нас радушно: накормили нас как следует, покормили лошадей.

Утро для меня началось неудачно — лошадь все еще хромала. Залив воском прокол и забинтовав копыто, я решил провести Диру в поводу. К счастью, скоро лошадь перестала прихрамывать. Сел верхом. Нет, ничего — не хромает. Пошел рысью — хорошо. Чтобы уменьшить нагрузку на правую больную ногу, решил идти дальше только шагом и галопом с левой ноги.

Моим товарищам было значительно легче идти на здоровых конях: я чаще спешивался, вел лошадь в поводу и сам, разумеется, больше уставал физически. Зато друзья на остановках брали на себя заботу по розыску корма и уходу за лошадьми.

На седьмой день пробега, оставив позади Борисов, мы подошли к Минску. На окраине города увидели множество людей с красными флагами и транспарантами. Оказалось, нас встречают однополчане и местные жители. Дав шпоры, на полевом галопе подскакали к трибуне и отрапортовали начальнику гарнизона и председателю горсовета о благополучном завершении пробега. Нас приветствовали овацией.

Через два дня состоялась контрольная двухкилометровая скачка с препятствиями, смотр и взвешивание. Они показали хорошие результаты, и пробег наш получил положительную оценку. Коня за семь суток потеряли в весе от 8 до 12 килограммов, а всадники — 5—6 килограммов.

Получив правительственные премии и благодарность командования, мы отбыли в краткосрочные отпуска. Я поехал в деревню повидать мать и сестру.

Мать за годы моего отсутствия заметно сдала, но по-прежнему много трудилась. У сестры уже было двое детей, она тоже состарилась. Видимо, на них тяжело отразились послевоенные годы и голод 1921—1922 годов.

С малышами-племянниками у меня быстро установился контакт. Они, не стесняясь, открывали мой чемодан и извлекали из него все, что было им по душе.

Деревня была бедна, народ плохо одет, поголовье скота резко сократилось, а у многих его вообще не

осталось после неурожайного 1921 года. Но, что удивительно, за редким исключением, никто не жаловался. Народ правильно понимал послевоенные трудности.

Кулаки и торговцы держались замкнуто. Видимо, еще надеялись на возврат прошлых времен, особенно после провозглашения новой экономической политики. В районном центре — Угодском Заводе вновь открылись трактиры и частные магазины, с которыми пыталась конкурировать начинающая кооперативная система.

Возвратившись в дивизию, я узнал, что она переходит на новые штаты и вместо шести кавалерийских полков будет иметь четыре. Вверенный мне 39-й Бузулукский кавполк вливался в 40-й, а 41-й и 42-й кавполки переформировывались в новый — 39-й Мелекесско-Пугачевский кавполк.

Для меня и М. И. Савельева — командира 42-го кавполка этот вопрос имел личное значение. Один из нас должен был получить новый, 39-й полк, а второй подлежал откомандированию в другое соединение. Понятно, каждому хотелось остаться в своей дивизии, к которой мы привыкли, как к родной семье.

Начальство остановило свой выбор на мне, а М. И. Савельев получил другое назначение. Я понимал его огорчение, но расстались мы по-приятельски и потом встречались как старые друзья.

Прежние кавполки дивизии были четырехэскадронного состава, а новые в соответствии с перестройкой, вызванной военной реформой, формировались в шестизэскадронном составе, каждые два эскадрона объединялись в кавалерийский дивизион. Кроме того, в полку были пулеметный эскадрон 16-пулеметного состава, полковая батарея, отдельный взвод связи, отдельный саперный взвод, отдельный химический взвод и полковая школа по подготовке младшего командного состава.

Для меня и для всего коллектива полка вновь наступила горячая рабочая пора.

Важнейшим мероприятием военной реформы явилось практическое введение единоначалия в Советских Вооруженных Силах. Оно проводилось в двух основных формах. В тех случаях, когда командир был коммунистом, он обычно становился одновременно и комиссаром, объединяя в своих руках руководство боевой подготовкой, административно-хозяйственной деятельностью и всей

партийно-политической работой. У него имелся помощник по политической части.

Такая важная мера укрепления дисциплины и боевой готовности в армии уже могла быть в те годы осуществлена с полным основанием, ибо значительно изменился к лучшему состав командиров.

Если же командир был беспартийным, он отвечал только за боевую подготовку и административно-хозяйственные функции, а партийно-политической работой руководил комиссар, который вместе с командиром нес ответственность за моральное состояние и боевую готовность части.

В одном из приказов Реввоенсовета того времени по этому поводу говорилось: «Постоянно помня, что задачей Советской власти в области военного строительства является установление единоличного командования, комиссар должен, с одной стороны, всемерно вовлекать командира, с коим связан, в сферу коммунистических идей, а с другой стороны, сам должен внимательно изучать военное дело, дабы с течением времени занять командную или административную должность»¹.

Помнится, весной 1925 года мы получили директивное письмо ЦК партии, направленное всем партийным организациям, «О единоначалии в Красной Армии». В нем разъяснялось, что в результате всей предшествующей работы партии и военных органов по укреплению Красной Армии в целом и ее командных кадров в частности создались вполне благоприятные условия для проведения в жизнь принципа единоначалия.

Некоторые товарищи, их, правда, было меньшинство, полагали тогда, что единоначалие может привести к уменьшению влияния партии в армии. Но ведь командиром-единоначальником становился коммунист. Поэтому роль партии не только не ослаблялась, а, наоборот, усиливалась. Возрастала ответственность командира перед партией за все стороны жизни в армии. При этом значительно укреплялась дисциплина и повышалась боевая готовность наших вооруженных сил.

В практической работе взаимоотношения командира и комиссара, политработника все время упрочивались и совершенствовались. Забегая вперед, напомним, что в 1928 году по указанию ЦК партии приказом РВС было введе-

---

¹ Архив МО СССР, ф. 32, оп. 65582, д. 42, л. 394.

но Положение о комиссарах, командирах-единоначальниках и помощниках по политической части. Этим положением за комиссаром закреплялись партийное и политическое руководство и ответственность за морально-политическое состояние части (соединения), он полностью освобождался от контрольных функций.

После окончания ККУКС мне легче работалось. Появилась уверенность и самостоятельность в вопросах боевой и политической подготовки и управления полком.

Тем временем дела в нашем полку пошли неплохо. Зимой 1926 года я был вызван комиссаром 3-го кавкорпуса А. П. Крохмалем и комкором С. К. Тимошенко, который вступил в командование корпусом в феврале 1925 года.

Войдя в кабинет, я увидел, что там находятся также наш комдив К. Д. Степной-Спижарный, комиссар дивизии Г. М. Штерн и начальник политотдела Л. И. Бочаров.

— Мы вас вызвали, чтобы предложить вам взять на себя одновременно с обязанностями командира полка и обязанности комиссара полка, то есть быть единоначальником, — сказал С. К. Тимошенко. — Командование дивизии и политотдел считают вас для этого подготовленным. Что вы по этому поводу думаете?

Помолчав, кажется, несколько дольше, чем следует, ответил, что при надлежащей помощи командования и политотдела дивизии надеюсь справиться с новыми для меня обязанностями.

Через несколько дней я был назначен единоначальником. В 7-й кавдивизии это был первый такой опыт, что ко многому обязывало. В организационной и идеологической работе мне помогали секретарь партийного бюро и мой помощник по политчасти. Они не стеснялись, когда меня надо было по-партийному поправить, дать добрый совет. Не имея опыта в новой работе, я, вполне естественно, на первых порах допускал некоторые ошибки, и дело от этих поправок только выигрывало.

Чтобы правильно руководить политическим воспитанием, старшие начальники должны быть в этой области намного образованнее своих подчиненных. В те годы мы, строевые командиры, в вопросах боевой подготовки росли быстрее и были сильнее, чем в овладении основами марксистско-ленинской теории.

С одной стороны, происходило это потому, что каждый из нас был перегружен административной работой,

вопросами боевой подготовки и военного самообразования, а с другой стороны — многие недооценивали необходимость глубокого изучения марксистско-ленинской теории и организационно-партийной работы в армии. Конечно, политработники в этом отношении были подготовлены лучше нас, строевых командиров.

Вскоре дивизию принял комдив Д. А. Шмидт, прибывший с Украины. По своему характеру, опыту и стилю работы он резко отличался от своего предшественника К. Д. Степного-Спижарного. Тот был суетлив, любитель многословия, даже, можно сказать, излишне болтлив. Д. А. Шмидт — умница, свои мысли выражал кратко, но, к сожалению, не любил кропотливо работать.

Летом 1926 года дивизия выехала в лагерь. Нам был отведен живописный участок в районе Ждановичей, примерно в 20 километрах от Минска.

В лагерях шла напряженная боевая подготовка. Особое внимание уделялось полевой тактической подготовке подразделений, командного состава, штаба и части в целом. Надо сказать, что из всех военных дисциплин я больше всего любил тактику и всегда с особым удовольствием ею занимался.

Как известно, армия — это инструмент войны, она существует для вооруженной борьбы с врагами Родины, и к этой борьбе она прежде всего должна быть подготовлена тактически. В противном случае она будет вынуждена доучиваться в ходе сражений, неся при этом ненужные потери.

Для выработки тактических навыков в нашем полку проводилось много показательных и инструктивно-методических занятий по обучению разведке, организации боя и взаимодействию с техническими средствами борьбы.

Венцом всей тактической подготовки для частей, как известно, являются маневры. Начиная с 1925 года в Белорусском военном округе маневры проводились ежегодно после лагерного периода.

В этих маневрах принимала участие и 7-я кавалерийская дивизия, и я не помню ни одного случая, чтобы она получила от руководства плохую оценку за тактическую подготовку. Это в значительной степени определялось отношением наших командиров к тактическим занятиям. Надо сказать, что все командиры полков нашей дивизии

были довольно грамотными в области тактики и занимались ею с увлечением.

37-м кавполком в то время командовал В. Т. Вольский. В ноябре 1942 года он командовал мехкорпусом в составе Сталинградского фронта, вместе с 51-й армией его корпус наносил удар в общем направлении на Калач, где соединился с частями Юго-Западного фронта. Во главе 38-го кавполка стоял В. А. Гайдуков. В Великую Отечественную войну он командовал корпусом и другими соединениями. Опытные командиры были и в других частях дивизии.

Большое внимание уделялось спортивной и физической подготовке. Все мы, бывалые солдаты, лучше, чем кто-либо другой, знали, что только закаленные, крепкие бойцы способны вынести тяжесть войны. От подготовки каждого бойца зависит и успех части в целом. На войне, как известно, приходится в любую погоду, днем и ночью, по дорогам и вне дорог совершать напряженные и форсированные марши и марш-броски, с ходу разворачиваться в боевые порядки для стремительной атаки на врага и часто преследовать его после боя до полного разгрома и уничтожения. В случае неудачного исхода сражения важно быстро выходить из боя и производить новые перегруппировки. Все это под силу лишь физически подготовленной части. Иначе она быстро «выдохнется» и везде и всюду будет опаздывать, нести большие потери, а может и просто стать жертвой своей неподготовленности.

Надо сказать, что 39-й кавалерийский полк во всех видах конного спорта был главным конкурентом на призовые места среди лучших частей конницы Белорусского военного округа. Нам удалось сколотить в полку активную группу спортсменов, в которую входили многие командиры. Я и сам постоянно занимался всеми видами конного спорта.

Несколько слабее шло дело со стрельбой из всех видов оружия. Здесь нас всегда били снайперские команды 40-го кавполка. А по конному спорту, наоборот, мы всегда оставляли его позади, и не только этот полк, но и другие части корпуса.

Видимо, наших соперников это очень «заедало», и они стремились «обскакать» нас любой ценой, пускаясь даже на хитрости и недозволенные приемы.

Как-то на окружных конных состязаниях, желая блеснуть мастерством и показать особую физическую выно-

сливость коня, один из командиров 6-й кавдивизии на полпути пробега заранее спрятал в лесу другого коня, схожего по масти с тем, на котором он вышел со старта. Проскакав с предельной резвостью первую половину пробега, этот ловкач отдал полузагнанного коня своему ординарцу, а сам пересел на спрятанную лошадь и так же лихо закончил дистанцию. При всеобщем ликовании болельщиков ему вручили первый окружной приз. Однако счастье оказалось недолгим: вскоре эта проделка была раскрыта и виновник получил по заслугам. Но соперники наши из 6-й кавдивизии все же не успокоились: то во время скачек зажмут явного конкурента в «коробочку», то во время рубки своим спортсменам ставят сырую лозу, а нам засушенную, чтобы затруднить ее рубку клинком, и т. д.

Помню приезд в полк Семена Михайловича Буденного. Раньше мне не приходилось встречаться с Семеном Михайловичем. Но я хорошо знал его заслуги перед Родиной в борьбе с белогвардейщиной и интервентами, и мне очень хотелось познакомиться с легендарным командармом Первой Конной армии.

Как-то утром весной 1927 года раздался телефонный звонок. Звонил комдив Дмитрий Аркадьевич Шмидт.

— У вас в полку, наверное, будет Семен Михайлович Буденный, надо его встретить.

— В какое время и как надо встретить?

— Когда — точно не знаю. Вначале он будет в 37-м полку, потом будет в 38-м, а затем у вас, в 39-м. А как встретить — решайте сами, вы командир.

Я понял, что комдив не имеет в виду какие-либо особо торжественные церемонии и что С. М. Буденного надо встретить обычно, как положено встречать по уставу старшего начальника.

Днем мне позвонил командир 38-го полка В. А. Гайдуков:

— Встречай гостей, поехали к тебе.

Разговаривать не было времени. Собираю своих ближайших помощников: заместителя по политчасти Фролова, секретаря партбюро полка А. В. Щелаковского, завхоза полка А. Г. Малышева. Выходим вместе к подъезду и ждем. Минут через пять в ворота въезжают две машины. Из первой выходят С. М. Буденный и С. К. Тимошенко. Как положено по уставу, я рапортую и

представляю своих помощников. С. М. Буденный здоровается со всеми.

Обращаюсь к С. М. Буденному:

— Какие будут указания?

— А что вы предлагаете?— спрашивает, в свою очередь, Семен Михайлович.

— Желательно, чтобы вы посмотрели, как живут и работают наши бойцы и командиры.

— Хорошо, но прежде всего хочу посмотреть, как кормите солдат.

В столовой и кухне Семен Михайлович подробно интересовался качеством продуктов, их обработкой и приготовлением, сделал запись в книге столовой, объявив благодарность поварам и начальнику продовольственной службы полка. Затем, проверив ход боевой подготовки, Семен Михайлович сказал:

— Ну, а теперь покажите нам лошадей полка.

Даю сигнал полку «на выводку». Через десять минут эскадроны построились, и началась выводка лошадей. Конский состав полка был в хорошем состоянии, ковка отличная.

Семен Михайлович, поблагодарив красноармейцев за отличное содержание лошадей, уехал в 6-ю Чонгарскую дивизию.

Приезжал к нам в полк и командующий Белорусским военным округом Александр Ильич Егоров. Из рассказов товарищей, которым довелось работать вместе с Александром Ильичом, я знал, что он выходец из крестьянской семьи, работал кузнецом-молотобойцем. Образование получил собственными усилиями, а после призыва в царскую армию поступил в военную школу и заслужил офицерское звание. Последний период в старой армии он служил в чине подполковника. В июле 1918 года А. И. Егоров вступил в партию большевиков и до конца своих дней был верным и стойким членом партии.

В годы гражданской войны А. И. Егоров проявил себя талантливым полководцем, командуя Южным фронтом до полного разгрома белогвардейских армий Деникина, а затем Юго-Западным фронтом, действовавшим против белополяков.

После успешного окончания гражданской войны прославленный полководец А. И. Егоров командовал различными военными округами и в 1931 году был назначен начальником штаба РККА. А. И. Егоров был награжден

четырьмя орденами Красного Знамени и почетным революционным оружием. В 1935 году ему было присвоено звание Маршала Советского Союза.

В наш полк А. И. Егоров приехал неожиданно. Это было в 1927 году после Пленума ЦК Компартии Белоруссии, в котором он участвовал. Я проводил очередное занятие по тактике, когда мне доложили о приезде командующего.

А. И. Егоров захотел присутствовать на занятиях, тема которых была «Скрытый выход кавполка во фланг и тыл противника и стремительная атака на врага».

Все шло довольно гладко, решения командиров подразделений были смелыми и инициативными. Командующий был в хорошем настроении, много шутил, это способствовало непринужденному настроению у всех присутствовавших.

После моего заключения А. И. Егоров сделал ряд замечаний и пожеланий. Особенно запомнилось его указание о том, что мало учить наших командиров только тактике, надо обязательно учить их разбираться в оперативном искусстве, учитывая, что война, если она будет развязана врагами нашей Родины, обязательно потребует от многих из нас знаний и в области оперативного искусства.

После занятий командующий спросил:

— А как обстоят дела с разработкой мобилизационного плана полка?

— Над мобпланом полка мы много работали, но у нас возникли некоторые вопросы, на которые высшее начальство ответа пока не дало,— ответил я.

— Ну что же, давайте посмотрим мобплан полка и ваши вопросы,— сказал А. И. Егоров.

Примерно час мы с начштаба докладывали о разработке мобплана и отвечали на вопросы командующего, после чего он сказал:

— Неплохо, неплохо. Что же вам не ясно?

— Сложность нашего положения заключается в близости государственной границы. По тревоге мы вынуждены были бы выступать в большом некомплекте. Кроме того, полк должен был еще выделить из наличного состава кадры на формирование вторых эшелонов. Вступление в первый бой с врагом в ослабленном составе может отразиться на моральном состоянии личного состава,— заключил я.

— Это верно,—сказал А. И. Егоров,—но у нас нет иного выхода. А формировать вторые эшелоны частей необходимо. Врага нельзя недооценивать. Надо готовиться к войне по-серьезному, готовиться драться с умным, искусным и сильным врагом. Ну, а если враг на деле окажется менее сильным и недостаточно умным—это будет только нашим преимуществом.

А. И. Егоров интересовался многим: и состоянием неприкосновенных запасов, и общежитием солдат, и тем, как устроен начальствующий состав. Мы доложили, что командный состав в основном живет по частным квартирам, занимая, как правило, одну комнату на семью.

В то время, помнится, мы добровольно сдавали личные ценности в золотой фонд страны на строительство фабрик и заводов. А. И. Егоров поинтересовался и этим.

— Ну, а что сдал сам командир полка?—спросил он.

— Четыре призовых серебряных портсигара, полученных мною на конноспортивных состязаниях, золотое кольцо и серьги жены.

Собственно говоря, так поступали все.

Командующий оглядел нас и сказал:

— Очень хорошо, товарищи, иначе и быть не может!

Если не ошибаюсь, в 1927 году в дивизию приезжала делегация английских рабочих, которая выразила желание взять над ней шефство. Они вручили нам Красное знамя. С тех пор 7-я кавалерийская дивизия стала называться дивизией «Имени английского пролетариата».

Дела в дивизии особенно оживились, когда комдива Д. А. Шмидта сменил серб Данило Сердич, прославленный командир Первой Конной армии. Д. Сердич сразу развил активную деятельность и сумел завоевать авторитет у командиров частей. Мне он нравился своей высокой требовательностью, беспокойной заботливостью о постоянном совершенствовании боевой и политической подготовки. Д. Сердич активно вникал во все вопросы партийной жизни и был полноценным единоначальником. В личной жизни он был весьма скромным.

Все полевые учения дивизии и участие в окружных маневрах при Д. Сердиче проходили поучительно и неизменно приносили 7-й Самарской кавдивизии заслуженную славу. Все мы чувствовали свой оперативно-тактический рост и знали, что в этом большая личная заслуга нашего комдива. Словом, он был достойным командиром и умелым воспитателем.

В январе 1930 года командиром 7-й Самарской кавалерийской дивизии был назначен К. К. Рокоссовский. Несколько позднее, в мае того же года, я был назначен командиром 2-й кавалерийской бригады 7-й Самарской кавдивизии.

С Константином Константиновичем Рокоссовским, как я уже упоминал, мы вместе учились в 1924—1925 годах в Ленинграде на ККУКС и хорошо знали друг друга. Ко мне он относился с большим тактом. В свою очередь, я высоко ценил его военную эрудицию, большой опыт в руководстве боевой подготовкой и воспитании личного состава. Я приветствовал его назначение и был уверен, что К. К. Рокоссовский будет достойным командиром старейшей кавалерийской дивизии. Так оно и было.

Кавалерийским полком я командовал почти семь лет.

Это была хорошая школа. Кроме богатой практики, за этот период я получил значительную теоретическую и оперативно-тактическую подготовку, участвуя в окружных маневрах, дивизионных и корпусных учениях и военных играх. Как командир-единоначальник, глубже понял руководящую, организующую роль нашей партии в строительстве и в повседневной деятельности частей Красной Армии.

Конечно, все это давалось нелегко, были в работе и ошибки. Но кто не ошибается? Разве тот, кто работает только по указке сверху, не проявляя в работе творческой инициативы. Вообще говоря, дело, на мой взгляд, не столько в ошибках, сколько в том, как скоро они замечаются и устраняются.

Меня упрекали в излишней требовательности, которую я считал неслучайным качеством командира-большевика. Оглядываясь назад, думаю, что иногда я действительно был излишне требователен и не всегда сдержан и терпим к проступкам своих подчиненных. Меня выводила из равновесия та или иная недобросовестность в работе, в поведении военнослужащего. Некоторые этого не понимали, а я, в свою очередь, видимо, недостаточно был снисходителен к человеческим слабостям.

Конечно, сейчас эти ошибки стали виднее, жизненный опыт многому учит. Однако и теперь считаю, что никому не дано права наслаждаться жизнью за счет труда другого. А это особенно важно осознать людям военным,

которым придется на полях сражений, не щадя своей жизни, первыми защищать Родину.

2-я бригада, которой я должен был командовать, состояла из двух кавалерийских полков—39-го и 40-го. Мне предстояло тщательно изучить состояние дел в 40-м кавполку, которым в то время командовал Ивлев— выходец из бывших офицеров царской армии, человек малообщительный. Конное дело он не любил. Однако хорошо знал огневую подготовку и внимательно занимался ею. В этом отношении его полк всегда был впереди.

Может быть, вследствие многолетней привычки к 39-му кавполку, с людьми которого сроднился, мне казалось, что 39-й полк лучше подготовлен в боевом отношении и более организован. Однако я понимал, что командиры и политработники 40-го кавполка, которым также дорога честь своего полка, могут болезненно реагировать, если я буду выставлять 39-й кавполк как образец, по которому нужно равняться.

Поэтому все хорошее, что было у 40-го кавполка, даже мелочи, старался отмечать, ставить в пример другим частям. Мы часто устраивали различные показательные занятия обоих полков по тактической, огневой, конной подготовке, а также по вопросам политической подготовки и воспитательной работы. И этот метод очень скоро дал положительные результаты. 2-я бригада стала ведущей в 7-й Самарской кавалерийской дивизии, что не раз отмечалось, и это всех нас радовало.

Короче говоря, все мы работали дружно, с увлечением. Командиры в своей работе умело опирались на партийные организации, направляли активность и энергию всего личного состава на повышение постоянной боевой готовности.

Можно было бы привести много примеров, но я думаю, что в этом нет необходимости. Ограничусь лишь тем, что хорошо запомнилось.

Как-то зашел ко мне секретарь партбюро 39-го полка с предложением расширить обмен опытом работы полков в масштабе всей бригады.

На совместном совещании партбюро полков решено было провести методическое занятие с группой бойцов, где показать, как надо разъяснять наиболее отстающим красноармейцам линию партии в сложных вопросах.

Первое занятие провел политический руководитель

эскадрона 39-го полка Борис Афанасьевич Жмуров и, надо отдать ему должное, провел блестяще.

Затем по инициативе политработников 40-го полка были собраны самые недисциплинированные красноармейцы, с тем чтобы в откровенной беседе выяснить причины их проступков. Оказалось, что значительное число нарушений совершалось не столько по вине самих красноармейцев, но и потому, что их командиры и политработники не знали характера и индивидуальных особенностей своих бойцов, не всегда справедливо расценивали их поведение. В результате эти командиры теряли свой авторитет. И красноармейцы нередко поступали назло таким начальникам.

Надо сказать, что подобные откровенные беседы были очень полезны и красноармейцам, и их начальникам.

В конце 1929 года я был командирован в Москву для прохождения курсов по усовершенствованию высшего начальствующего состава (КУВНАС). Разместили нас в гостинице ЦДКА. Занятия проходили на улице Фрунзе в здании Наркомата обороны, где были учебные классы и кабинеты. Учеба на КУВНАС проводилась на весьма высоком уровне. Нашим групповым руководителем был заместитель В. К. Блюхера Михаил Владимирович Сангурский, очень знающий человек. Все лекции и доклады, которые он читал по вопросам военной науки, были хорошо аргументированы примерами из первой мировой и гражданской войн. И другие наши преподаватели были большими специалистами как в области тактики, так и в области оперативного искусства.

Все слушатели курсов увлекались военной теорией, гонялись за каждой книжной новинкой, собирали все, что можно было собрать из литературы по военным вопросам, чтобы увезти с собой в части. В то же время уже складывалась советская военная наука. Первое место в ней по праву принадлежало трудам М. В. Фрунзе.

В собрании его сочинений, которое появилось в 1929 году, развивались вопросы о соотношении человека и техники в будущей войне и о характере этой войны, о гармоническом развитии всех видов вооруженных сил, роли тыла и фронта. М. В. Фрунзе отстаивал необходимость создания единой военной доктрины, устанавливающей характер строительства вооруженных сил, методы боевой подготовки войск, их вождение на основе господствующих в государстве взглядов на характер и

способы разрешения военных задач. М. В. Фрунзе глубоко обобщил опыт гражданской войны, развил положения, которые потом легли в основу системы уставов и наставлений, без которых существование армии нового типа — советской Красной Армии — было бы невозможно.

В конце 20-х годов вышел в свет серьезный труд Б. М. Шапошникова «Мозг армии», в котором был проанализирован большой исторический материал, всесторонне обрисована роль Генерального штаба, разработаны некоторые важные положения по военной стратегии. Им были написаны также такие известные работы, как «Конница», «На Висле».

Дело прошлое, но тогда, как и сейчас, считаю, что название книги «Мозг армии» применительно к Красной Армии неверно. «Мозгом» Красной Армии с первых дней ее существования являлся ЦК ВКП(б), поскольку ни одно решение крупного военного вопроса не принималось без участия Центрального Комитета. Название это скорее подходит к старой царской армии, где «мозгом» действительно был генеральный штаб.

Несколько крупных военно-исторических произведений, в том числе «Разгром Деникина», принадлежат перу А. И. Егорова.

К тому же времени относится начало публикации работ одного из самых талантливых наших военных теоретиков — М. Н. Тухачевского. Ему принадлежит много прозорливых мыслей о характере будущей войны. М. Н. Тухачевский глубоко разработал новые положения теории, тактики, стратегии, оперативного искусства, показал неразрывную связь принципов и практики военного строительства с общественным строем и производственной базой страны.

Бурные обсуждения вызвала у нас книга заместителя начальника штаба РККА В. К. Триандафиллова «Характер операций современных армий», которая сразу приобрела широкую популярность. В книге высказывались смелые и глубокие взгляды на состояние и перспективы развития армий того времени, обрисовывались основные пути их технического оснащения и организации. Относительно роли танков в будущей войне В. К. Триандафиллов писал:

«В крупном тактическом значении танков для будущей войны теперь никто не сомневается. Имеющиеся к данному времени увеличение автоматического оружия в

пехоте, тенденция дальнейшего увеличения и качественного улучшения этого оружия, широкое распространение искусственных препятствий в обороне и отставание средств подавления (артиллерии) от средств обороны выдвигают танки как одно из могущественных наступательных средств для будущей войны»¹.

Во второй части работы В. К. Триандафиллова исследовались проблемы оперативного искусства, данные о наступательных и оборонительных возможностях дивизии, корпуса, армии, группы армий, рассматривались вопросы подхода к полному сражению, длительности и глубины операции, ширины фронта наступления, оборонительных операций и т. д. В. К. Триандафиллов очень рано умер — он трагически погиб в 1931 году в авиационной катастрофе. Его разработки, связанные с будущей войной, важнейшими положениями советской военной стратегии и оперативного искусства, к сожалению, так и не были доведены до конца.

Много ценного и по-настоящему интересного для каждого профессионального военного содержалось в работах С. С. Каменева, А. И. Корка, И. П. Уборевича, И. Э. Якира и других наших крупных военачальников и теоретиков. Одним словом, пищи для ума нам хватало, не успевали только все это освоить...

На занятиях в КУВНАС царила творческая обстановка, часто разгорались споры. Помню, больше всего мы спорили с Александром Васильевичем Горбатовым. В то время он командовал бригадой во 2-м кавкорпусе. А. В. Горбатов был хорошо подготовленным и эрудированным командиром, с ним было интересно подискутировать.

Здесь, на КУВНАС, слушатели основательно проработали ряд важнейших оперативно-тактических и специальных тем, познакомились с образцами новой техники и вооружения, которые поступали в части Красной Армии.

Как была в то время технически оснащена Красная Армия? В 1920—1925 годах нам в основном приходилось довольствоваться вооружением, оставшимся от старой царской армии, слабой и отсталой в этом отношении. Современной боевой техникой промышленность еще не

---

¹ Триандафиллов В. К. Характер операций современных армий. М.—Л., Госиздат, 1929, с. 19.

могла снабдить Красную Армию. Однако принимались всевозможные меры по улучшению технического состояния армии и флота.

На III Всесоюзном съезде Советов специально обсуждался вопрос о создании прочной экономической базы обороны СССР и обеспечении Красной Армии новой военной техникой. Тогда же по указанию ЦК партии начался пересмотр стрелкового, артиллерийского и авиационного вооружения старых систем, для того чтобы отобрать лучшее и усовершенствовать его. Увеличиваются ассигнования на техническое оснащение армии, восстанавливаются предприятия металлопромышленности, в том числе оборонные.

Создание отечественной авиации и флота партии удалось с самого начала превратить буквально во всенародное дело. Еще в 1921 году Совет Труда и Обороны принял специальное постановление о разработке программы-минимум в строительстве воздушного флота. На его развитие отпускались десятки миллионов золотых рублей. Весной 1923 года создается добровольное общество друзей воздушного флота, которое за два года собрало 6 миллионов рублей золотом. На эти средства было построено свыше 300 боевых самолетов. В итоге уже в 1925 году были прекращены закупки самолетов за рубежом.

С 1922 года комсомол — шеф Военно-Морского Флота. За три призыва добровольцев на флот прибывают 8 тысяч комсомольцев. Происходит восстановление и организационное укрепление военно-морских сил, которые тогда состояли из Балтийского и Черноморского флотов, отрядов кораблей на Баренцевом, Каспийском и Белом морях, а также нескольких озерных и речных флотилий. Модернизацию и капитальный ремонт на Балтике проходят линейный корабль «Октябрьская революция» (бывший «Гангут»), семь эскадренных миноносцев, достраивается крейсер «Профинтерн», на Черном море входят в строй крейсер «Червона Украина», около 60 отремонтированных кораблей и вспомогательных судов. В целом же восстановление и модернизация кораблей Военно-Морского Флота в основном заканчиваются к 1928 году.

Для создания отечественной военной техники, разработки новых современных образцов вооружения необходим был подъем творческой конструкторской мысли. В 1924 году РВС СССР утверждает Положение о комиссии

по военным изобретениям и состав комиссии, в которую вошли С. С. Каменев, М. Н. Тухачевский, И. С. Уншлихт и другие. Создается ряд научно-исследовательских и проектно-конструкторских организаций. Работу Косартопа (Комиссии особых артиллерийских опытов) консультируют такие видные ученые, как А. Н. Крылов и С. А. Чаплыгин, организуется опытное строительство новых, отечественных образцов самолетов и авиационных двигателей в знаменитом ЦАГИ (Центральном аэрогидродинамическом институте). Здесь талантливые конструкторы Н. Н. Поликарпов, А. Н. Туполев и другие конструируют опытные образцы истребителей и бомбардировщиков, среди них — ТБ-1, по летно-техническим данным превосходивший зарубежные самолеты этого типа.

Выдающимися трудами в области реактивного двигателя и космических полетов обогащают советскую науку К. Э. Циолковский и Ф. А. Цандер, всемерно поддерживаются работы в области стрелкового оружия талантливых изобретений Н. И. Тихомирова, Ф. В. Токарева и других. В 1927 году В. А. Дегтярев совместно с В. Г. Федоровым создают ручной пулемет новой системы, который по конструктивным и боевым качествам превосходил пулеметы иностранных марок. Тогда же мы получили отечественную полковую пушку калибра 76 миллиметров, а затем — зенитную пушку.

Однако в целом техническая оснащенность Красной Армии двадцатых годов была, конечно, на низком уровне. Сказывалось трудное экономическое положение страны, недостаточное развитие военной промышленности. Не хватало станковых и особенно ручных пулеметов, еще не было автоматической винтовки, а старая «трехлинейка» нуждалась в модернизации. Конструктивно устарела и была изношена артиллерия. К концу 20-х годов она насчитывала только 7 тысяч орудий, и то в основном легких. Зенитной, танковой и противотанковой артиллерии не было вовсе. К 1928 году имелось лишь 1394 военных самолета, в основном старой конструкции, и около 100 танков и бронемашин. Армия была очень слабо моторизована: к концу 1928 года в войсках было лишь 350 грузовых и 700 легковых автомобилей, 67 гусеничных тракторов. Но ведь до 1928 года у нас не было ни автомобильной, ни тракторной промышленности¹.

¹ См.: История второй мировой войны 1939 — 1945 гг. В 12-ти т. М., Воениздат, 1973, т. 1, с. 270.

А в это время крупные империалистические государства усиленно наращивали свои вооруженные силы. В случае войны Англия, например, могла бы выпускать 2500 танков в месяц, Франция — 1500, десятки тысяч самолетов насчитывались в их военно-воздушных силах, быстро осуществлялась моторизация войск. Словом, наши недавние (и потенциальные) противники далеко ушли вперед в области вооружения по сравнению с первой мировой войной.

Сопоставляя эти данные, еще и еще раз думаешь: с каких же разных позиций, объективно определенных нам историей, мы начинали свое соревнование с капиталистическим миром! И, естественно, рождается чувство большой патриотической гордости за тот общественный строй, благодаря которому удалось и догнать и перегнать в военном отношении, притом в кратчайшие сроки, наиболее развитые мировые державы, за тот народ и армию, которые сумели разгромить потом самого мощного империалистического противника.

Итак, было ясно: только создание в стране развитой промышленности могло дать Красной Армии и Флоту современное вооружение. Только индустриализация могла обеспечить обороноспособность Советского Союза. Техника должна была решить все. И наши военные руководители того времени не обманывались на этот счет, они верно представляли себе характер и специфику будущей войны.

Еще в 1925 году, докладывая на январском Пленуме ЦК РКП(б) об итогах военной реформы, М. В. Фрунзе говорил: «Многие из наших товарищей, и, я думаю, особенно те, которые побывали на фронтах гражданской войны, вероятно, живут настроениями, созданными эпохой нашей гражданской войны. Я утверждаю, что эти настроения очень опасны, так как война, которая будет в дальнейшем, будет не похожа на гражданскую войну. Конечно, она будет носить характер классовой гражданской войны, в том смысле, что будем на стороне противника иметь белогвардейцев, и наоборот — будем иметь союзников в лагере наших врагов. Но по технике, по методам ведения ее это не будет война, похожая на нашу гражданскую войну. Мы будем иметь дело с великолепной армией, вооруженной всеми новейшими техническими усовершенствованиями, и если мы в нашей армии не

будем иметь этих усовершенствований, то перспективы могут оказаться для нас весьма и весьма неблагоприятными. Это следует учесть, когда мы будем решать вопрос об общей подготовке страны к обороне»¹.

...Весной 1930 года после КУВНАС мы возвратились в свои части.

2-й кавалерийской бригадой я командовал более года и должен сказать, что эта работа дала мне очень много и значительно пополнила мой теоретический и практический багаж.

В конце 1930 года стало известно, что моя кандидатура рассматривается на должность помощника инспектора кавалерии РККА. Деятельность инспекции в то время высоко ценилась в частях конницы. Однако признаюсь, что это известие несколько меня не обрадовало. Я очень привык к своей дивизии и считал себя непременно членом дружной семьи самарцев.

Но вопрос был решен, и надо было собираться в Москву. Собственно говоря, собирать-то нужно было шинель да несколько пар белья. Все наши семейные пожитки вполне вмещались в один чемодан. Другого какого-либо имущества никто из нас тогда не имел, и это считалось совершенно нормальным явлением.

Однажды вечером мне позвонил Константин Константинович Рокоссовский и сказал, что из Москвы получен приказ о моем назначении на новую должность.

— Сколько вам потребуется времени на сборы?— спросил он.

— Часа два,— ответил я.

— Мы вас так не отпустим,— сказал К. К. Рокоссовский,— ведь вы ветеран 7-й дивизии, и проводим вас, как положено, таково общее желание командно-политического состава второй бригады.

Я, разумеется, был очень тронут.

Через несколько дней состоялся обед всего командного и политического состава 39-го и 40-го кавполков, на котором присутствовало командование дивизии. Я услышал много хороших, теплых слов в свой адрес. Шли они от чистого сердца и запомнились на всю жизнь.

---

¹ Фрунзе М. В. Собр. соч. В 3-х т. М.—Л., Госиздат, 1929, т. 1, с. 211.

На утро следующего дня был готов к отъезду. Еще раз зашел в подразделения, попрощался с бойцами и командирами.

Перед отъездом побывал в Минске, который очень полюбил. Здесь прожил я восемь лет, близко узнал добродушный, трудолюбивый белорусский народ. На моих глазах Белоруссия успешно ликвидировала последствия двух войн.

Вечером с женой Александрой Диевной (ныне покойной) и двухлетней дочкой Эрой мы выехали в Москву.

В Инспекции кавалерии РККА. 4-я кавалерийская дивизия Первой Конной армии

Инспекцию кавалерии в те годы возглавлял Семен Михайлович Буденный.

Явившись на место моего нового назначения, я отправился представиться будущему руководству. Однако С. М. Буденного в инспекции не было. Его личный секретарь П. А. Белов (тот самый, который прославился в Великую Отечественную войну) сказал мне, что Семен Михайлович сейчас практически не занимается делами инспекции, а учится в особой группе академии. Все дела ведет его первый заместитель комкор И. Д. Косоков.

Я представился И. Д. Косокову, а затем познакомился с помощниками инспектора кавалерии Б. К. Верховским, Ф. Р. Жемайтисом, П. П. Собенниковым, И. В. Тюленевым, А. Я. Трейманом. Это были знающие свое дело командиры.

После предварительного знакомства И. Д. Косоков сказал, что, по-видимому, мне лучше всего взять на себя вопросы боевой подготовки конницы, поскольку в этой области я имею достаточную практику.

Примерно через месяц я полностью вошел в курс новой работы. Месяца через три состоялось общее партийное собрание коммунистов всех инспекций и управления боевой подготовки тогдашнего Наркомата по военным и морским делам¹. На этом собрании я был избран секретарем партийного бюро, а заместителем секретаря — Иван Владимирович Тюленев.

¹ Поскольку далее в тексте будут упоминаться различные инстанции советского военного руководства, привожу следующую справку.

После смерти в 1925 году Михаила Васильевича Фрунзе (в возрасте 40 лет) на пост народного комиссара по военным и морским делам и одновременно председателем Революционного военного совета СССР (РВС СССР действовал на правах коллегии наркомата) был назначен К. Е. Ворошилов.

Коммунисты нашей парторганизации, много сил и сверхурочного времени отдавая своим служебным обязанностям, не забывали и о делах общественных. Очень распространены были выступления на фабриках, заводах и в других гражданских организациях и учреждениях. Рабочие и служащие хорошо принимали военных коммунистов и с удовольствием слушали их, особенно когда речь шла о международном положении и о последних решениях партии и правительства.

В конце двадцатых — начале тридцатых годов международная обстановка обостряется. Яснее обозначается группа империалистических государств — прежде всего Германия, Япония, Италия, — правительства которых, выполняя волю монополистических кругов, все активнее готовятся к выходу из экономического кризиса с помощью нового передела мира. В 1931 году японские войска без объявления войны вторгаются в Китай и оккупируют Маньчжурию. Конечно, в планы тогдашнего

При Совете Народных Комиссаров была постоянная Комиссия обороны во главе с В. М. Молотовым. Комиссия предварительно изучала и разрабатывала основные, принципиальные вопросы строительства вооруженных сил и развития обороны СССР, внося их на рассмотрение и утверждение в законодательном порядке в Совет Труда и Обороны.

Опыт показал, что Комиссия обороны и Реввоенсовет СССР дублировали друг друга, поэтому в 1934 году Реввоенсовет упраздняется, а Народный комиссариат по военным и морским делам переименовывается в Наркомат обороны. Тогда же в качестве совещательного органа при наркомате создается Военный совет, решения которого утверждались наркомом и проводились в жизнь его приказами.

В 1937 году Совет Народных Комиссаров упраздняет Совет Труда и Обороны и преобразует Комиссию обороны при СНК СССР в Комитет обороны. Председателем Комитета обороны остается В. М. Молотов, члены — И. В. Сталин, К. Е. Ворошилов и др. Тогда же создается общесоюзный Народный комиссариат Военно-Морского Флота СССР. Наркомом назначается П. А. Смирнов.

В 1938 году при Наркомате обороны образуется Главный военный совет Рабоче-Крестьянской Красной Армии. В Совет входили К. Е. Ворошилов (председатель), В. К. Блюхер, С. М. Буденный, Г. И. Кулик, Л. З. Мехлис, И. В. Сталин, И. Ф. Федько, Б. М. Шапошников, Е. А. Щаденко. Одновременно создается Главный военный совет Военно-Морского Флота в составе П. А. Смирнова (председатель), Л. М. Галлера, А. А. Жданова, И. С. Исакова, Н. Г. Кузнецова, Г. И. Левченко и других. На Главных военных советах двух наркоматов рассматривались основные вопросы укрепления обороноспособности СССР и строительства армии и флота.

Военные советы образуются в округах, флотах и армиях. Они подчиняются непосредственно народному комиссару обороны СССР. — *Прим. автора.*

японского правительства входило создание плацдарма для нападения на Советский Союз.

В январе 1933 года в Германии к власти пришел фашизм, который с самого начала взял курс на завоевание мирового господства. Вряд ли народы Англии, США, Франции подозревали тогда, какую плохую услугу оказывают им империалистические силы их стран, активно помогая Германии восстанавливать тяжелую промышленность. 70 процентов всех долгосрочных кредитов предоставили немецким монополиям США. Поток зарубежных финансовых «вливаний» усиливается после прихода к власти Гитлера.

Германия, Япония, Италия переводят свою экономику на военные рельсы. Военные бюджеты возрастают до крайности. Взят такой разбег, который позволит потом, во второй половине 30-х годов, агрессивным государствам Европы практически быть готовыми к большой войне. Численность вооруженных сил Германии переваливает за миллион человек, около двух миллионов состоит в фашистских военизированных организациях. В случае войны войска фашистской Германии могли быть быстро увеличены в 5—6 раз. В Италии в мирное время в войсках было занято 400 тысяч человек, но в военное время они легко увеличивались в 5 раз.

Конечно, в подобной обстановке необходимо было принимать решительные меры по наращиванию оборонной мощи нашей страны. При этом речь шла не только и не столько о количественной стороне дела. Наши вооруженные силы должны были подняться на новую качественную ступень. Принимается множество мер, направленных на развитие армии и флота. Главным звеном становится техника. Насытить, оснастить современной техникой Советские Вооруженные Силы—эту задачу можно было решить только на путях индустриализации.

Курс на социалистическую индустриализацию— всемерное развитие тяжелой индустрии на основе электрификации, техническое перевооружение и реконструкция промышленности, транспорта, сельского хозяйства—был взят партией на XIV съезде в конце 1925 года. Через два года XV съезд партии записал в директивах по составлению первого пятилетнего плана:

«Учитывая возможность военного нападения со стороны капиталистических государств на пролетарское государство, необходимо при разработке пятилетнего пла-

на уделить максимальное внимание быстрейшему развитию тех отраслей народного хозяйства вообще и промышленности в частности, на которые выпадает главная роль в деле обеспечения обороны и хозяйственной устойчивости страны в военное время»¹.

Здесь мне хотелось бы сделать одно отступление. В общем и целом народами мира признано, что от чумы фашизма Европу спасли прежде всего советские солдаты, советское оружие, что разгром гитлеровской Германии — величайший исторический подвиг советского народа. Я думаю, что фундамент для этого был заложен уже в те годы, когда советские люди по зову партии взялись за индустриализацию своей страны.

У меня нет под рукой необходимых данных, да это и не моя задача, чтобы всесторонне показать значение индустриализации для развития народного хозяйства, роста благосостояния народа, укрепления колхозного строя и т. д. Что же касается судьбы вооруженных сил и исхода борьбы за нашу свободу и независимость в годы Великой Отечественной войны, то все это находилось в прямой зависимости от темпов индустриализации, от активности, с которой она проводилась в жизнь.

Ведь можно было бы на пять — семь лет отложить такой крутой подъем тяжелой индустрии, дать народу, который стократ заслужил это, побыстрее и побольше товаров широкого потребления, продукции легкой промышленности. Разве это не было соблазнительно? Но поступи мы так, кто знает, когда бы завершился тот тяжелейший период, который мы называем начальным периодом войны, где, под каким городом или на какой реке были бы остановлены фашистские войска?..

Мудрость и прозорливость партии, окончательную и высшую оценку которой дала сама история, правильное направление развития страны и трудовой героизм народа заложили в те годы основы наших побед в Великой Отечественной войне.

XVI и XVII съезды партии решительно потребовали сосредоточить внимание народа на усилении мощи Красной Армии и Флота, указав на все более нарастающую угрозу новой войны. Дается прямая директива ускорить темпы развития промышленности, особенно металлургии, накапливать государственные резервы, коренным

---

¹ КПСС в резолюциях..., ч. II, с. 452.

образом реконструировать транспорт. Поставлена задача расширить мобилизационные возможности всего народного хозяйства, строить и размещать промышленные объекты таким образом, чтобы в случае нападения можно было быстро перевести промышленность на военные рельсы и обеспечить ее срочное мобилизационное развертывание.

В нашу партийную организацию, кроме коммунистов Инспекции кавалерии, входили коммунисты инспекций стрелковых войск и огневой подготовки, артиллерии, войск связи, инженерных войск, Управления боевой подготовки РККА и других подразделений наркомата. Мы старались мобилизовать личный состав управлений и инспекций на выполнение требований, поставленных партией, правительством и наркомом. Многими большими вопросами занимался в то время Наркомат по военным и морским делам, его руководящее партийное ядро. Вот некоторые проблемы того времени.

Военная реформа Красной Армии и Флота была завершена, в жизни вооруженных сил произошли значительные изменения. Улучшился весь процесс обучения и воспитания войск, возросла дисциплина, управление войсками сверху донизу основывалось на принципе единоначалия, были созданы условия для совершенствования военных кадров. Можно было идти дальше.

В середине 1929 года Центральный Комитет партии принимает постановление «О состоянии обороны страны», в котором излагается линия на коренную техническую реконструкцию армии, авиации и флота. Реввоенсовету СССР и Народному комиссариату по военным и морским делам было предложено наряду с модернизацией существующего вооружения добиться в течение ближайшего времени получения опытных образцов, а затем и массового внедрения в армию современных типов артиллерии, химических средств защиты, всех современных типов танков и бронемашин, осуществить серийный выпуск новых типов самолетов и моторов.

Это постановление легло в основу первого пятилетнего плана военного строительства, который, кроме всего прочего, предусматривал создание новых технических родов войск, моторизацию и организационную перестройку старых родов войск, массовую подготовку технических кадров и овладение новой техникой всем личным составом. В январе 1931 года Реввоенсовет уточнил

план строительства РККА на 1931—1933 годы, чем и завершился процесс разработки первого пятилетнего плана военного строительства¹.

В связи с новыми задачами были внесены некоторые важные изменения в центральный военный аппарат. Большую роль сыграло, в частности, учреждение должности начальника вооружений РККА, на которого возлагалось руководство всеми вопросами технического перевооружения армии. До 1931 года этот пост занимал И. П. Уборевич, а после него — М. Н. Тухачевский. В 1929 году в системе Наркомата по военным и морским делам создается Управление моторизации и механизации РККА. Это управление ряд лет возглавляли большие знатоки, энтузиасты создания танков И. А. Халепский и К. Б. Калиновский. В военных округах были организованы отделы бронетанковых войск.

Практически до 1929 года мы еще не имели танковой промышленности, необходимых кадров конструкторов и танкостроителей. В то же время партия и правительство понимали, что танкам в будущей войне принадлежит важная роль. Перед военным ведомством были поставлены соответствующие задачи. Специальным постановлением Реввоенсовета СССР предусматривалось создание следующих типов боевых машин: танкетка, средний, большой (тяжелый) и мостовой танки, были определены их тактико-технические характеристики. В кратчайшие сроки конструкторы создают новые образцы танков отечественного производства. На вооружение Красной Армии в 1931—1935 годах поступают танкетка Т-27, легкие танки Т-24 и Т-26, быстроходный гусеничный танк БТ, средний танк Т-28, потом тяжелый танк Т-35 и плавающая танкетка Т-37. Около 4 тысяч танков и танкеток выпускает промышленность за первую пятилетку.

Активно принимается советское военное руководство за разработку нового плана строительства Военно-Воздушных Сил РККА. В начале 1930 года Реввоенсовет СССР утверждает программу создания различных видов сухопутных и морских самолетов, аэростатов, аэрофотоаппаратов и приборов, причем главное внимание уделяется бомбардировочной и истребительной авиации.

---

¹ Выполнение этого плана много дало армии и флоту. Но коренная техническая реконструкция была впереди. Для нее нужны были большие материальные ресурсы и производственные возможности страны.— *Прим. автора.*

Через два года принимаются к исполнению основы организации Военно-Воздушных Сил РККА, в которых стратегические и оперативно-тактические вопросы рассматриваются с точки зрения защиты страны в случае нападения. Дальняя бомбардировочная авиация сводится в крупные соединения, способные самостоятельно решать оперативные задачи. Еще через год тяжелые бомбардировочные авиаотряды объединяются в корпуса.

Инспекция кавалерии РККА работала в тесном контакте с Управлением боевой подготовки Красной Армии. Там я впервые познакомился с Александром Михайловичем Василевским, с которым нас в годы Великой Отечественной войны объединяла совместная работа на фронтах в качестве представителей Ставки Верховного Главнокомандования. Уже тогда Александр Михайлович превосходно знал свое дело, так как долгое время командовал полком и досконально изучил специфику боевой подготовки. В управлении к нему относились с большим уважением. Хорошо известна плодотворная деятельность возглавлявших это управление А. Я. Лапина, а затем его преемника А. И. Седякина.

В середине 1931 года ЦК ВКП(б) принял постановление «О командном и политическом составе РККА», в котором были сформулированы основные успехи и недостатки в воспитании и боевой подготовке военных кадров.

Особое внимание уделялось в постановлении расширению объема технической подготовки, увеличению числа инженерно-технических кадров старшего звена, улучшению политического воспитания в армии. К тому времени общая система подготовки командного состава РККА в основном сформировалась.

Что касается нормальных военных школ, то упор делается на школы авиационные, бронетанковые, артиллерийские и технические. По сравнению с 1924 годом число курсантов (тогда их было около 25 тысяч) увеличивается в 2 раза. Для расширения подготовки старшего начсостава решено создать на базе факультетов Военно-технической академии Военную академию механизации и моторизации, Артиллерийскую, Военно-химическую, Военно-электротехническую, Военно-инженерную академию, основать новую Военно-транспортную академию, значительно увеличить прием в Военную академию имени М. В. Фрунзе и Военно-политическую академию.

Таким образом, количество высших военных учебных заведений увеличивается в полтора раза, а число слушателей — с 3200 в 1928 году до 16 с половиной тысяч в 1932 году.

Управление боевой подготовки строило свою деятельность, исходя из новых указаний партии и ясного понимания, что усиление боеспособности армии прежде всего зависело от овладения техникой и сложными формами современного боя. При этом разрабатывались и проводились в жизнь десятки мероприятий, которые касались не только подготовки кадров в военно-учебных заведениях и на различных курсах усовершенствования, но и напряженной боевой учебы непосредственно в войсках.

К тому времени почти 100 процентов командиров получили специальное военное образование. На командирскую подготовку отводилось уже 42 часа в месяц вместо 6—8 часов в 1929 году. Важное место наряду с тактической и огневой подготовкой начала занимать техническая подготовка, которая проводилась по программе обязательного технического минимума для каждого рода войск и каждой категории комсостава. На сборах командно-начальствующего состава запаса вводилось изучение новой техники и оружия.

Огромную работу вел коллектив Инспекции артиллерии во главе с инспектором артиллерии Н. М. Роговским. Он хорошо знал артиллерийское дело и пользовался большим авторитетом в войсках. Командующие войсками округов, командиры соединений, инженеры артиллерийской службы считались с Н. М. Роговским, прислушивались к его мнению.

Тем, кто занимался тогда вопросами артиллерии, пришлось решать трудные задачи. Материальная часть артиллерии была сильно изношена, значительно устарела по своим тактико-техническим данным. Все это в основном было то, что мы получили в наследство от старой армии.

Однако уже в середине 1929 года Реввоенсовет СССР разрабатывает рассчитанную на пять лет систему артиллерийского перевооружения РККА, предусматривающую увеличение огневой мощи, дальности, скорострельности и меткости орудий, создание крупных артиллерийских конструкторских бюро. Закладываются артиллерийские заводы, которые потом позволили организовать производство новых и модернизированных артиллерий-

ских систем и боеприпасов к ним, принимаются меры к подготовке квалифицированных инженеров и техников. С 1928 по 1933 год мощность артиллерийских заводов возросла более чем в 6 раз, а по малокалиберным орудиям — в 35 раз.

К концу моей работы того периода в аппарате Наркомата обороны приступили к разработке второго пятилетнего плана строительства РККА на 1934—1938 годы. Основные указания партии в этой связи состояли в том, чтобы завершить начатую техническую реконструкцию и перевооружение войск современной боевой техникой путем широкого внедрения решающих средств борьбы — авиации, танков, артиллерии, обеспечить Красной Армии возможность отражения агрессии. Во исполнение этой линии Совет Труда и Обороны принимает постановления «О программе военно-морского строительства на 1933—1938 гг.», «О системе артиллерийского вооружения РККА на вторую пятилетку», утверждает план развития ВВС на 1935—1937 годы.

Говоря о Наркомате обороны начала тридцатых годов, я не могу не отметить деятельность центрального партийного бюро наркомата, которое пользовалось высоким авторитетом, творчески руководило нашими парт-организациями. Все центральные управления наркомата и инспекции Красной Армии работали активно, творчески, жили полнокровной жизнью. Хорошо были поставлены изучение марксистско-ленинской теории, общеобразовательная и культурно-массовая работа. Партийные собрания проходили активно и самокритично.

Инспекция кавалерии РККА в тот период была весьма авторитетна в кавалерийских частях, так как, кроме инспектирования, проводила поучительные командно-штабные игры, полевые учения, различные сборы и занятия по обмену передовым опытом боевой подготовки войск.

Вообще в те времена части кавалерии РККА были в первых рядах по своей боевой подготовке, и не случайно во вновь нарождающиеся рода войск, особенно танковые и механизированные, направлялись лучшие кадры командного состава конницы.

По роду обязанностей в инспекции я участвовал в разработке уставов и наставлений различных родов и служб войск.

Должен сказать, что содержанию уставов в РККА

придавалось серьезное значение. В них каждый раз закреплялись достижения военной науки, они основывались на современном уровне техники, учитывали изменения в характере военных операций. Первую группу уставов, обобщавших опыт мировой и гражданской войн, а также преобразования, связанные с военной реформой, войска получили в 1924—1925 годах. По преимуществу это были временные уставы — внутренней службы, устав корабельной службы, боевые уставы кавалерии, артиллерии, бронесил РККА.

Основной линией этих уставов, которая нашла наиболее полное отражение во Временном полевом уставе РККА (1929 год), часть II (дивизия, корпус), было требование рассматривать бой в качестве общевойскового, успех которого основывается на взаимодействии всех родов войск. Устав уже говорил о порядке использования танков, организации противотанковой, противовоздушной и противохимической обороны, использовании авиации, инженерных войск.

Теперь вводится в действие ряд новых уставов и наставлений, заменивших, дополнивших уставы 1924—1925 годов. Это Временное наставление по войсковой маскировке РККА, Боевой устав Военно-Воздушных Сил РККА, наставления по телефонно-телеграфному, подводно-минному делу и другие.

Чтобы не возвращаться более к этой теме, замечу, что, по общему признанию, высокой оценки заслужил Временный полевой устав 1936 года, в котором были разработаны и обоснованы важнейшие вопросы ведения современного боя. В целом же в середине 30-х годов Красная Армия имела передовую и основательную военную теорию, закреплённую в системе квалифицированных уставов и наставлений.

В 1931 году, как я уже писал, Штаб РККА принял А. И. Егоров. Инспекции кавалерии по роду своей деятельности мало приходилось иметь дело со Штабом РККА, но нам хорошо было известно, что большинство работников с удовлетворением встретили назначение А. И. Егорова на пост начальника Штаба.

Мы считали, что М. Н. Тухачевский, занимавший пост первого заместителя наркома, начальник Штаба РККА А. И. Егоров и такой талантливый военный теоретик, как заместитель начальника Штаба РККА

В. К. Триандафиллов, будут хорошо помогать наркому К. Е. Ворошилову.

В период работы в Инспекции кавалерии мне посчастливилось ближе познакомиться с Михаилом Николаевичем Тухачевским. Личное мое знакомство с Михаилом Николаевичем, как я уже упоминал, состоялось еще во время ликвидации кулацкого восстания Антонова в 1921 году. Человек атлетического сложения, он обладал впечатляющей внешностью. Мы еще тогда отметили, что это человек не из трусливого десятка: по районам, где скрывались бандиты, он разъезжал с весьма ограниченным прикрытием.

Теперь на посту первого заместителя наркома обороны Михаил Николаевич Тухачевский вел большую организационную, творческую и научную работу. При встречах с ним меня пленяла его разносторонняя осведомленность в вопросах военной науки. Умный, широко образованный профессиональный военный, он великолепно разбирался как в области тактики, так и в стратегических вопросах. М. Н. Тухачевский хорошо понимал роль различных видов наших вооруженных сил в современных войнах и умел творчески подойти к любой проблеме.

Все свои принципиальные выводы в области стратегии и тактики Михаил Николаевич обосновывал, базируясь на бурном развитии науки и техники у нас и за рубежом, подчеркивая, что это обстоятельство окажет решающее влияние на организацию вооруженных сил и способы ведения будущей войны.

Еще в 30-х годах М. Н. Тухачевский предупреждал, что наш враг номер один — Германия, что она усиленно готовится к большой войне, и, безусловно, в первую очередь против Советского Союза. Позже, в своих печатных трудах, он неоднократно отмечал, что Германия готовит сильную армию вторжения, состоящую из мощных воздушных, десантных и быстроподвижных войск, главным образом механизированных и бронетанковых сил. Он указывал на заметно растущий военно-промышленный потенциал Германии, на ее возможности в массовом производстве боевой авиации и танков.

Летом 1931 года, находясь в лагерях 1-го кавалерийского корпуса, я разрабатывал проекты Боевого устава конницы РККА (часть I и часть II) при участии командира кавалерийского полка Николая Ивановича Гусева и

других товарищей из 1-й кавдивизии. Осенью после обсуждения в инспекции они были представлены на рассмотрение М. Н. Тухачевскому.

Вместе с заместителем инспектора И. Д. Косоговым мне не раз приходилось отстаивать те или иные положения уставов. Но, признаюсь, мы часто бывали обезоружены вескими и логичными возражениями М. Н. Тухачевского и были признательны ему за те блестящие положения, которыми он обогатил проекты наших уставов.

После поправок М. Н. Тухачевского уставы были изданы, и части конницы получили хорошее пособие для боевой подготовки.

Последний раз я видел Михаила Николаевича в 1931 году на партийном активе, где он делал доклад о международном положении. М. Н. Тухачевский убедительно говорил о растущем могуществе нашего государства, о широких перспективах нашей социалистической экономики, науки, техники и расцвете культуры. Говоря о роли нашей большевистской партии в строительстве нового государства и армии, Михаил Николаевич тепло вспоминал о В. И. Ленине, с которым ему довелось много раз встречаться и вместе работать.

На этом активе Михаил Николаевич поделился своими соображениями, изложенными в монографии, над которой он тогда работал. Ее суть сводилась к исследованию новых проблем войны. Тогда мы были менее искушены в вопросах военной науки и слушали его как зачарованные. В М. Н. Тухачевском чувствовался гигант военной мысли, звезда первой величины в плеяде выдающихся военачальников Красной Армии.

Позднее, выступая в 1936 году на 2-й сессии ЦИК СССР, М. Н. Тухачевский снова обратил внимание на нависшую серьезную опасность со стороны фашистской Германии. Свою яркую, патриотическую речь он подкрепил серьезным анализом и цифрами вооружения Германии и ее агрессивной устремленности.

Инспекция кавалерии провела большую работу по пересмотру организации кавалерийских частей и соединений, системы вооружения и способов ведения боя.

После длительных дебатов внутри инспекции и детального обсуждения с командирами соединений конницы было решено, что дивизия должна иметь в своем составе четыре кавалерийских, один механизированный

полк и один артиллерийский полк. Кавалерийские полки должны состоять из четырех сабельных эскадронов, одного пулеметного, полковой батареи, отдельного взвода ПВО, отдельного взвода связи, отдельного саперного взвода, отдельного химического взвода и соответствующих хозяйственных органов. Артиллерийскому полку следовало иметь в своем составе дивизион 122-мм гаубиц и дивизион 76-мм пушек. Механизированный полк вооружался танками БТ-5.

Таким образом, конница Красной Армии получала на свое вооружение такие технические и огневые средства, которые значительно изменяли характер ее организации и способы ведения боя. Теперь она могла своими огневыми средствами, ударом танков прокладывать дорогу вперед с целью разгрома противостоящего противника.

Новые боевые уставы и ряд инструкций, разработанных Инспекцией кавалерии, вытекали из основных положений по ведению глубокой операции и глубокого боя.

Обоснование теории глубокой наступательной операции было серьезным достижением нашего военного искусства. В целом операция характеризовалась массированным применением танков, авиации, артиллерии и воздушных десантов, так как была рассчитана на ведение боевых действий современными, технически оснащенными армиями. Существо же глубокой операции состояло в следующем. Первая задача — взлом фронта противника одновременным ударом на всю его тактическую глубину, вторая — немедленный ввод в прорыв механизированных войск, которые во взаимодействии с авиацией должны наступать на всю глубину оперативной обороны противника до поражения всей его группировки.

При этом учитывалось, что в целом война будет вестись многомиллионными армиями на огромных пространствах, а успех глубокой операции обеспечит поражение авиацией и артиллерией всей глубины обороны противника плюс решительные действия на флангах и в тылу группировок врага с целью их окружения и уничтожения.

Военная наука, которой руководствовались кадры командного состава Красной Армии, модифицировалась с появлением новой техники, нового оружия, новых возможностей страны, ну и, конечно, в связи с уровнем боеспособности вероятного противника.

Вооружая армию современными средствами борьбы,

ЦК партии помогал военному руководству глубже осмыслить изменения в области военных наук. С этой целью в Политбюро и на Главном военном совете систематически обсуждались проблемные вопросы военной стратегии, оперативного искусства и технического перевооружения армии и флота. На этих совещаниях, как правило, присутствовали командующие войсками округов, флотов и ВВС. Итоги и установки совещания доводились до всего руководящего состава армии, флота и ВВС.

Для нас, работавших в инспекции, перевооружение конницы и освоение частями новой организации и боевых уставов имели особое значение, так как большинство частей тогда дислоцировалось на важнейших стратегических направлениях и вблизи государственных границ, а эти обстоятельства требовали от кавалерии повышенной боевой готовности.

Однажды меня вызвал первый заместитель инспектора кавалерии И. Д. Косогов и сообщил, что моя кандидатура представляется К. Е. Ворошилову для назначения на должность командира 4-й кавалерийской дивизии.

И. Д. Косогов спросил, как я отношусь к предполагаемому назначению и устраивает ли меня работа в Белорусском военном округе. Я ответил, что назначение на должность командира такой прославленной дивизии рассматриваю как особую честь. Белорусский военный округ знаю, в его составе проработал десять лет. Хорошо знаком с командиром 3-го кавалерийского корпуса Л. Я. Вайнером, считаю его способным военачальником.

На этом разговор с И. Д. Косоговым закончился. Прощаясь, он сказал, что со мной будет еще беседовать С. М. Буденный.

Беседа состоялась через несколько дней, когда приказ о моем назначении уже был подписан наркомом. Прощаясь, С. М. Буденный с волнением сказал:

— 4-я дивизия всегда была лучшей в рядах конницы, и она должна быть лучшей!

Хочется с удовлетворением отметить, что эти пожелания Семена Михайловича сбылись. Но до того как дивизия вышла вновь в первые ряды, всем, особенно командному, политическому составу и партийным организациям, пришлось много потрудиться.

В книге С. М. Буденного «Пройденный путь» достаточно подробно описаны блистательные победы 4-й кавалерийской дивизии.

лерийской дивизии. Я хочу ограничиться лишь некоторыми личными воспоминаниями, относящимися к периоду моего командования этой славной дивизией.

4-я кавалерийская имени К. Е. Ворошилова дивизия была ядром легендарной Первой Конной армии. В жестоких боях в годы гражданской войны она показала чудеса храбрости и массового героизма.

До 1931 года дивизия дислоцировалась в Ленинградском военном округе и располагалась в местах, где раньше, при царской власти, стояли конногвардейские части (Гатчина, Петергоф, Детское Село). Как и в годы гражданской войны, 4-я дивизия осталась одной из лучших в нашей кавалерии. Личный состав дивизии бережно хранил ее славные боевые традиции, успешно воспитывал у молодых конников чувство высокой ответственности и воинского долга.

В 1932 году дивизия была спешно переброшена в Белорусский военный округ, в город Слуцк. Как мне потом стало известно, передислокацию объясняли чрезвычайными оперативными соображениями. Однако в тот период не было никакой надобности в спешной переброске дивизии на совершенно неподготовленную базу. Это важно подчеркнуть, так как в течение полутора лет дивизия была вынуждена сама строить казармы, конюшни, штабы, жилые дома, склады и всю учебную базу. В результате блестяще подготовленная дивизия превратилась в плохую рабочую воинскую часть. Недостаток строительных материалов, дождливая погода и другие неблагоприятные условия не позволили вовремя подготовиться к зиме, что крайне тяжело отразилось на общем состоянии дивизии и ее боевой готовности. Упала дисциплина, часто стали болеть лошади.

Командование 3-го корпуса, куда входила 4-я кавалерийская дивизия, ничем не могло помочь, так как в аналогичном положении находились и другие части этого корпуса, также спешно переброшенные в округ.

Весной 1933 года командующий Белорусским военным округом И. П. Уборевич после краткого инспектирования частей дивизии нашел ее в состоянии крайнего упадка. Надо заметить, что в свое время командующий не оказал надлежащей помощи дивизии в вопросах строительства и не принял во внимание условий, в которых находились части. Теперь он поспешил определить

главного виновника плохого состояния дивизии — ее командира Г. П. Клеткина.

Безусловно, ответственным за дивизию является командир, на то он и единоначальник. Но высший начальник по долгу своей службы и как старший товарищ обязан быть объективным. Со свойственной ему горячностью И. П. Уборевич доложил народному комиссару обороны К. Е. Ворошилову о состоянии 4-й дивизии и потребовал немедленного снятия комдива Г. П. Клеткина. Конечно, в дивизии имели место недостатки. Однако И. П. Уборевич все же сгустил краски, утверждая, что дивизия растеряла все свои хорошие традиции и является небоеспособной.

Сообщение И. П. Уборевича для К. Е. Ворошилова было крайне неприятным: он был кровно связан с дивизией долгие годы, не раз ходил в ее рядах в атаку. Дивизия воспитала целую плеяду талантливых командиров и политработников. Для инспектора кавалерии С. М. Буденного 4-я дивизия также была любимым детищем. В свое время он ее формировал и водил в бой.

К. Е. Ворошилов информировал С. М. Буденного о том, что ему доложил И. П. Уборевич, и предложил подыскать нового командира.

И вот настал день, когда мы с женой и дочерью сели в поезд, который снова повез нас в знакомые места, в Белоруссию. Я знал и любил Белоруссию, белорусскую природу, богатую чудесными лесами, озерами, реками, и как охотник и рыбак радовался, что вновь попаду в эти живописные места. За время работы в Белоруссии я изучил характер ее местности — от северных до южных границ. Как это мне потом пригодилось! А самое главное, в Белорусском военном округе имел много друзей, особенно в частях и соединениях конницы.

Правда, 4-ю дивизию я знал мало. В той дивизии был всего лишь один раз в 1931 году, и то очень недолго. Людей дивизии почти не знал, за исключением командира Г. П. Клеткина, его заместителя по политической части Н. А. Юнга, начштадива А. И. Вертоградского, командира механизированного полка В. В. Новикова и нескольких других командиров. А без знания людей, их слабых и сильных сторон, без знания способностей начальствующего состава нельзя успешно руководить войсками, особенно большим воинским коллективом.

В Слуцк мы попали в период весенней распутицы. На станции была непролазная грязь, и, пока добрались до тачанки, жена не раз оставляла свои галоши в грязи. Сидя у меня на плечах, Эра спросила:

— Почему здесь нет тротуара, как у нас в Сокольниках?

Я ей ответил:

— Здесь тоже будет тротуар и красивая площадь, но только позже...

Мне с семьей пришлось временно приютиться в 8-метровой комнате у начальника химслужбы дивизии В. М. Дворцова, который был так любезен, что сам с семьей остался в одной небольшой комнате, уступив нам эту комнатуху. Все мы понимали трудности с жильем, и никто не претендовал на лучшее, пока это «лучшее» мы сами не построим.

Через полчаса я был уже в штабе дивизии, который располагался тут же во дворе. Командира дивизии Г. П. Клеткина в штабе не было: он сообщил, что нездоров и принять меня не может. Я, конечно, понимал его душевное состояние и не настаивал на немедленной встрече.

С положением дел в дивизии меня подробно ознакомили заместитель командира по политической части Николай Альбертович Юнг и начальник штаба дивизии Александр Иванович Вертоградский. Я был признателен им за то, что они сумели все быстро и обстоятельно изложить. Однако мне предстояло главное: самому досконально разобраться в обстановке непосредственно в частях и подразделениях, определить недостатки, найти их причины и вместе с командирами и политработниками наметить пути их ликвидации.

В тот же день я поехал в 19-й Манычский кавалерийский полк — головной, старейший полк дивизии, которым командовал Федор Яковлевич Костенко, один из первых конармейцев. Лично его я раньше не знал, но много слышал об этом добросовестном командире, большом энтузиасте кавалерийского дела, непременном участнике всех конноспортивных состязаний, которые в тот период широко практиковались в коннице.

Великая Отечественная война застала Ф. Я. Костенко в должности командующего 26-й армией, защищавшей наши государственные границы на Украине. Под его

командованием части и соединения этой армии дрались столь упорно, что, неся колоссальные потери, фашистские войска так и не смогли в первые дни прорваться в глубь Украины. К большому сожалению, Федору Яковлевичу Костенко не посчастливилось дожить до наших дней. Он пал смертью героя в ожесточенном сражении на харьковском направлении, будучи заместителем командующего Юго-Западным фронтом. Вместе с ним погиб его любимый старший сын Петр. Петра Костенко нельзя было не любить. Помнится, еще совсем мальчиком Петр изучал военное дело, особенно нравились ему верховая езда и рубка. Федор Яковлевич гордился сыном, надеялся, что из Петра выйдет достойный командир-кавалерист, и не ошибся.

После 19-го Манычского полка я подробно познакомился с 20, 21-м и 23-м кавалерийскими полками, 4-м конноартиллерийским и 4-м механизированным полками, а затем с отдельными эскадронами дивизии. В самом тяжелом положении оказался 20-й кавполк, стоявший в деревне Конюхи, в 20 километрах от города Слуцка. Полком командовал Владимир Викторович Крюков, который потом, в Отечественную войну, возглавлял кавалерийский корпус, не раз отмечавшийся в приказах Верховного Главнокомандующего. Полк был расположен близко к государственной границе и являлся как бы авангардом дивизии.

Несмотря на тяжелые условия, настроение всего личного состава полка было бодрым. Даже жены офицеров, покинувшие хорошие квартиры под Ленинградом, и те не унывали. Жаловались только на одно: негде учить детей, нет школ.

21-м кавалерийским полком командовал Иван Николаевич Музыченко. Его я знал по 14-й отдельной кавалерийской бригаде, где он был в период гражданской войны помощником военного комиссара полка. Отечественная война застала его командующим 6-й армией на Украине, штаб которой стоял во Львове. По ряду обстоятельств И. Н. Музыченко не посчастливилось в начале войны. Вынужденно отходя в глубь Украины под натиском значительно превосходивших сил врага, он, будучи тяжело раненным, попал в плен к противнику и всю войну томился в лагерях военнопленных в Германии.

21-й кавалерийский полк произвел несколько лучшее

впечатление своей организованностью, состоянием службы и общим порядком. Чувствовалась хорошая организационная работа командно-политического состава.

23-м кавалерийским полком командовал Леонид Николаевич Сакович. Это был безукоризненно честный и дисциплинированный человек, верный сын нашей Коммунистической партии и мужественный воин. Л. Н. Сакович погиб 27 мая 1942 года в Харьковской операции, командуя 28-й кавалерийской дивизией.

4-м механизированным полком командовал Василий Васильевич Новиков. В период Великой Отечественной войны В. В. Новиков командовал мехкорпусом и не раз был отмечен в приказах Верховного Главнокомандующего. В. В. Новиков, ветеран Конармии, долгое время работал начальником оперативного отдела 4-й кавалерийской дивизии. Комиссаром полка был замечательный большевик Артем Сергеевич Зинченко, старейший конармеец, дравшийся под знаменем Первой Конной армии с первых дней ее создания. В Отечественную войну Артем Сергеевич работал комиссаром ряда крупных фронтовых госпиталей.

В рядах 4-го мехполка выросли многие отличные командиры и политработники, занимавшие потом ответственные должности в Генеральном штабе, центральных управлениях Министерства обороны и в войсках. В прошлом рабочие или крестьянские парни, они стали крупными военными специалистами, старшими офицерами и генералами.

Поскольку механизированные части, особенно корпуса, сыграли выдающуюся роль в годы Великой Отечественной войны, а накануне войны с формированием мехкорпусов были связаны известные трудности, мне хотелось бы в двух словах коснуться истории возникновения мехкорпусов, подчеркнув приоритет нашей армии в этом деле.

В 1929 году Реввоенсовет СССР (по докладу В. К. Триандафиллова) утверждает постановление, в котором говорится:

«Принимая во внимание, что новый род оружия, каким являются бронесилы, недостаточно изучен как в смысле тактического его применения (для самостоятельного и совместно с пехотой и конницей), так и в смысле наиболее выгодных организационных форм, признать

необходимым организовать в 1929—1930 гг. постоянную опытную механизированную часть».

Во исполнение постановления в тот же год был сформирован опытный механизированный полк. Этот полк уже в 1929 году принимает участие во всеармейских учениях в нашем Белорусском военном округе. Учениями руководили К. Е. Ворошилов, Б. М. Шапошников и В. К. Триандафиллов.

В 1930 году полк разворачивается в механизированную бригаду, которая сразу же отрабатывается в окружных учениях. В 1932 году создаются первые в мире механизированные корпуса, каждый из которых включает в себя две механизированные, одну стрелково-пулеметную бригаду и отдельный зенитно-артиллерийский дивизион. В корпус входило более 500 танков и более 200 броневых автомобилей. К началу 1936 года было создано уже 4 механизированных корпуса, 6 отдельных механизированных бригад и столько же отдельных танковых полков, 15 мехполков кавдивизий, более 80 танковых батальонов и рот в стрелковых дивизиях.

Создание и практическое опробование наших первых механизированных соединений послужили хорошей базой для дальнейшего развития теории широкого применения механизированных войск.

Проверку 4-го мехполка мы начали с подъема людей по боевой тревоге. Этого, конечно, не ожидало командование, ибо полк только что закончил переброску последних эшелонов из Ленинградского военного округа. Пришлось для первого знакомства подчеркнуть командирам подразделений, что главное для механизированного полка — это умение быстро развернуться, отлично знать материально-техническую часть и владеть особым искусством стрельбы из бронетанкового оружия. Конечно, как и следовало ожидать, боевая тревога, проведенная дождливой ночью, выявила много недостатков, особенно в вождении по незнакомой местности и стрельбе.

Изучая дела в частях, я успел тщательно познакомиться со штабом дивизии, командирами подразделений и политработниками.

В штабе и политотделе дивизии также было немало недостатков в практическом руководстве частями. В частности, плохо был налажен контроль за ходом боевой подготовки, отсутствовала должная требовательность в

исполнении приказов. Особенно отставало изучение, обобщение и распространение передового опыта боевой подготовки. Каждая часть «варилась в собственном соку», и бывали случаи, когда одна часть в результате больших усилий «открывала» новые, более совершенные методы того или иного вида обучения, тогда как другая часть уже давно ими пользовалась.

Как я уже сказал, штаб дивизии возглавлял Александр Иванович Вертоградский. Это был всесторонне грамотный в военном деле бывший офицер царской армии. Во главе политического отдела дивизии был очень способный политработник Н. А. Юнг. Вскоре он был выдвинут на должность заместителя командира по политчасти 3-го конного корпуса и уехал в Минск.

Подведя итоги и обсудив их с руководящим составом дивизии, мы решили для начала собрать партийный актив и поговорить с коммунистами о всех положительных и отрицательных сторонах жизни дивизии. Затем предполагалось собрать широкое совещание всего начальствующего состава, на которое решили пригласить старшин подразделений — роль их в организации всей внутренней службы была исключительно велика.

Партактив прошел очень хорошо. В выступлениях коммунистов чувствовалась нетерпимость к имеющимся недостаткам и давался решительный отпор тем, кто пытался оправдать плохую дисциплину и слабую подготовку объективными причинами.

После актива стало ясно, что общий упадок в состоянии дивизии наступил в результате недостаточной политической работы и боевой подготовки. Занятия были почти полностью приостановлены, поскольку все силы переключились на строительство. Следовательно, надо было немедленно организовать плановую боевую подготовку, развернуть в полном объеме партийно-политическую работу, а что касается строительства и хозяйственно-бытовых дел, то решать их в специально отведенные планом дни. Кроме того, мы надеялись добиться от командования округа значительно большей помощи, чем та, которую оно оказывало до сих пор.

Мнение партийного актива и предложения командования дивизии были очень хорошо приняты и поддержаны всем совещанием командно-политического состава.

В области боевой подготовки главные усилия предпо-

лагалось сосредоточить на методической подготовке всех звеньев командного состава. По тактической подготовке серию показательных занятий мы взяли на себя. Показательные занятия по огневой подготовке поручались 21-му полку, по конному делу — 19-му полку и персонально прекрасному знатоку конного дела Ф. Я. Костенко. По строевой и физической подготовке такие занятия взялся провести В. В. Крюков, 23-му полку было приказано подготовить и провести инструктивно-методические занятия по подготовке младшего командного состава, а 4-му конноартиллерийскому и 4-му механизированному полкам — занятия по взаимодействию артиллерии и танков с конницей в условиях наступательного боя.

Предстояла очень большая организационная и методическая работа, так как положительных результатов можно было ожидать только тогда, когда занятия будут проведены на самом высоком уровне и произведут впечатление на всех тех, кому они будут показаны.

Главные усилия в тактической подготовке мы сосредоточили на личной подготовке среднего и старшего звена командного состава. Я был убежден опытом, своей долголетней практикой в том, что только тактически грамотные командиры могут подготовить хорошую боевую часть в мирное время, а в войну вершить победные дела с наименьшими жертвами.

Должен вновь отметить, что меня лично всегда увлекала тактическая подготовка, как важнейшая отрасль всей боевой подготовки войск. Я усиленно занимался ею на протяжении всей своей долголетней военной службы, от солдата до министра обороны.

Большую часть учебного времени дивизия находилась в поле, детально изучая организацию и ведение боя в сложных условиях. Стремительные марш-броски в исходное положение, острые моменты в создавшейся обстановке шли на пользу начальствующему составу. Мы настойчиво добивались от командиров и политработников овладения искусством четкого управления частями в бою, без чего невозможно осуществить разгром противника в условиях большой динамичности современного боя.

Конница в то время была самым подвижным массовым родом наземных войск. Она предназначалась для быстрых обходов, охватов и ударов по флангам и тылам

врага. В условиях встречного боя от нее требовалась стремительность развертывания боевых порядков, быстрота в открытии огня по противнику, смелый бросок главных сил в исходный район для атаки и неотступное преследование отходящего врага.

Усиление конницы бронетанковыми средствами, наличие в конноартиллерийских полках гаубичной артиллерии уже позволяли не только с успехом ломать сопротивление противника, но и решать задачи наступательного боя и эффективной обороны.

Конечно, освоение новой техники, особенно ее использование в операциях, не всегда проходило гладко. Мешал недостаточно высокий общеобразовательный уровень многих красноармейцев и командиров, часто бывали аварии, технические неурядицы, не все понимали, как необходимы технические знания, не хватало технических кадров. Нужно было перестраивать старые рода войск, создавать новые войсковые соединения, переучивать пехотных и кавалерийских командиров на авиаторов и танкистов и в то же время поддерживать боевую готовность армии на случай агрессии. Параллельно шла организационная перестройка войск.

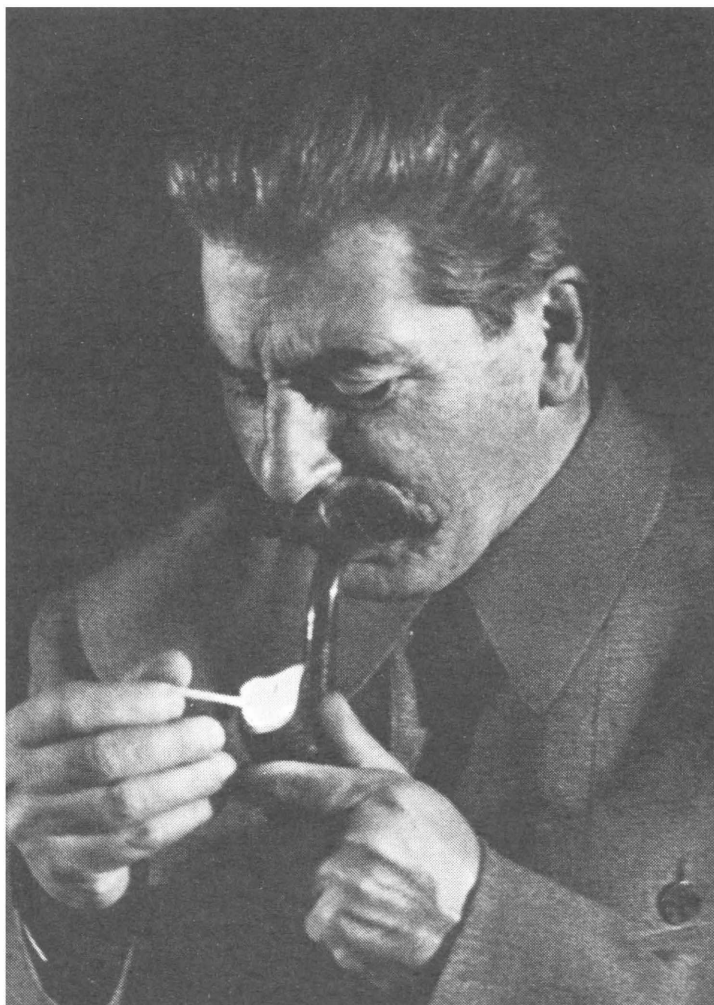
Тем не менее новая техника тянула к себе, привлекала новыми возможностями, возбуждала интерес в армейских массах. В печати, по радио, с помощью кино широко пропагандировались военно-технические знания. Под руководством партийных организаций красноармейцы и командиры с увлечением занимались в многочисленных военно-технических кружках (в армии и на флоте насчитывалось тогда около 5 тысяч военно-технических кружков, в одном только нашем округе в 1932 году в таких кружках и на курсах обучалось около 80 процентов личного состава), слушали лекции и доклады на военно-технические темы, участвовали в конкурсах и соревнованиях на лучшее знание техники и оружия.

Повсюду в частях можно было увидеть сооруженные армейскими комсомольцами щиты и фотовыставки, популяризовавшие технические знания, проводились летучие митинги и собрания о бережном отношении к технике, устраивались обсуждения военно-технических книг, организовывались смотры техники, массовая кампания за сдачу норм на отличного стрелка.

С помощью ЦК комсомола и различных доброволь-

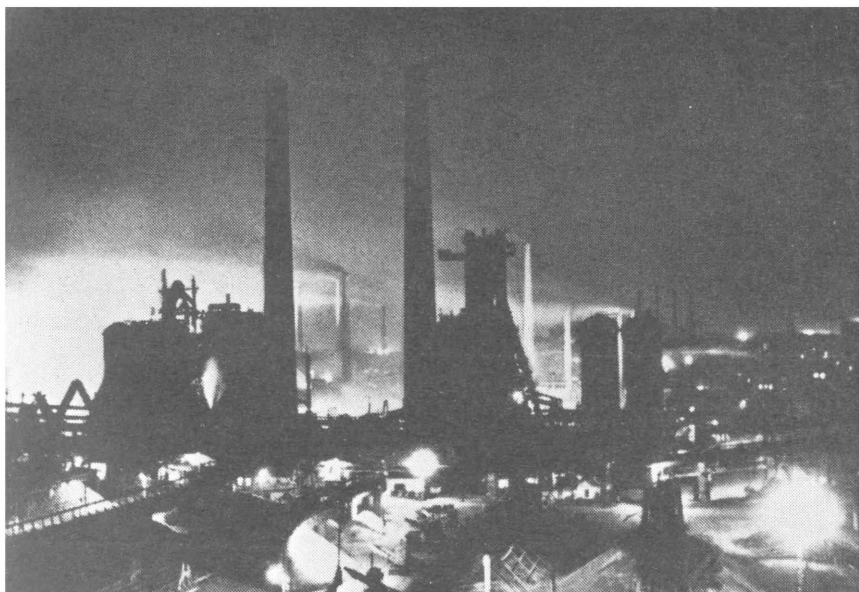
Парад на Красной площади.

И. В. Сталин

ПЕРВЫЕ ПЯТИЛЕТКИ

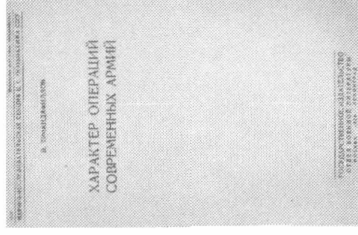
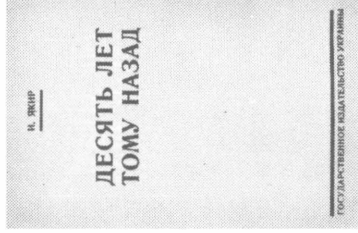
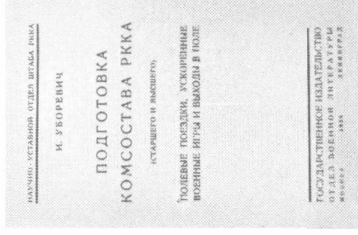
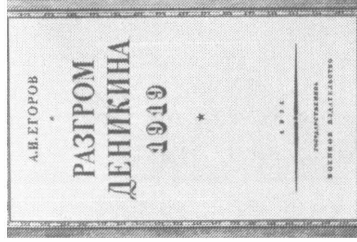
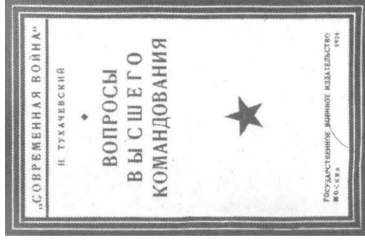
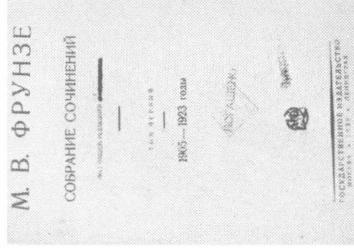

Кавалерийские курсы усовершенствования командного состава (ККУКС).

В первом ряду (справа налево):
 первый — И. Х. Баграмян,
 третий — А. И. Еременко,
 пятый — начальник курсов комкор
 М. А. Баторский;

во втором ряду (справа налево)
 первый — Г. К. Жуков,
 пятый — К. К. Рокоссовский.
 1924 — 1925 гг.

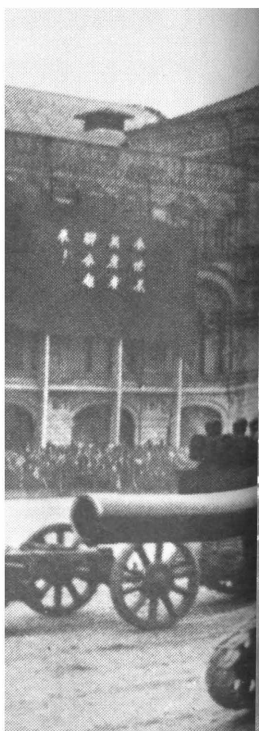

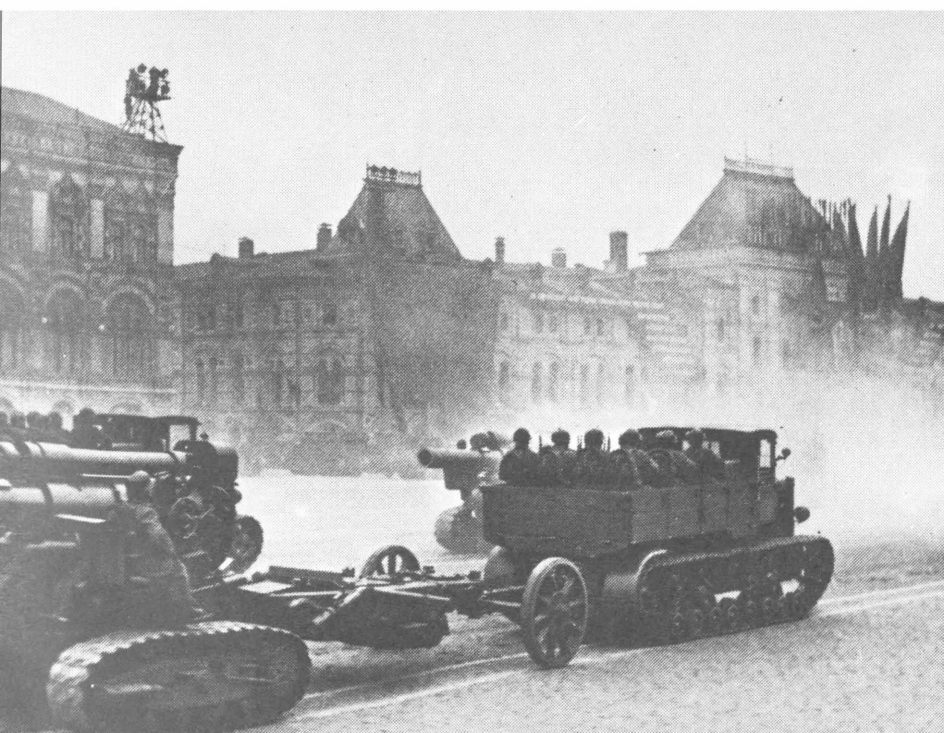
Труды советских военачальников
(20—30-е гг.),
которые внесли важный вклад
в развитие отечественной военной науки.

Советские военачальники
перед Мавзолеем В И Ленина

Народный комиссар
по военным и морским делам
М В Фрунзе на военном параде

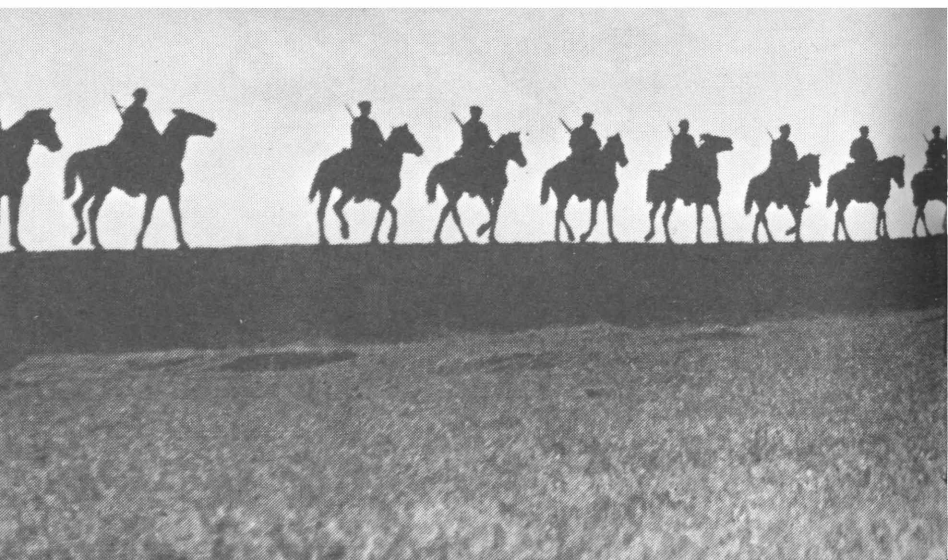
РОСЛА И КРЕПЛА МОЩЬ КРАСНОЙ АРМИИ.

Слева направо: А. И. Егоров, И. Э. Якир,
К. Е. Ворошилов, С. М. Буденный.

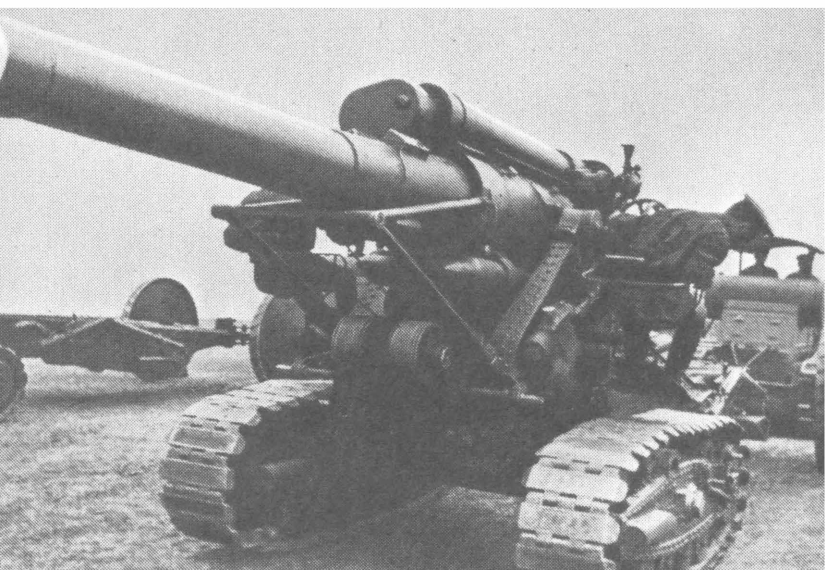
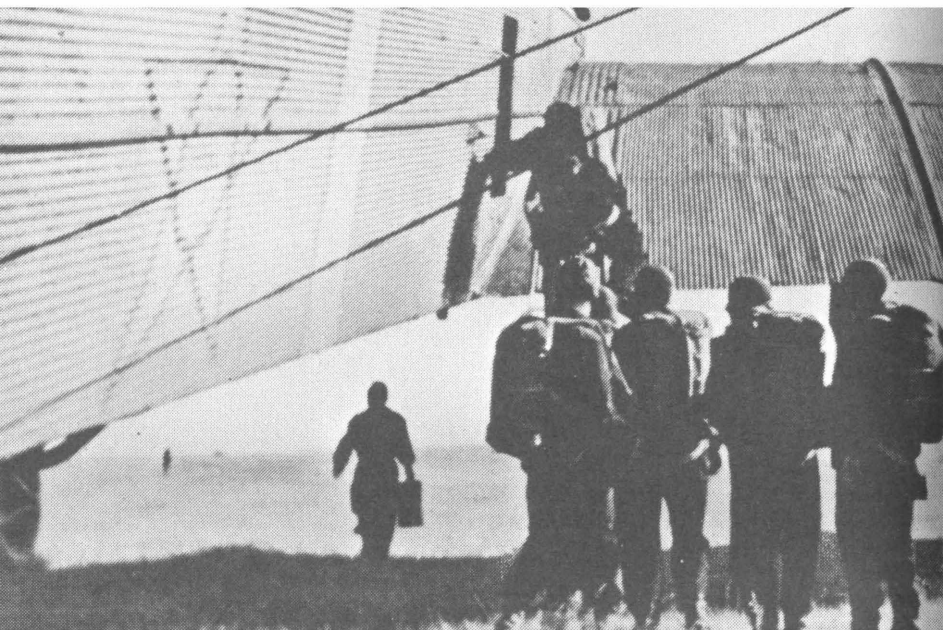
Учения. Боевая подготовка.

Справа налево:
заместитель командующего Белорусским военным округом
комдив Ф. И. Кузнецов,
командующий войсками Белорусского военного округа
М. П. Ковалев
и заместитель командующего округом по кавалерии Г. К. Жуков.
1939 г.

Армейские будни.

ХАЛХИН-ГОЛ 1939 г

На командном пункте 1-й армейской группы

Х. Чойбалсан
и командующий
1-й армейской группой
Г. К. Жуков.

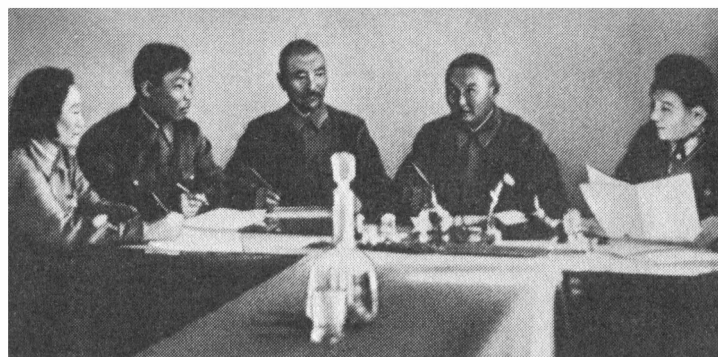

Командир 24-го мотополка
И. И. Федюнинский.

Советские летчики.
Второй справа — Герой Советского Союза Виктор Рахов.

С ПОБЕДОЙ!

1942 г. Президиум ЦК МНРП обсуждает вопрос
об оказании помощи братскому советскому народу.
Справа налево:
Ю. Цеденбал, Х. Чойбалсан,
Председатель Президиума Малого хурала Г. Бумцэнд,
секретари ЦК МНРП Ч. Сурэнжав
и С. Янжимаа (жена Сухэ-Батора)

ных оборонных обществ активно приобщалась к военной технике молодежь призывных возрастов. Так, в 1934—1935 годах более полутора миллионов юношей и девушек сдали нормы по изучению мотора, один миллион — по противовоздушной и химической обороне.

Одним словом, призыв партии «Овладеть техникой!» был главным в деятельности армейских партийных, профсоюзных, комсомольских организаций, командиров и политработников. При этом солдаты и командиры не только с успехом осваивали технику, но и сами старались ее улучшить. Только в нашем военном округе в 1933 году было реализовано более 4 тысяч предложений, способствовавших улучшению техники. Естественно, этот процесс всячески поощрялся.

Одной из главных задач в подготовке командного состава и штабов мы считали овладение искусством управления в условиях встречных, внезапных действий. Это требовало отказа от привычного управления посредством письменных приказов, телефонов и всего, что связано с прокладкой проволочных линий связи. Надо было решительно переходить на радиоуправление, на систему коротких боевых распоряжений — «управление с седла», как тогда любили говорить конники.

При тактическом обучении всех звеньев командного состава в дивизии и полках мы стремились выработать у наших командиров умение тщательно маскировать действия частей и подразделений, для того чтобы обеспечить внезапность нанесения ударов по противнику.

Я до сих пор не забыл одно интересное двустороннее учение, проведенное нами в 1933 году.

В качестве обороняющейся стороны действовал усиленный 21-й кавалерийский полк под командованием И. Н. Музыченко. Он был выведен в поле на двое суток раньше наступающего 20-го кавполка и в течение этого времени реально строил оборону на всю тактическую глубину. 20-й кавполк ничего не знал о предстоящем учении и о том, что 21-й кавполк находится где-то в поле и организует оборону. Он был поднят по тревоге.

В районе сосредоточения к 20-му кавполку присоединились средства усиления: танковый эскадрон и гаубичный конноартиллерийский дивизион. Здесь же командованию полка была объяснена тактическая обстановка, требовавшая немедленного выступления. Предстояло со-

вершить 46-километровый марш в качестве передового отряда дивизии с целью захвата плацдарма, на котором была построена оборона 21-го кавалерийского полка.

К исходу дня передовые подразделения 20-го кавполка вошли в соприкосновение с боевым охранением 21-го кавполка. Темнело. Не успев засветло произвести разведку обороны «противника», командир полка В. В. Крюков принял решение в течение ночи разведать «противника», а на рассвете атаковать его. Конечно, другого решения и быть не могло.

История показывает, что исход боя в конечном итоге зависит от того, насколько целеустремленно, организованно и внимательно командир и его штаб подготовят атаку. Во всей этой сложной работе первостепенное значение имеет разведка. Выяснив расположение противника, его силы и средства, а также характерные особенности той местности, где находится противник, можно точно определить способ его действий.

Из практики я знаю, как важно, чтобы разведка проводилась тщательно. Особенно это необходимо, если наступление на оборону противника проводится на рассвете, так как в течение ночи, под покровом темноты, он легко может изменить расположение своих боевых порядков. Такая разведка тем более необходима в тех случаях, когда приходится действовать против опытного врага.

Командир 20-го кавполка В. В. Крюков, конечно, теоретически знал это, но проявил непозволительную небрежность и не учел, что его «противник» тоже имел свою боевую задачу: не допустить прорыва подходящего «противника», а при благоприятных условиях разбить его.

Командир 21-го кавполка И. Н. Музыченко решил:

1) до наступления темноты огнем с переднего края при поддержке артиллерии отбить попытки «противника» прорвать оборону и не допустить вклинивания его в первую позицию;

2) под шум боя, соблюдая все меры маскировки, с наступлением темноты начать отвод боевых порядков полка на вторую оборонительную позицию, которая была заранее предусмотрена и соответственно подготовлена;

3) чтобы не дать «противнику» разгадать свой маневр,

снять боевые порядки, расположенные на первой траншее переднего края обороны полка, только перед самым рассветом, оставив для наблюдения за «противником» разведывательные дозоры.

С наступлением темноты командир 20-го кавполка выслал усиленную разведку к переднему краю обороны «противника». Встреченные огнем, разведчики закрепились перед проволокой и начали вести наблюдение. В течение ночи командир 20-го кавполка получал регулярные донесения о том, что «противник» находится по-прежнему в первой траншее и даже пытается захватить пленных. В. В. Крюков был убежден в том, что его «противник», закопавшись в землю, будет обороняться на занятых позициях.

На рассвете, после артиллерийской подготовки, предвкушая победу, командир полка просигналил ракетами начало атаки. Артиллерия усилила огонь, началась энергичная атака. Вот уже танки на больших скоростях с ходу прошли первую траншею, ворвались во вторую. Первая траншея занята! Но что это? Почему остановились танки?

— Товарищ комдив,—обращается командир 20-го кавполка к руководителю учения,—разрешите пройти вперед и лично установить, почему произошла остановка атакующих боевых порядков.

— Ну что ж, «свой глаз—алмаз», посмотрите, разберитесь.

У второй траншеи В. В. Крюкова встретил командир 2-го эскадрона Э. М. Буш.

— В чем дело? Почему остановились?

— Да вот, товарищ комполка, мы советуемся с командиром танкового эскадрона, что делать дальше.

— Как что? Громить «противника»!

— Да, но его здесь нет.

— Как нет?! Куда же он девался? Разведка доносила всю ночь, что «противник» занимает оборону.

— Разрешите доложить!—обратился к командиру полка посредник-танкист.—Вот здесь в траншее на палке висела эта бумажка, может быть, она кое-что раскроет?

Взяв в руки листок, командир полка прочел вслух: «Привет сальцам, ищите нас, как ветра в поле. На будущее советуем быть более бдительными!»

Надо было видеть растерянные лица всех окружаю-

щих и ту неловкость, которая создавалась в результате обманного маневра 21-го кавполка, заставившего атакующих расстрелять боевой комплект снарядов по пустому месту. А главное — куда же отошел «противник»?

— Это Иван Николаевич по злобе устроил тебе, Владимир Викторович, такую «кувырк-комедию», — иронически заметил старший посредник при 20-м кавполке Ф. Я. Костенко.

— Бывает и хуже, — размышлял вслух В. В. Крюков, то всматриваясь в карту, то оглядывая впереди лежащую местность. И как бы в подтверждение этих слов посредники обозначили взрывами удар артиллерии 21-го кавполка по остановившимся боевым порядкам 20-го кавполка.

Конфуз был полный.

На разборе учения во всех деталях были рассмотрены действия той и другой стороны и особенно проанализированы ошибки 20-го кавполка, допустившего в своих действиях непростительную пассивность в разведке «противника». Что касается действий 21-го кавполка, они были отмечены как образец для обучения обманным действиям.

Это учение надолго запомнилось участникам и потом повторялось в различных вариантах.

В подготовке и воспитании частей особое внимание уделялось умению определять цели и задачи в сложных условиях. Что для этого предпринималось?

Обычно замысел учения мною держался в строгом секрете. Обучаемый полк поднимался по тревоге, и ему указывался район, где надлежало сосредоточиться. В этом районе командованию вручалась тактическая обстановка и боевой приказ, требовавший совершить марш-маневр через труднопроходимые, заболоченные или лесные районы. Маршрут избирался такой, который требовал больших работ по расчистке и прокладке дорог, постройке из подручного материала гатей и переправ. При этом никаких инженерных средств усиления обычно не давалось, с тем чтобы научить командование всех степеней находить выход из тяжелого положения своими силами и местными средствами.

Такие учения в физическом отношении были чрезвычайно тяжелыми. Иногда люди буквально валились с ног, часто оставаясь без сна и нормального питания несколько суток подряд. Но какая радость охватывала бойцов и

командиров, когда их часть, выполнив труднейшую задачу, достигала поставленной цели! В другой раз, оказавшись в трудной обстановке, они уже не сомневались в возможности добиться своего. Командование, штабы и весь личный состав приобретали практические навыки с честью выходить из любого трудного положения.

Большую пользу в воспитании моральных качеств бойцов и командиров приносили товарищеские вечера, организованные политработниками после учений. Участники «сражений» делились своими впечатлениями, критиковали недостатки, по-товарищески высмеивали тех, кто пасовал перед препятствием или по своей беспечности и безразличию создавал дополнительные трудности.

Благодаря усилиям всего личного состава дивизии в 1935 году было завершено строительство: все части получили хорошие квартиры, учебно-материальную базу. Значительно улучшился и конский состав.

К этому времени были достигнуты неплохие результаты и во всех видах политической и боевой подготовки. Имелись высокие показатели по дисциплине, службе и общей организованности отдельных частей и подразделений.

1935 год ознаменовался для нас большими событиями. Во-первых, на инспекторских смотрах все части дивизии получили высокие оценки, в том числе и по самому трудному виду боевой подготовки конницы — по огневой подготовке. Во-вторых, дивизия была награждена за свои успехи в учебе и боевой подготовке высшей правительственной наградой — орденом Ленина.

Орденами был награжден ряд командиров, младших командиров и красноармейцев. Орденом Ленина был награжден и я. Все это взволновало меня до глубины души. Я крепко задумался над тем, что мы должны сделать, чтобы еще выше поднять боевую подготовку и общее состояние дивизии.

Тот год памятен для нас, военных, и еще одной мерой, принятой партией для повышения авторитета командных кадров, — введением персональных воинских званий. Первыми Маршалами Советского Союза стали В. К. Блюхер, С. М. Буденный, К. Е. Ворошилов, А. И. Егоров, М. Н. Тухачевский.

Большим событием был приезд в дивизию Семена Михайловича Буденного. Семен Михайлович тщательно

проверил боевую подготовку дивизии, особенно конную, строевую и тактическую. Все смотровые учения прошли блестяще и как бы еще раз подтвердили состояние высокой выучки личного состава.

Для вручения ордена Ленина дивизия была собрана в конном строю на одном из плацев города. Весь личный состав в приподнятом настроении, на флангах каждой части развевались боевые знамена, под которыми ветераны дивизии ходили в бой с белогвардейцами и белополяками.

В торжественной тишине после встречного марша и рапорта С. М. Буденный поднялся на трибуну. По его знаку подъезжаю с ассистентами, держа боевое знамя дивизии. С. М. Буденный прикрепляет к нему орден Ленина, и мы со знаменем скачем полевым галопом перед строем.

В многотысячном «ура», мощном артиллерийском салюте слышалась самая сердечная благодарность всего личного состава дивизии партии и правительству, отметившим высокой наградой успехи дивизии в учении и боевой подготовке в мирное время.

После объезда строя с кратким словом к дивизии обратился Семен Михайлович. Было заметно его волнение. Да и как же не волноваться! Это выпестованная им дивизия получила самую высокую награду. Надо сказать, что бойцы-конники с большим уважением относились к С. М. Буденному, особенно те, кто вместе с ним прошел тяжелый путь гражданской войны.

После С. М. Буденного, который произнес в наш адрес много хороших, теплых слов, выступил я и от имени всех бойцов просил Семена Михайловича передать Центральному Комитету партии, правительству, что 4-я дивизия, свято храня и умножая боевые традиции, всегда будет готова выполнить любой приказ Родины.

В заключение состоялось торжественное прохождение частей. После парада у командира дивизии был обед, на котором Семен Михайлович и старые конармейцы вспоминали эпизоды гражданской войны, походы и отважных героев, которым не довелось дожить до наших дней. И на этот раз лучшим рассказчиком был ветеран дивизии Василий Васильевич Новиков, командир 4-го механизированного полка. В его удивительной памяти сохранились даже самые мелкие детали из боевой жизни.

В последующие годы моего командования Семен Михайлович трижды посетил дивизию, и каждый его приезд был исключительно приятным для всего личного состава. Надо сказать, что С. М. Буденный умел разговаривать с бойцами и командирами. Конечно, занятий, учений или штабных игр с личным составом он сам не проводил. Но ему этого в вину никто не ставил.

Несколько раз посетил дивизию и командующий войсками Белорусского военного округа И. П. Уборевич. Это был настоящий советский военачальник, в совершенстве освоивший оперативно-тактическое искусство. В войсках он появлялся тогда, когда его меньше всего ждали. Каждый его приезд обычно начинался с подъема частей по боевой тревоге и завершался тактическими учениями или командирской учебой.

Первый раз И. П. Уборевич прибыл в дивизию еще в 1934 году. Поздоровавшись со мной, он сказал, что приехал посмотреть, как учится дивизия. Я ответил, что очень рад, хотя, откровенно говоря, все же волновался.

— Ну, вот вам четыре часа,—сказал И. П. Уборевич,—выведите 21-й кавалерийский полк в поле и покажите, чего достигла дивизия. Тема—по вашему усмотрению. Я буду ждать вашего адъютанта в штабе 4-й стрелковой дивизии.

— Мало времени для организации тактического учения,—попытался возразить я,—мы не успеем даже проинструктировать посредников и обозначить «противника».

— Да, времени немного,—согласился И. П. Уборевич,—но в боевой жизни все бывает.

Я понял, что возражения бесполезны, надо действовать.

Передав командиру 21-го кавполка И. Н. Музыченко по телефону пароли учебной тревоги и место исходного положения, продиктовал по карте короткое тактическое задание. Пока его печатали, начштадив и его помощник быстро заготовили карты-задания и лично повезли в 21-й кавполк для ознакомления командного состава. В назначенное время все было готово.

Ровно через 4 часа в поле на исходное положение прибыл И. П. Уборевич с посланным мною адъютантом.

Поздоровавшись с командиром 21-го кавполка, он приказал доложить обстановку и решение.

И. Н. Музыченко умело доложил И. П. Уборевичу свое решение. По улыбке командующего я понял, что начало учения ему понравилось.

— Ну что ж, по коням, — сказал он. — Посмотрим полк в действии.

Учение продолжалось 5 часов. За это время командующий сумел объехать все подразделения полка, действовавшего в условиях «передового отряда дивизии». Он проскакал более 80 километров и, видимо, устав, приказал дать отбой.

После моего разбора, который я сделал прямо с седла перед строем полка, И. П. Уборевич поблагодарил всех за учение, а затем, прощаясь с командованием дивизии, сказал:

— Обучаете части по-современному. Желаю успеха. Я не могу задержаться, спешу на госграницу, но буду у вас перед маневрами.

Все были довольны результатами учения и, честно говоря, тем, что командующий не имел времени дольше оставаться в дивизии.

В 1935 году 4-я кавалерийская дивизия была передана из 3-го кавалерийского корпуса в 6-й казачий корпус, командиром которого был назначен Е. И. Горячев. С апреля 1936 года 4-я кавалерийская дивизия была переименована в 4-ю Донскую казачью дивизию и для нее была установлена казачья форма.

Мне пришлось неоднократно участвовать в окружных маневрах. Но особо ценный оперативно-тактический опыт я получил, участвуя в больших окружных маневрах. Надо отдать должное И. П. Уборевичу, начальнику штаба округа Б. И. Боброву, начальнику отдела боевой подготовки округа Н. А. Шумовичу и всему окружному аппарату — они умели поучительно организовать маневры, мастерски провести розыгрыш действий сторон и разобрать итоги.

Особенно запомнились мне маневры 1936 года, и в частности форсирование реки Березины, той самой, на которой в 1812 году Наполеон погубил остатки своей армии, отступавшей из России.

Нам было известно, что на маневры прибыли нарком обороны К. Е. Ворошилов и другие военачальники. Естественно, что каждая часть, каждое соединение ожидали приезда К. Е. Ворошилова. Ну, а мы, командиры 4-й

казачьей дивизии, считали в порядке вещей, что нарком обязательно будет у нас. Но когда! Хотелось, чтобы это произошло в хорошую погоду, когда все мы будем выглядеть веселее, красочнее. К сожалению, как это чаще всего бывает осенью, зарядили дожди.

Закончив сосредоточение частей дивизии в районе переправы, хорошо замаскировав их в лесных массивах в 4—5 километрах от реки, мы вызвали на командный пункт командиров, чтобы дать им устное указание о тактическом взаимодействии с соседними частями после форсирования. Не успели еще развернуть карты, как к командному пункту подъехала вереница машин. Из первой машины вышли К. Е. Ворошилов, А. И. Егоров и И. П. Уборевич. Я представился наркому обороны и кратко доложил о том, что 4-я дивизия подготовилась к форсированию реки, а командиры частей собраны на местности для получения последних указаний.

— Хорошо,— сказал нарком,— слушаем ваши указания.

Климент Ефремович очень подробно интересовался техникой форсирования реки танками своим ходом при глубине, превышающей высоту танка БТ-5. После детального доклада командира механизированного полка нарком обратился к знакомым по Конной армии командирам и комиссарам частей.

— Как изменилась наша конница!— сказал он.— В гражданскую войну мы с Буденным на всю Конную армию имели несколько примитивных броневилов, а теперь в каждой кавалерийской дивизии — целый полк замечательных танков, способных своим ходом преодолевать сложные речные преграды. Ну, что ты, старый дружище, думаешь насчет танков,— обратился нарком к Федору Яковлевичу Костенко,— не подведут они нас? Может быть, конь вернее, а?

— Нет, Климент Ефремович,— ответил Ф. Я. Костенко.— Коня, шашку и пику мы пока не забываем— думается, рано еще хоронить конницу, она еще послужит Родине, но танкам мы уделяем серьезное внимание, это новый подвижной род войск.

— Ну, а как думает комиссар?— спросил нарком А. С. Зинченко, которого также знал по Первой Конной.

— Я считаю, что Федор Яковлевич прав,— ответил он и добавил:— Я был бы плохим, вернее, никуда не

годным комиссаром мехполка, если бы сомневался в большом будущем бронетанковой техники. Мое мнение: надо смелее разворачивать механизированные войска, особенно танковые соединения, которых у нас маловато.

— Ну что ж, Александр Ильич,— обратился к начгенштаба К. Е. Ворошилов,— не будем мешать командованию дивизии. Желаю всем вам удачи, мы еще увидимся и потолкуем.

Мы поняли, что нарком будет лично наблюдать форсирование реки, так как вся колонна машин направилась в район предстоящих действий нашей дивизии. После 30-минутной артиллерийской подготовки передовые отряды частей дивизии на широком фронте подошли к реке. Низко пролетевшее вдоль реки звено самолетов поставило дымовую завесу, удачно прикрыв от «противника» действия первого десантного эшелона. Когда дым начал рассеиваться, передовые подразделения уже зацепились за противоположный берег. Кое-где были слышны крики «ура», частая стрельба и пушечные выстрелы. А когда дым окончательно растаял, стало хорошо видно, как 15 танков мехполка, с ревом выбравшись на берег «противника» и стреляя на ходу, быстро подходили к подразделениям, наступавшим на захваченном плацдарме. Скоро вся дивизия была на другом берегу и, опрокинув «противника», успешно продвигалась вперед.

На разборе маневров нарком дал высокую оценку нашей дивизии, похвалив за хорошую организацию форсирования реки и новаторство танкистов, рискнувших своим ходом преодолеть такую глубокую реку, как Березина.

На полковых собраниях мы рассказали об этом солдатам, сержантам и командирам. Они долго не расходились по квартирам, продолжая с увлечением делиться впечатлениями о прошедших маневрах.

Утром следующего дня состоялся большой парад. Погода была чудесная, солнышко как-то особенно согревало наши сердца. Войска, участвовавшие в окружных маневрах, закончив построение, ждали команды «смирно», чтобы встретить наркома обороны.

Мне показалось, что командиры частей 4-й Донской казачьей дивизии волнуются больше других. Да нет, солдатские лица, лица командиров спокойны, уверены — все будет хорошо. Раздалась команда: «Смирно!»,

«Равнение направо!». К войскам приближался нарком обороны.

Короткий рапорт командующего округом И. П. Уборевича — и нарком направился к войскам. Обезд стрелковых войск окончен. Оркестр дивизии заиграл встречный марш. Полевым галопом на рыжем коне нарком подскочил к нашей дивизии. Первую остановку К. Е. Ворошилов делает около 19-го Манычского кавполка, в строю которого он не раз ходил в атаку на белогвардейские и белопольские части.

— Здравствуй, товарищи! — с какой-то особой теплотой произнес К. Е. Ворошилов, окинув взглядом бойцов.

После объезда 4-й дивизии нарком тем же аллюром поскакал в 6-ю Чонгарскую казачью дивизию. Эта дивизия не меньше прославилась в годы гражданской войны. Вместе с нашей она хорошо сражалась под знаменами Первой Конной армии.

Позже К. Е. Ворошилов, поднявшись на трибуну, произнес речь, в которой коротко сказал о политике и мероприятиях партии в деле строительства социализма, о международном положении, о необходимости крепить оборону нашей страны и поздравил войска с успешным завершением осенних маневров. Затем под мощные звуки оркестра двинулась пехота, отбивая шаг. После пехоты пошла конница.

Обычно конница на парадах шла рысью, но на этот раз мы уговорили командующего разрешить пройти манежным галопом. Но как-то так получилось, что манежный галоп при подходе к трибуне наркома перерос в полевой галоп, а когда подошла колонна пулеметных тачанок, то их аллюр усилился до карьера. Комкор С. К. Тимошенко начал беспокоиться, поглядывая в мою сторону, но я уже ничего не мог поделать. Тачанки летели, как стрелы, выпущенные из лука. Боялись мы лишь одного: как бы не соскочило колесо у какой-нибудь тачанки, что иногда бывало на парадах даже в Москве. Я посмотрел на наркома, и у меня отлегло от сердца. Он от души улыбался и приветливо махал рукой лихим пулеметчикам дивизии.

В последующие годы 4-я Донская казачья дивизия всегда участвовала в окружных маневрах. Она выходила на маневры хорошо подготовленной, и не было случая,

чтобы дивизия не получила благодарности высшего командования.

Хочется вспомнить одно из предманевренных учений, которое было проведено в районе города Слуцка под руководством И. П. Уборевича и его заместителя С. К. Тимошенко.

Тема учения была «Встречный бой стрелковой дивизии с кавалерийской дивизией».

В ту пору стрелковая дивизия была уже хорошо оснащенным боевым соединением. Если десять лет назад при штатной численности 12 800 человек стрелковая дивизия имела 54 орудия, 189 станковых и 81 ручной пулемет и была совсем без танков и зенитных средств, то стрелковая дивизия 1935 года примерно при той же численности имела уже 57 танков, до сотни орудий, 180 станковых, более 350 ручных и 18 зенитных пулеметов.

Учение началось ранним сентябрьским утром. Стояла хорошая погода. Осенняя свежесть бодрила бойцов, все были в приподнятом настроении. С тактическим заданием личный состав ознакомился еще с вечера, а в течение ночи части дивизии готовились к выступлению. На первом этапе предстояло захватить и преодолеть узкое дефиле.

Этот маневр имел важное значение, особенно для передовых частей, так как за болотистым массивом находился тактически важный рубеж высот, с которых открывался хороший обзор местности. Сама местность обеспечивала рассредоточение дивизии на широком фронте, что всегда немаловажно в условиях встречных сражений. В качестве передового отряда кавдивизии нами было решено назначить часть сил 4-го механизированного полка, состоящую из легких танков, бронемашин, моторизованной пехоты и артиллерии. Благодаря своей подвижности такой отряд обеспечивал быстрый захват и преодоление дефила и последовательный выход на важнейшие рубежи, не говоря уже о том, что нам было необходимо быстрее войти в соприкосновение с «противником».

По кратчайшим расстояниям, в стороны от направления движения, там, где был плохой обзор местности, выехали кавалерийские отдельные разъезды. Как только получили радиосигнал от передового отряда о прохождении дефила и выходе передовых подразделений на первый рубеж, мы дали радиосигналы главным силам: немедленно начать поэшелонное передвижение через дефи-

ле с целью выхода в исходные районы для захвата основного рубежа.

Через два часа все главные силы, преодолев болотистое пространство, вышли на свои направления. Штаб дивизии и командование к этому времени находились в центре этих сил. Из донесений передового отряда и его разведорганов стало известно, что навстречу нашей дивизии двинулась по основному направлению колонна в составе двух полков с артиллерией, отдельной колонной — один стрелковый полк, усиленный артиллерией. Разведывательные органы «противника» находятся впереди авангардов на удалении 6—8 километров. А судя по тому, что и разведывательная авиация не летала, мы были уверены: «противник» пока еще не обнаружил нашу группировку на марше.

Как всегда неожиданно, к штабу подъехал командарм 1 ранга И. П. Уборевич в сопровождении С. К. Тимошенко.

— Что вам известно о «противнике»? Где части вверенной вам дивизии?— спросил он.

Я показал на своей карте, где части «противника», где и в какой группировке находится вверенная мне дивизия, а также доложил свое решение. И. П. Уборевич попросил показать и отметить на его карте район, где я думаю атаковать «противника», и направление ударов полков.

— Это предварительное решение, если, конечно, не будет серьезных изменений обстановки,— сказал я.

По улыбке С. К. Тимошенко понял, что попал в точку. Это придало мне больше уверенности.

— Как будете доводить свой приказ до полков и где будете сами в период сближения и завязки боя?— спросил И. П. Уборевич.

Я ответил:

— В правую колонну 20-го кавполка, который имеет задачу сковать «противника», в составе стрелкового полка поедет начальник оперативного отдела Архипов. 19-й кавполк, усиленный дивизионом артиллерии и эскадронном танков, будет действовать против главных сил «противника» с фронта. Туда приказ передаст мой заместитель комбриг Н. М. Дрейер. Главным силам дивизии, которые должны обойти с фланга группировку «противника» и атаковать ее с тыла, приказ передам сам. Там же буду находиться до конца боя. Сейчас одновременно с

выездом в части моих делегатов будут переданы короткие приказы по радио.

— Желаю успеха,—сказал И. П. Уборевич и, вместе с С. К. Тимошенко в машину, уехал в сторону «противника».

Как мы и рассчитывали, 19-й и 20-й кавполки завязали с фронта жаркий бой с подошедшим «противником», что облегчило нашим главным силам ориентирование в обстановке.

Но каким беспечным оказался наш «противник»! При обходе его с фланга и при развертывании наших главных сил у него в тылу нас никто не обнаружил. Остановившись на одной из высот, мы видели: один стрелковый полк «противника», развернувшись фронтом на запад, ведет бой с нашим 19-м кавполком, который занял очень хороший огневой рубеж. Другой совершает обходное движение по пахоте, видимо, с целью выхода во фланг 19-го кавполка, который «противником» был принят за нашу главную группировку.

В это время из-за перелесков, развернувшись в боевые порядки, двинулись наши танки, за которыми следовали в предбоевых порядках главные силы дивизии. Открылся шквальный огонь танков и артиллерии. А затем послышалось громкое тысячеголосое «ура». Как это и бывает во встречном бою, что произошло дальше—понять было трудно.

Что же все-таки случилось? Какая сторона лучше маневрировала, быстрее развернулась и удачнее нанесла удар? Об этом мы узнали только на разборе, который состоялся тут же в поле. Разбор произвел лично командующий И. П. Уборевич.

Указав на ряд серьезных недостатков в действиях 4-й стрелковой дивизии, И. П. Уборевич сказал, что 4-я кавалерийская дивизия произвела на него хорошее впечатление.

Нам, кавалеристам, было приятно слышать похвалу командующего, но в то же время мы были искренне расстроены неудачей 4-й стрелковой дивизии, с которой находились в одном гарнизоне и очень дружили.

На маневрах командованию 4-й стрелковой дивизии вновь не повезло. В районе Тростянца (недалеко от Минска) в числе других дивизия опять попала в окружение. Но это еще полбеда, а главное было в том, что она

крайне неумело выходила из окружения. И на этот раз главным ее «противником», как и на учении в районе Слуцка, оказалась наша 4-я кавалерийская дивизия.

Выход из окружения — это, пожалуй, самый трудный и сложный вид боевых действий. Чтобы быстро прорвать фронт противника, от командования требуется высокое мастерство, большая сила воли, организованность и особенно четкое управление войсками.

Скрытная перегруппировка частей к участку прорыва, мощный огневой и авиационный налет, стремительный удар по боевым порядкам противника, лишение его артиллерийского наблюдения путем дымовых завес являются гарантией успешного прорыва и выхода частей из окружения. К сожалению, такие действия не смогло организовать командование дивизии.

Последний раз И. П. Уборевич проверял нашу дивизию в 1936 году.

Благодаря усилиям всего личного состава дивизия была в прекрасном состоянии. Ее политическая подготовка, дисциплина, общая организованность, постоянная боевая готовность оценивались только на «хорошо» и «отлично». Всегда скупой на похвалу И. П. Уборевич тепло благодарил личный состав и многих награждал ценными подарками.

В июне 1937 года командующим Белорусским военным округом был назначен командарм 1 ранга И. П. Белов, хорошо разбиравшийся в оперативных вопросах. Начальником штаба стал А. М. Перемытов, а членом Военного совета — армейский комиссар А. И. Мезис.

Однако, оглядываясь назад, я должен все же сказать, что лучшим командующим округом был командарм 1 ранга И. П. Уборевич. Никто из командующих не дал так много в оперативно-тактической подготовке командирам и штабам соединений, как И. П. Уборевич и штаб округа под его руководством.

Я проработал командиром дивизии более четырех лет, и все эти годы жил одной мыслью: сделать вверенную мне дивизию лучшей в рядах Красной Армии, самой передовой. В подготовку дивизии было вложено много сил, энергии и труда, чтобы вытянуть ее из прорыва, научить командирские кадры и штабы искусству современной тактики, организации и методам управления подразделениями, частями и дивизией.

Не берусь утверждать, что тогда нами было сделано все. Были ошибки, промахи и просчеты с нашей стороны, но со спокойной совестью могу сказать, что в подготовке дивизии командиры и политработники тогда большего дать не могли, а все, что имели, отдали сполна.

В целом жизнь армии в 1929—1936 годах была прежде всего связана с осуществлением ленинской программы построения социализма. На базе экономического подъема страны, успехов науки и техники армия, авиация и флот насыщались новым оружием, совершенствовалась организационная структура войск, развернулась техническая подготовка кадров. Благотворно сказывалось на патриотическом воспитании армии значительное укрепление социально-политического и идейного единства народа, связанное с победой социализма.

В этой и предыдущей главах я не случайно несколько раз останавливался на различных учениях и маневрах. Дело в том, что линия практического овладения армией новой техникой, всеми видами уже довольно сложных форм военного дела была в те годы господствующей.

Реввоенсовет СССР, центральный и окружной аппараты Наркомата обороны, высший, средний и младший комсоставы, политорганы, партийные и комсомольские организации, бойцы всех родов войск настойчиво и, я бы сказал, рьяно, с энтузиазмом решали задачи, поставленные ЦК ВКП(б) и наркомом обороны по овладению новой техникой и совершенствующейся в этой связи тактикой. Многие летчики прямо-таки блестяще освоили авиационное дело, в сухопутных войсках выросли тысячи отличников боевой и политической подготовки.

Конечно, не везде все шло одинаково хорошо. Боевая выучка личного состава войск в ряде случаев оказывалась недостаточной в сложных условиях, во многих частях хромало управление, штабы еще не научились быстро и четко организовывать взаимодействие в бою различных родов войск. Но в целом благодаря упорной работе с кадрами в течение последних лет удалось осуществить перелом в овладении командирами, штабами и войсками военным искусством.

В этом отношении были очень показательны осенние маневры 1936 года, проведенные в нашем Белорусском военном округе с целью проверки боевой подготовки войск. В маневрах принимали участие крупные соединения, насыщенные техникой. Командиры и войска в целом

продемонстрировали умение управлять боем во взаимодействии всех родов войск в условиях быстро меняющейся обстановки. Эти и многие другие учения и маневры свидетельствовали о растущей мощи Красной Армии, о том, что она превращается в первоклассную армию.

После назначения меня на должность командира 3-го конного корпуса дивизию принял командир 21-го кавполка И. Н. Музыченко.

С тех пор прошло 37 лет, но по сей день у меня сохранились самые лучшие воспоминания о командирах и бойцах 4-й Донской казачьей дивизии имени К. Е. Ворошилова.

3-й и 6-й конные корпуса Белорусского военного округа

Шел 1937 год. Двадцать лет существования Советской власти, двадцать лет тяжелой борьбы и славных побед, развитие экономики и культуры, успехи, достигнутые на всех участках строительства социализма, продемонстрировали величие идей Октябрьской революции.

Сделано было много, неслыханно много для такого короткого исторического срока. До начала индустриализации технический уровень нашей страны был в 4 раза ниже уровня Англии, в 5 раз ниже Германии, в 10 раз ниже США. За годы первой (1929—1932) и второй (1933—1937) пятилеток возникли многие новые отрасли промышленности, далеко вперед шагнула металлургия, химия, энергетика, машиностроение.

Валовая продукция всей промышленности СССР в 1937 году выросла по сравнению с 1929-м почти в 4 раза, а если сравнить 1913 год и год предвоенный, то по машиностроению и металлообработке выпуск валовой продукции увеличился в 35 раз. За годы довоенных пятилеток было построено около 9 тысяч крупных промышленных предприятий, создана новая мощная индустриальная база на востоке страны, которая так пригодилась нам в годы Великой Отечественной войны. В целом СССР по объему промышленного производства, по техническому оснащению вновь построенных предприятий вышел на первое место в Европе и на второе в мире.

Когда сегодня говоришь на подобные темы с молодыми людьми, незаметно, чтобы эти цифры и данные их особенно волновали. Может быть, в какой-то степени это и естественно: и время другое, и масштабы новые, заботы, интересы иные. Многое уже сделано, принято готовым, первые ступени лестницы, по которой мы поднима-

лись, уже не видны. Но для тех, кому сегодня за 50, а тем более для нас, захвативших и дореволюционные годы, в этих цифрах заложено многое. Мы их изучали, знали наизусть, гордились ими. Вероятно, прежде всего потому, что в них была наша жизнь, был вложен наш труд, порою граничивший с самоотречением, всегда сопровождавшийся убежденностью, что от твоих усилий зависит всеобщее благо...

Я далек от стремления читать мораль, сетовать на нынешнюю молодежь, хотя бы потому, что это сегодня слишком уж модно. Хочу лишь сказать одно: пусть, за давностью времен, уже не сердцем, как мы, а только разумом молодое поколение поймет, что темпы довоенного развития были одним из ярких свидетельств прогрессивности нашего строя, что к этим временам еще много раз будут возвращаться историки, социологи, философы, публицисты, с тем чтобы описать и изучить секреты, пружины столь стремительного движения вперед новой общественной формации.

Итак, мощная база обороны страны была создана. Как же выглядела наша армия после технической реконструкции, проведенной в предвоенные пятилетки?

В целом она превратилась в передовую, современную армию. По соотношению видов и родов войск, по своей организационной структуре и техническому оснащению она достигла уровня армий развитых капиталистических стран.

Были построены десятки и сотни оборонных предприятий. Мы помним, что после гражданской войны страна не имела специальных заводов, производивших танки, самолеты, авиационные двигатели, мощные артиллерийские системы, средства радиосвязи и другие виды современной боевой техники и вооружения. Почти во всем приходилось начинать на пустом месте. В связи со сложностью международной обстановки, растущей возможностью агрессии со стороны империалистических государств партия намечает на годы первой и второй пятилеток более высокие темпы развития оборонной индустрии, чем всех других отраслей промышленности.

Перед учеными, инженерами, изобретателями поставлена задача — создать такие образцы военной техники и оружия, которые не только не уступали бы иностранным, но и смогли бы превзойти их по боевым качествам.

Практически по каждому виду вооруженных сил и роду войск создаются крупные военно-конструкторские бюро, лаборатории и научно-исследовательские институты. Родились десятки талантливых конструкторских коллективов, горячо взявшихся за дело.

Основным направлением развития стрелкового оружия было упрощение его устройства, облегчение веса и увеличение скорострельности. Знаменитая русская трехлинейная винтовка, созданная капитаном русской армии Мосиным, была модернизирована. В серийное производство поступили автоматическая винтовка С. Г. Симонова (образца 1936 года), карабин (образца 1938 года), ручной пулемет В. А. Дегтярева и созданные на его основе танковые, зенитные и авиационные пулеметы.

В 1938 году на вооружение принимается первый отечественный крупнокалиберный пулемет Дегтярева—Шпагина, который отличался своими боевыми качествами. В 1939 году армия получает новый станковый пулемет системы В. А. Дегтярева. Хорошо приняла армия пистолеты-пулеметы под пистолетный патрон В. А. Дегтярева (ППД) и особенно новые образцы конструкции Г. С. Шпагина (ППШ). С 1930—1931 по 1938 год выпуск винтовок и карабинов возрос со 174 тысяч до 1175 тысяч, пулеметов — примерно с 41 тысячи до 77 тысяч. По насыщенности ручными и станковыми пулеметами, а также по количеству пуль, выпускаемых в одну минуту на одного бойца, Красная Армия к концу второй пятилетки превосходила капиталистические армии того времени¹.

Быстро возрастал выпуск танков. За первую пятилетку было произведено 5 тысяч, к концу второй армия располагает уже 15 тысячами танков и танкеток. Все эти машины отличались высокой огневой мощностью, быстротходностью. В то время равных им по этим качествам одготипных машин у наших возможных противников не было. Конечно, эти машины были еще недостаточно маневренны и легко уязвимы для артиллерийского огня, они очень часто выходили из строя. Работали танки на бензине и, следовательно, были легковоспламенимы и имели недостаточно прочную броню.

---

¹ Архив МО СССР, ф. 7, оп. 21 536, д. 75, лл. 54—55; ф. 1, оп. 1762, д. 66, лл. 192—199.

Ежегодный выпуск танков с 740 в 1930 — 1931 годах достиг в 1938 году 2271.

Увлечение танками в какой-то мере привело к недооценке артиллерии. Некоторые военные деятели даже думали свести пушечную артиллерию к универсальным и полууниверсальным пушкам. ЦК ВКП(б) обратил внимание на ошибочность этой тенденции, наметил правильное соотношение между пушечной и гаубичной артиллерией. С конца 1937 года несколько крупных машиностроительных заводов переводятся на производство новой артиллерийской техники, а мощности действующих заводов значительно увеличиваются. В 1930 — 1931 годах выпускалось ежегодно 2 тысячи орудий, в 1938 году — уже более 12 с половиной тысяч. В 1937 году создается 152-мм гаубица-пушка и совершенствуется 122-мм пушка, в 1938 году появляется 122-мм гаубица.

Все это тоже было неплохое оружие. Например, 45-мм противотанковая пушка образца 1937 года могла пробивать броню машин всех типов, стоявших в то время на вооружении капиталистических государств.

К началу 1939 года количество орудий в армии с 17 тысяч (1934 год) увеличилось почти до 56 тысяч. Правда, некоторые устаревшие артиллерийские системы слишком долго оставались на вооружении, ряд задач в оснащении армии артиллерией решить тогда не удалось.

В годы второй пятилетки стрелковые войска получили минометы калибра 50 миллиметров. Задолго до войны очень способным конструктором Б. И. Шавыриным были созданы минометы калибра 82 и 120 миллиметров. Подлинное оснащение армии минометным оружием произошло позднее.

Техническая реконструкция преобразила наши Военно-Воздушные Силы. Авиационная промышленность освоила массовое производство различных отечественных типов самолетов. Военные летчики получили двухмоторные скоростные бомбардировщики СБ, тяжелый бомбардировщик ТБ-3, бомбардировщики дальнего действия, скоростные маневренные истребители И-15 и И-16.

Кто не помнит легендарных полетов М. Громова, В. Чкалова, В. Коккинаки? Они совершались на отечественных самолетах. В 1937 году наши летчики установили около 30 международных рекордов на дальность, высоту

и скорость полета. Стало быть, в те годы технический уровень советской авиации был не ниже зарубежного. К сожалению, экономические возможности не позволили тогда перейти к массовому производству этих замечательных образцов. Хотя авиационная промышленность, отвечавшая требованиям времени, в 1938 году выпустила почти 5 с половиной тысяч самолетов против 860 в 1930 году.

Успехи социалистической индустриализации позволили значительно повысить технический уровень и боеспособность Военно-Морского Флота. С 1929 по 1937 год было построено 500 новых боевых и вспомогательных кораблей различных классов. По инициативе ЦК партии в 1932 году создается Тихоокеанский флот, в 1933 году — Северная военная флотилия; укреплялись Каспийская, Амурская, Днепровская флотилии. Разворачивается строительство крупных судов для океанского флота, серийное производство подводных лодок типа К, Л, Щ, С и торпедных катеров, эсминцев, легких крейсеров типа «Киров» и тяжелых — типа «Чапаев», создаются батареи береговой артиллерии, укрепляется морская авиация. В самом конце 1937 года образуется Народный комиссариат судостроительной промышленности, разрабатывается план строительства большого флота на новую пятилетку.

Вслед за техническим перевооружением армии и флота естественным и логичным был переход от смешанной территориально-кадровой системы к единому кадровому принципу строительства наших вооруженных сил. Ведь новая военная техника коренным образом изменила способы ведения войны, поставила своеобразные и сложные задачи в боевом использовании видов и родов войск и их взаимодействии в сражениях. Тут уж кратковременные сборы были недостаточны, требовалось более продолжительное время, последовательное и систематическое военное обучение. Экономические возможности страны (ведь содержание кадровой армии стоило значительно дороже) позволяли осуществить этот переход.

Политбюро ЦК ВКП(б) и правительство одобрили и утвердили предложения Реввоенсовета СССР о значительном увеличении числа кадровых дивизий и усилении кадрового ядра остающихся территориальных дивизий. Этот процесс сопровождался увеличением численности

Красной Армии. В 1933 году в ней было 885 тысяч человек, а к концу 1937 года — более полутора миллионов. Количество кадровых дивизий возросло в 10 раз, окончательный переход к кадровой системе комплектования и организации армии был завершен в 1939 году. К концу 1938 года были почти полностью переведены на кадровую систему стрелковые дивизии приграничных округов.

Переход на кадровый принцип комплектования войск совершался и по другой причине. Нам необходимо было находиться в постоянной высокой боевой готовности. Войска, комплектуемые по территориальному принципу, такой готовности обеспечить не могли. Основные империалистические государства начали разворачивать массовые кадровые армии, все больше средств бросая на подготовку к новой войне. Доля военных расходов в бюджете Японии за время с 1934 по 1938 год увеличивается с 43 до 70 процентов, Италии — с 20 до 52 процентов, Германии — почти в 3 раза, с 21 до 61 процента.

В 1935 году фашистская Италия захватила Абиссинию, в 1936 году Германия и Италия развернули интервенцию против республиканской Испании. Мы чувствовали, что начинались не просто битвы и сражения одних стран против других, а глобальная схватка сил реакции и фашизма с силами демократии и социализма.

Те, которым сегодня больше пятидесяти, хорошо помнят, как, выполняя свой интернациональный долг, мы помогали законному правительству и народу Испанской республики всем, чем могли, — вооружением, продовольствием, медикаментами. Охваченные романтическим, революционным порывом, в Испанию отправлялись добровольцами летчики, танкисты, артиллеристы, простые солдаты и видные военачальники.

Вообще для того времени был характерен большой внутренний подъем.

Если говорить о стране в целом, экономика, культура бурно развивались, жизнь заметно улучшалась, тысячи энтузиастов устанавливали трудовые рекорды.

В армии господствовало желание учиться, хорошо овладеть своим делом. Морально-политическим качествам войск можно было дать высшую оценку. Такой атмосфере способствовала огромная работа, проведенная пар-

тей с целью повышения общей культуры красноармейских масс, чрезвычайно развитая система обучения, изменение самого кадрового состава войск.

К 1937 году Красная Армия стала армией сплошной грамотности. Ее ряды пополнялись молодыми людьми, которые уже имели специальности трактористов, комбайнеров, шоферов и т. д. На культурно-просветительную работу отпускались огромные средства — больше 200 миллионов рублей в год. Книжный фонд армейских библиотек достиг почти 25 миллионов экземпляров, личный состав выписывал массу периодических изданий, значительно возросло количество Домов Красной Армии, радиоузлов, киноустановок, кинопередвижек, клубов. Армия активно участвовала в политической жизни страны.

В 75 военных училищах и школах обучалась молодежь, имевшая образование не ниже семи классов. Комсомол, который теперь стал шефом Военно-Воздушных Сил, дал авиации тысячи прекрасных молодых людей, из которых выросли замечательные летчики, командиры, политработники. Учебный процесс непрерывно совершенствовался, учебные планы насыщались теоретическими дисциплинами и практическими занятиями, связанными с умелым применением в бою новой техники. Особое внимание уделялось подготовке кадров для быстро растущих новых родов войск и видов вооруженных сил, по поводу чего ЦК партии обычно принимал специальные постановления. Расширялась высшая военная школа. К концу второй пятилетки существовало уже 13 военных академий, один военный институт и 5 военных факультетов при гражданских вузах.

Благотворные изменения произошли в классовом составе армии. Из старых военных специалистов остались лишь люди, проверенные жизнью, преданные Советской власти, а новые кадры специалистов состояли из рабочих и крестьян, прошедших школу гражданской войны или получивших техническое образование и политическое воспитание в военно-учебных заведениях. К 1937 году рабочие и крестьяне составляли более 70 процентов комсостава, более половины командиров были коммунисты и комсомольцы.

Одним словом, дела шли хорошо. Правда, Советский Союз строил новый мир пока почти один, находился во враждебном, капиталистическом окружении, иностран-

ные разведки не жалели сил и средств, чтобы помешать нашему народу. Но страна и армия быстро крепили год от года, пути экономического и политического развития были ясны, всеми приняты и одобрены, в массах господствовал трудовой энтузиазм.

Тем более противоестественными, совершенно не отвечающими ни существу строя, ни конкретной обстановке в стране, сложившейся к 1937 году, явились необоснованные, в нарушение социалистической законности, массовые аресты, имевшие место в армии в тот год.

Были арестованы видные военные, что, естественно, не могло не сказаться на развитии наших вооруженных сил и на их боеспособности.

В 1937 году приказом наркома обороны я был назначен командиром 3-го кавалерийского корпуса Белорусского военного округа. Но вскоре в связи с назначением командира 6-го казачьего корпуса Е. И. Горячева заместителем командующего войсками Киевского особого военного округа мне была предложена должность командира этого корпуса. Я охотно принял предложение. 6-й корпус по своей подготовке и общему состоянию стоял выше 3-го корпуса, а самое главное — в его состав входила 4-я Донская казачья дивизия. Я командовал ею более четырех лет и, вполне естественно, питал к ней особую привязанность.

Командиром 3-го кавалерийского корпуса вместо меня был назначен старый и опытный военачальник из конармейцев Я. Т. Черевиченко.

В 6-м кавалерийском корпусе мне пришлось заняться большой оперативной работой. Больше всего отработывали вопросы боевого применения конницы в составе конно-механизированной армии. Тогда это были крупные, проблемные вопросы. Подобная конно-механизированная армия, состоявшая из 3—4 кавалерийских дивизий, 2—3 танковых бригад и моторизованной стрелковой дивизии, при тесном взаимодействии с бомбардировочной и истребительной авиацией, а в последующем и с авиадесантными частями была в состоянии решать крупнейшие оперативные задачи в составе фронта, способствуя успешному осуществлению стратегических замыслов.

Было очевидно, что будущее в значительной степени принадлежит танкам и механизированным соединениям, а потому мы детально овладевали вопросами взаимо-

действия с танковыми войсками и организацией противотанковой обороны как в бою, так и в операциях.

Практически на полевых учениях и маневрах и в 3-м и в 6-м корпусах мне пришлось действовать с 21-й отдельной танковой бригадой (комбриг М. И. Потапов) или с 3-й отдельной танковой бригадой (комбриг В. В. Новиков). Оба эти командира в прошлом были моими сослуживцами, и мы понимали друг друга в «боевой» обстановке с полуслова.

6-й кавалерийский корпус по своей боеготовности был много лучше других частей. Кроме 4-й Донской дивизии, выделялась 6-я Чонгарская Кубано-Терская казачья дивизия, которая была отлично подготовлена, особенно в области тактики, конного и огневого дела. Надо отдать должное бывшему ее командиру Л. Я. Вайнеру, положившему много сил и энергии для того, чтобы поднять дивизию до высокого уровня боевой готовности. Из таких вот боеспособных дивизий и состояло ядро Первой Конной армии.

Несколько слабее выглядела 29-я кавалерийская дивизия, расквартированная в городе Осиповичи, которой командовал комбриг К. В. Павловский, человек по своему характеру и темпераменту некавалерийского склада. Он, кстати, уступал другим командирам и в общей подготовке.

Осенью 1937 года в Белорусском военном округе были проведены окружные маневры, на которых в качестве гостей присутствовали генералы и офицеры немецкого генерального штаба. За маневрами наблюдали нарком обороны К. Е. Ворошилов и начальник Генерального штаба Б. М. Шапошников.

В войска округа приходили новые люди, имевшие еще недостаточный объем знаний и командный опыт. Им предстояло проделать большую работу над собой, чтобы стать достойными военачальниками, умелыми воспитателями войск.

Не могу не вспомнить командира стрелкового корпуса И. С. Кутякова, с которым меня связывала давняя дружба. Знал я Ивана Семеновича более двадцати лет и всегда восхищался им и как командиром, и как сильным и волевым человеком. И. С. Кутяков — солдат царской армии. В своем полку он пользовался большим авторитетом и в первые дни революции был выбран солдатами

командиром полка. Это большая честь — быть избранным солдат-фронтовиков. Для этого надо было отличаться большими достоинствами: всегда и во всем быть примером для своих товарищей, иметь ясную голову, отзывчивое сердце, хорошо знать и любить людей, понимать их думы и чаяния.

В годы гражданской войны И. С. Кутяков командовал стрелковой бригадой 25-й Чапаевской дивизии. После гибели Василия Ивановича Чапаева И. С. Кутяков был назначен вместо него командиром дивизии. За успешное командование частями в боях с белогвардейщиной он был награжден тремя орденами Красного Знамени и орденом Красного Знамени Хорезмской республики, а также почетным оружием. В 1937 году И. С. Кутяков был выдвинут заместителем командующего войсками Приволжского военного округа.

Будучи командиром 6-го корпуса, я усиленно работал над оперативно-стратегическими вопросами, так как считал, что не достиг еще многого в этой области. Ясно отдавал себе отчет в том, что современному командиру корпуса нужно знать очень много, и упорно трудился над освоением военных наук.

Читая исторические материалы о прошлых войнах, классические труды по военному искусству и различную мемуарную литературу, я старался делать выводы о характере современной войны, современных операций и сражений. Особенно много мне дала личная разработка оперативно-тактических заданий на проведение дивизионных и корпусных командных игр, командно-штабных учений, учений с войсками и т. п.

После каждого такого учения я чувствовал, что все больше набираюсь знаний и опыта, а это было совершенно необходимо не только для моего собственного роста, но и для молодых кадров, которые мне были вверены. Приятно было, когда занятие или учение с частью, штабом или группой офицеров приносило ощутимую пользу его участникам. Я считал это самой большой наградой за труд. Если на занятии никто не получил ничего нового и не почерпнул знаний из личного багажа старшего начальника, то такое занятие, на мой взгляд, является прямым укором совести командира и подчеркивает его неполноценность. А что греха таить, командиров, стоявших по

знаниям не выше своих подчиненных, у нас тогда было немало.

Если военные вопросы я изучал досконально и последовательно, шаг за шагом, как теоретически, так и практически, то в изучении марксистско-ленинской теории мне, к сожалению, не пришлось получить систематизированные знания.

Так получалось тогда не только со мной, но и со многими командирами. Правда, партия делала все возможное, чтобы поднять идеологический уровень строевого командного состава Красной Армии. Во всех вузах программа марксистско-ленинских наук была довольно насыщенной, но, вероятно, от нас требовалось гораздо больше усилий в этом направлении. Не многим посчастливилось в свое время пройти курсы при Военно-политической академии имени Толмачева.

Командуя корпусом, я понимал необходимость серьезного изучения партийно-политических вопросов, и мне часто приходилось просиживать ночи за чтением произведений классиков марксизма-ленинизма. Надо сказать, что они давались мне нелегко, особенно «Капитал» К. Маркса и философские работы В. И. Ленина. Но упорная работа помогла добиться результатов. Впоследствии я был доволен, что не отступил перед трудностями, что хватило, как говорится, духу продолжать учебу. Это помогло мне ориентироваться в вопросах организации наших вооруженных сил, внутренней и внешней политики партии.

Работая сам, я требовал и от своих подчиненных постоянного изучения ленинской стратегии и тактики, без чего нельзя успешно возглавлять войска, обучать и воспитывать их, а когда придется, вести в бой за Родину.

В 1938 году И. П. Белов и А. М. Перемытов были отозваны в Москву. На должность командующего Белорусским военным округом был назначен М. П. Ковалев. Михаила Прокофьевича Ковалева я знал по гражданской войне. Его назначили командующим войсками округа в порядке выдвижения, кажется, с должности заместителя командующего войсками округа. Человек он был весьма душевный, в оперативно-стратегических вопросах разбирался неплохо, но сильнее чувствовал себя в вопросах тактики, которую теоретически и практически освоил очень хорошо.

Начальником штаба был назначен комкор М. А. Пуркаев; особенно хорошо он проявил себя в Отечественную войну.

В конце 1938 года мы, командиры всех соединений округа, были вызваны на совещание, где обсуждались итоги и задачи боевой подготовки войск.

Выступали командующий войсками округа М. П. Ковалев и член Военного совета И. З. Сусайков. Выступление М. П. Ковалева было встречено хорошо. Он говорил со знанием дела, но всем было ясно, что Ковалев — это не Уборевич. Чувствовалось, что ему нужно очень много работать, чтобы стать полноценным командующим войсками такого большого округа, каким был тогда Белорусский военный округ.

Совещание закончилось общими указаниями Военного совета. Это было совсем не так, как прежде, при И. П. Уборевиче, когда всякие совещания сопровождались показом новой техники, проведением опытно-показных сухопутных и военно-воздушных учений, оперативных игр и т. п.

В 1938 году боевая подготовка войск у нас проходила в основном нормально, и к концу года части 6-го кавалерийского корпуса пришли с хорошими показателями.

В конце 1938 года мне предложили новую должность — заместителя командующего войсками Белорусского военного округа по кавалерии. Первым заместителем командующего в тот период был комкор Ф. И. Кузнецов. В самом начале войны он командовал Северо-Западным фронтом. Я назначался вместо И. Р. Апанасенко, переходившего заместителем командующего войсками Киевского военного округа.

В мирное время мои функции заключались в руководстве боевой подготовкой частей конницы округа и отдельных танковых бригад, предназначенных оперативным планом к совместным действиям с конницей. В случае войны я должен был вступить в командование конно-механизированной группой, состоящей из 4—5 дивизий конницы, 3—4 отдельных танковых бригад и других частей усиления.

Мне не хотелось уходить из корпуса, к которому успел привыкнуть. Но перспектива работать с большим оперативным объединением представлялась заманчивой, и я дал согласие на назначение. Вместо меня командиром 6-го казачьего корпуса был назначен А. И. Еременко.

Распрощавшись с командирами и политработниками дивизий и частей корпуса, я уехал в Смоленск, где в то время стоял штаб Белорусского военного округа, и очень тепло был встречен командующим войсками округа М. П. Ковалевым.

Работа в 3-м и 6-м кавалерийских корпусах дала мне много опыта и знаний, и я навсегда сохранил признательность тем, кто помогал мне в работе, кто честно трудился во имя великого дела обороны нашей страны.

Необъявленная война на Халхин-Голе

В конце мая 1939 года, будучи заместителем командующего войсками Белорусского военного округа, я со своими помощниками проводил в районе Минска полевою командно-штабную игру. В ней принимали участие командиры кавалерийских и некоторых танковых соединений округа, начальники и оперативные работники штабов.

Штабная игра была уже закончена, и 1 июня мы производили ее разбор в штабе 3-го кавалерийского корпуса в Минске. Неожиданно член Военного совета округа дивизионный комиссар И. З. Сусайков сообщил мне, что только что звонили из Москвы: приказано немедленно выехать и завтра явиться к наркому обороны.

С первым проходящим поездом я выехал в Москву, а утром 2 июня был уже в приемной К. Е. Ворошилова.

Встретивший меня состоявший по особым поручениям при наркOME Р. П. Хмельницкий сказал, что К. Е. Ворошилов уже ждет.

— Идите, а я сейчас прикажу подготовить вам чемодан для дальней поездки.

— Для какой дальней поездки?

— Идите к наркому, он вам скажет все, что нужно.

Войдя в кабинет, я отrapортовал наркому о прибытии. К. Е. Ворошилов, справившись о здоровье, сказал:

— Японские войска внезапно вторглись в пределы дружественной нам Монголии, которую Советское правительство договором от 12 марта 1936 года обязалось защищать от всякой внешней агрессии. Вот карта района вторжения с обстановкой на 30 мая.

Я подошел к карте.

— Вот здесь,—указал нарком,—длительное время проводились мелкие провокационные налеты на мон-

гольских пограничников, а вот здесь японские войска в составе группы войск Хайларского гарнизона вторглись на территорию МНР и напали на монгольские пограничные части, прикрывавшие участок местности восточнее реки Халхин-Гол.

— Думаю,— продолжал нарком,— что затеяна серьезная военная авантюра. Во всяком случае, на этом дело не кончится... Можете ли вы вылететь туда немедленно и, если потребуется, принять на себя командование войсками?

— Готов вылететь сию же минуту.

— Очень хорошо,— сказал нарком.— Самолет для вас будет подготовлен на Центральном аэродроме к 16 часам. Зайдите к Смородину, получите у него необходимые материалы и договоритесь о связи с Генштабом. К самолету прибудет в ваше распоряжение небольшая группа офицеров-специалистов. До свидания, желаю вам успеха!

Распрощавшись с наркомом, направился в Генеральный штаб к исполнявшему обязанности заместителя начальника Генерального штаба Ивану Васильевичу Смородину, которого знал прежде. У него на столе была разложена такая же карта, что и у наркома. Иван Васильевич сказал, что к обстановке, с которой меня познакомил нарком, он добавить ничего не может, поэтому договориться сейчас мы должны только о связи.

— Я вас прошу,— сказал И. В. Смородин,— как только прибудете на место, разберитесь, что там происходит, и откровенно доложите нам свое мнение.

На этом мы распрощались.

Скоро наш самолет был уже в воздухе и взял курс на Монголию. Последнюю остановку перед тем, как покинуть пределы страны, сделали в Чите. Нас пригласил к себе Военный совет округа для информации. В штабе встретили командующий округом В. Ф. Яковлев и член Военсовета Д. А. Гапанович. Они сообщили о последних событиях. Новым было то, что японская авиация проникает глубоко на территорию МНР и гоняется за нашими машинами, расстреливая их с воздуха.

К утру 5 июня мы прибыли в Тамцак-Булак, в штаб 57-го особого корпуса, где и встретились с командиром корпуса Н. В. Фекленко, полковым комиссаром М. С. Никишевым—комиссаром корпуса, комбригом А. М. Куцевым—начальником штаба и другими.

Докладывая обстановку, А. М. Кушев сразу же оговорился, что она еще недостаточно изучена.

Из доклада было ясно, что командование корпуса истинной обстановки не знает. Я спросил Н. В. Фекленко, как он считает, можно ли за 120 километров от поля боя управлять войсками.

— Сидим мы здесь, конечно, далековато, — ответил он, — но у нас район событий не подготовлен в оперативном отношении. Впереди нет ни одного километра телефонно-телеграфных линий, нет подготовленного командного пункта, посадочных площадок.

— А что делается для того, чтобы все это было?

— Думаем послать за лесоматериалами и приступить к оборудованию КП.

Оказалось, что никто из командования корпуса, кроме полкового комиссара М. С. Никишева, в районе событий не был. Я предложил комкору немедленно поехать на передовую и там тщательно разобраться в обстановке. Сославшись на то, что его могут в любую минуту вызвать к аппарату из Москвы, он предложил поехать со мной М. С. Никишеву.

В пути комиссар подробно рассказал о состоянии корпуса, его боеспособности, о штабе, об отдельных командирах и политических работниках. М. С. Никишев произвел на меня очень хорошее впечатление. Он знал свое дело, знал людей, их недостатки и достоинства.

Детальное ознакомление с местностью в районе событий, беседы с командирами и комиссарами частей наших войск и монгольской армии, а также со штабными работниками дали возможность яснее понять характер и масштаб развернувшихся событий и определить боеспособность противника. Были отмечены недостатки в действиях наших и монгольских войск. Одним из главных недочетов оказалось отсутствие тщательной разведки противника.

Все говорило о том, что это не пограничный конфликт, что японцы не отказались от своих агрессивных целей в отношении Советского Дальнего Востока и МНР и что надо ждать в ближайшее время действий более широкого масштаба.

Оценивая обстановку в целом, мы пришли к выводу, что теми силами, которыми располагал наш 57-й особый корпус в МНР, пресечь японскую военную авантюру будет невозможно, особенно если начнутся одновременно

активные действия в других районах и с других направлений.

Возвратившись на командный пункт и посоветовавшись с командованием корпуса, мы послали донесение наркому обороны. В нем кратко излагался план действий советско-монгольских войск: прочно удерживать плацдарм на правом берегу Халхин-Гола и одновременно подготовить контрудар из глубины. На следующий день был получен ответ. Нарком был полностью согласен с нашей оценкой обстановки и намеченными действиями. В этот же день был получен приказ наркома об освобождении комкора Н. В. Фекленко от командования 57-м особым корпусом и назначении меня командиром этого корпуса.

Понимая всю сложность обстановки, я обратился к наркому обороны с просьбой усилить наши авиационные части, а также выдвинуть к району боевых действий не менее трех стрелковых дивизий и одной танковой бригады и значительно укрепить артиллерию, без чего, по нашему мнению, нельзя было добиться победы.

Через день было получено сообщение Генштаба о том, что наши предложения приняты. К нам направлялась дополнительная авиация и, кроме того, группа летчиков в составе двадцати одного Героя Советского Союза во главе с прославленным Я. В. Смушкевичем, которого я хорошо знал по Белорусскому военному округу. Одновременно мы получили улучшенную материальную часть авиации — модернизированные И-16 и «Чайку».

Летчики — Герои Советского Союза провели у нас большую учебно-воспитательную работу и передали свой боевой опыт молодым летчикам, прибывшим на пополнение. Результаты сказались в ближайшее же время.

22 июня 95 наших истребителей завязали над территорией МНР ожесточенный воздушный бой со 120 японскими самолетами. В этом воздушном сражении участвовали многие Герои Советского Союза, давшие предметный урок японским летчикам. 24 июня японская авиация вновь повторила свой массированный удар и вновь была крепко побита. Потерпев поражение, японское командование весьма неорганизованно выводило машины из боя.

26 июня до 60 самолетов появилось у озера Буир-Нур, в районе «Монголрыбы». Завязался жаркий, ожесточенный бой с нашими истребителями. По всем признакам в нем принимали участие уже более опытные японские

летчики, и все же они не смогли одержать победу. Как потом было установлено, японское командование бросило сюда лучшие силы своей авиации из всех частей, действовавших в Китае.

Всего в воздушных боях с 22 по 26 июня включительно противник потерял 64 самолета.

До 1 июля воздушные бои, хотя и с меньшей напряженностью, продолжались почти каждый день. В этих боях наши летчики совершенствовали мастерство и закаляя свою волю к победе.

Часто я вспоминаю с солдатской благодарностью замечательных летчиков С. И. Грицевца, Г. П. Кравченко, В. М. Забалуева, С. П. Денисова, В. Г. Рахова, В. Ф. Скобарихина, Л. А. Орлова, В. П. Кустова, Н. С. Герасимова и многих, многих других. Командир этой группы Я. В. Смушкевич был великолепный организатор, отлично знавший боевую летную технику и в совершенстве владевший летным мастерством. Он был исключительно скромный человек, прекрасный начальник и принципиальный коммунист. Его искренне любили все летчики.

Взросшая активность авиации противника не была случайной. Мы считали, что она явно преследовала цель нанести серьезное поражение нашей авиации и завоевать господство в воздухе в интересах предстоящей большой наступательной операции японских войск.

Действительно, как выяснилось позднее, японцы в течение июня сосредоточивали свои войска в районе Халхин-Гола и готовили их для проведения операции под названием «Второй период намонханского инцидента», вытекавшей из плана их военной агрессии. Ближайшей целью операции японских войск являлось:

- окружение и разгром всей группировки советских и монгольских войск, расположенных восточнее реки Халхин-Гол;

- переправа через реку Халхин-Гол и выход на западный берег реки с целью разгрома наших резервов;

- захват и расширение плацдарма западнее Халхин-Гола для обеспечения последующих действий.

Для проведения этой операции противник перебросил из района Хайлара войска, предназначенные для действий в составе развERTывавшейся 6-й армии.

Предстоящая наступательная операция, по расчетам японского командования, должна была завершиться в

первой половине июля, с тем чтобы до наступления осени можно было бы закончить все военные действия в пределах МНР. Японское командование было настолько уверено в своей победе, что даже пригласило в район боевых действий некоторых иностранных корреспондентов и военных атташе наблюдать предстоящие победные действия. В числе приглашенных были корреспонденты и военные атташе гитлеровской Германии и фашистской Италии.

Перед рассветом 3 июля старший советник монгольской армии полковник И. М. Афонин выехал к горе Баин-Цаган, чтобы проверить оборону 6-й монгольской кавалерийской дивизии, и совершенно неожиданно обнаружил там японские войска, которые, скрытно переправившись под покровом ночи через реку Халхин-Гол, атаковали подразделения 6-й кавдивизии МНР. Пользуясь превосходством в силах, они перед рассветом 3 июля захватили гору Баин-Цаган и прилегающие к ней участки местности. 6-я кавалерийская дивизия МНР отошла на северо-западные участки горы Баин-Цаган.

Оценив опасность новой ситуации, Иван Михайлович Афонин немедленно прибыл на командный пункт командующего советскими войсками (вскоре, к 15 июля, 57-й корпус был развернут в 1-ю армейскую группу) и доложил сложившуюся обстановку на горе Баин-Цаган. Было ясно, что в этом районе никто не может преградить путь японской группировке для удара во фланг и тыл основной группировки наших войск.

Ввиду осложнившейся обстановки все наши резервы были немедленно подняты по боевой тревоге и получили задание сразу же выступить в общем направлении к горе Баин-Цаган и атаковать противника. 11-я танковая бригада под командованием комбрига М. П. Яковлева получила приказ атаковать противника с ходу. 24-му мотострелковому полку, усиленному дивизионом артиллерии, под командованием полковника И. И. Федюнинского было приказано атаковать противника, взаимодействуя с 11-й танковой бригадой. 7-я мотоброневая бригада под командованием полковника А. Л. Лесового предназначалась для удара с юга. Сюда же подтягивался броневой дивизион 8-й монгольской кавдивизии.

Рано утром 3 июля советское командование прибыло в район горы Баин-Цаган. Тяжелому артиллерийскому дивизиону 185-го артиллерийского полка было приказано

выбросить наблюдательные пункты к горе Баин-Цаган и открыть огонь по японской группировке. Одновременно был дан приказ артиллерии, расположенной за рекой Халхин-Гол (поддерживавшей 9-ю мотобронеприбавду), перенести свой огонь по противнику на горе Баин-Цаган. По тревоге была поднята в воздух вся наша авиация.

В 7 часов утра подошли первые группы нашей бомбардировочной и истребительной авиации, начавшие бомбить и штурмовать гору Баин-Цаган. Нам было очень важно сковать и задержать противника ударом авиации и артиллерийским огнем на Баин-Цаган до подхода сюда резервов для контрудара.

Чтобы затормозить дальнейшую переправу и сосредоточение сил противника в районе горы, было приказано усиленно бомбить и непрерывно обстреливать артиллерийским огнем переправу через реку Халхин-Гол.

Около 9 часов утра начали подходить передовые подразделения авангардного батальона 11-й танковой бригады.

Соотношение сил непосредственно в районе Баин-Цаган складывалось следующее.

Противник успел сосредоточить на горе Баин-Цаган более десяти тысяч штыков; советские войска имели возможность сосредоточить более тысячи штыков; в японских войсках было около 100 орудий и до 60 орудий ПТО. У нас — немногим более 50 орудий, включая поддерживавшие с восточного берега реки Халхин-Гол.

Однако в наших рядах сражалась 11-я героическая танковая бригада, имевшая до 150 танков, 7-я мотоброневая бригада, располагавшая 154 бронемашинами, и 8-й монгольский бронедивизион, вооруженный 45-мм пушками.

Таким образом, главным нашим козырем были бронетанковые соединения, и мы решили этим незамедлительно воспользоваться, чтобы с ходу разгромить только что переправившиеся японские войска, не дав им зарыться в землю и организовать противотанковую оборону. Медлить с контрударом было нельзя, так как противник, обнаружив подход наших танковых частей, стал быстро принимать меры для обороны и начал бомбить колонны наших танков. А укрыться им было негде — на сотни километров вокруг абсолютно открытая местность, лишенная даже кустарника.

В 9 часов 15 минут мы встретились с командиром 11-й

танковой бригады М. П. Яковлевым, который был при главных силах авангардного батальона и руководил его действиями. Обсудив обстановку, решили вызвать всю авиацию, ускорить движение танков и артиллерии и не позже 10 часов 45 минут атаковать противника. В 10 часов 45 минут главные силы 11-й танковой бригады развернулись и с ходу атаковали японские войска.

Вот что записал об этих событиях японский солдат Накамура в своем дневнике 3 июля:

«Несколько десятков танков напало внезапно на наши части. У нас произошло страшное замешательство, лошади заржали и разбежались, таща за собой передки орудий; автомашины помчались во все стороны. В воздухе было сбито 2 наших самолета. Весь личный состав упал духом. В лексиконе японских солдат все чаще и чаще употребляются слова: «страшно», «печально», «упали духом», «стало жутко».

Бой продолжался день и ночь 4 июля. Только к 3 часам утра 5 июля сопротивление противника было окончательно сломлено, и японские войска начали поспешно отступать к переправе. Но переправа была взорвана их же саперами, опасавшимися прорыва наших танков. Японские офицеры бросались в полном снаряжении прямо в воду и тут же тонули, буквально на глазах у наших танкистов.

Остатки японских войск, захвативших гору Баин-Цаган, были полностью уничтожены на восточных склонах горы в районе спада реки Халхин-Гол. Тысячи трупов, масса убитых лошадей, множество раздавленных и разбитых орудий, минометов, пулеметов и машин устилали гору Баин-Цаган. В воздушных боях за эти дни было сбито 45 японских самолетов, в том числе 20 пикировщиков.

Командующий 6-й армией японских войск генерал Камацубара (в свое время он был в Советском Союзе военным атташе), видя, как развиваются события, еще в ночь на 4 июля отступил со своей опергруппой на противоположный берег. Отход с поля сражения японского командующего и его окружения так описал в своем дневнике старший унтер-офицер его штаба Отани:

«Тихо и осторожно движется машина генерала Камацубара. Луна освещает равнину, светло как днем. Ночь тиха и напряжена так же, как и мы. Халха освещена луной, и в ней отражаются огни осветительных бомб,

бросаемых противником. Картина ужасная. Наконец мы отыскали мост и благополучно закончили обратную переправу. Говорят, что наши части окружены большим количеством танков противника и стоят перед лицом полного уничтожения. Надо быть начеку».

Утром 5 июля на горе Баин-Цаган и на западном берегу реки Халхин-Гол все стихло. Сражение закончилось разгромом главной группировки японских войск. Оно явилось классической операцией активной обороны войск Красной Армии, после которой японские войска больше не рисковали переправляться на западный берег реки Халхин-Гол.

Между тем на восточном берегу реки Халхин-Гол сражение продолжалось с прежней силой. Противник, разгромленный на горе Баин-Цаган, все же отвел на восточный берег часть своих войск, пытаясь оказать помощь сковывающей группе Ясуока, которая, понеся большие потери, успеха также не имела.

Разгром крупной группировки японцев на горе Баин-Цаган и удержание обороны на восточном берегу реки Халхин-Гол явились большим стимулом для подъема политико-морального состояния наших войск и монгольских частей. Бойцы и командиры частей искренне и горячо поздравляли своих соседей и друзей с победой.

Основную роль в баин-цаганском побоище сыграли 11-я танковая бригада, 7-я мотобронетанковая бригада, 8-й монгольский бронедивизион и взаимодействовавшие с ними артиллерия и ВВС. Опыт сражения в районе Баин-Цаган показал, что в лице танковых и мотомеханизированных войск, умело взаимодействующих с авиацией и подвижной артиллерией, мы имеем решающее средство для осуществления стремительных операций с решительной целью.

Теперь противник ограничивался боевыми разведывательными действиями. Однако 12 августа полк пехоты, усиленный артиллерией, бронемашинами и частично танками, при поддержке 22 бомбардировщиков атаковал 22-й монгольский кавалерийский полк, заняв при этом на южном участке фронта высоту Большие Пески.

Противник активно создавал оборону по всему фронту: подвозил лесоматериалы, рыл землю, строил блиндажи, проводил инженерное усиление обороны. Его авиация, понеся серьезные потери (в период с 23 июля по 4 августа было сбито 116 самолетов), ограничивалась раз-

ведывательными полетами и мелкими бомбардировочными ударами по центральной переправе, артиллерийским позициям и резервам.

Командование советско-монгольских войск тщательно готовилось к проведению не позже 20 августа генеральной наступательной операции с целью окончательного разгрома войск, вторгшихся в пределы Монгольской Народной Республики.

Для ее проведения по просьбе Военного совета в 1-ю армейскую группу войск спешно перебрасывались из Советского Союза новые силы и средства, а также материально-технические запасы. Дополнительно подвозились две стрелковые дивизии, танковая бригада, два артиллерийских полка и другие части. Усиливалась бомбардировочная и истребительная авиация.

Для проведения предстоящей весьма сложной операции нам нужно было подвезти по грунтовым дорогам от станции снабжения до реки Халхин-Гол на расстояние в 650 километров следующее:

- артиллерийских боеприпасов — 18 000 тонн,
- боеприпасов для авиации — 6500 тонн,
- различных горюче-смазочных материалов — 15 000 тонн,
- продовольствия всех видов — 4000 тонн,
- топлива — 7500 тонн,
- прочих грузов — 4000 тонн.

Для подвоза всех этих грузов к началу операции требовалось 4900 автомашин, в то время как в распоряжении армейской группы было только 2636 автомашин. После 14 августа на подвоз встало еще 1250 бортовых машин и 375 автоцистерн, прибывших из Советского Союза. Не хватало еще нескольких сотен бортовых и наливных машин.

Основная тяжесть перевозок ложилась на войсковой автомобильный транспорт и на строевые машины, включая артиллерийские тягачи. Мы решились на такую крайнюю меру, так как, во-первых, у нас не было другого выхода и, во-вторых, потому что считали оборону своих войск достаточно устойчивой.

Чудо-богатыри — шоферы делали практически невозможное. В условиях изнуряющей жары, иссушающих ветров кругооборот транспорта в 1300—1400 километров длился пять дней!

В устройстве тыла, в организации подвоза нам очень помог Забайкальский военный округ. Без него мы, наверное, не справились бы с созданием в кратчайший срок материально-технических запасов, необходимых для операции.

Решающим фактором успеха предстоящей операции мы считали оперативно-тактическую внезапность, которая должна будет поставить противника в такое положение, чтобы он не смог противостоять нашему уничтожающему удару и предпринять контрманевр. Особенно учитывалось то, что японская сторона, не имея хороших танковых соединений и мотомехвойск, не сможет быстро перебросить свои части с второстепенных участков и из глубины против наших ударных группировок, действующих на флангах обороны противника с целью окружения 6-й японской армии.

В целях маскировки, сохранения в строжайшей тайне наших мероприятий Военным советом армейской группы одновременно с планом предстоящей операции был разработан план оперативно-тактического обмана противника, который включал в себя:

- производство скрытных передвижений и сосредоточений прибывающих войск из Советского Союза для усиления армейской группы;

- скрытные перегруппировки сил и средств, находящихся в обороне за рекой Халхин-Гол;

- осуществление скрытных переправ войск и материальных запасов через реку Халхин-Гол;

- производство рекогносцировок исходных районов: участков и направлений для действия войск;

- особо секретная отработка задач всех родов войск, участвующих в предстоящей операции;

- проведение скрытной доразведки всеми видами и родами войск;

- вопросы дезинформации и обмана противника с целью введения его в заблуждение относительно наших намерений.

Этими мероприятиями мы стремились создать у противника впечатление об отсутствии на нашей стороне каких-либо подготовительных мер наступательного характера, показать, что мы ведем широко развернутые работы по устройству обороны, и только обороны. Для этого было решено все передвижения, сосредоточения, перегруппировки производить только ночью, когда

действия авиаразведки противника и визуальное наблюдение до предела ограничены.

До 17—18 августа было категорически запрещено выводить войска в районы, откуда предполагалось нанесение ударов с целью выхода наших войск во фланги и тыл всей группировки противника. Командный состав, производивший рекогносцировки на местности, должен был выезжать в красноармейской форме и только на грузовых машинах.

Мы знали, что противник ведет радиоразведку и подслушивает телефонные разговоры, и разработали в целях дезинформации целую программу радио- и телефонных сообщений. Переговоры велись только о строительстве обороны и подготовке ее к осенне-зимней кампании. Радиообман строился главным образом на коде, легко поддающемся расшифровке.

Было издано много тысяч листовок и несколько памяток бойцу в обороне. Эти листовки и памятки были подброшены противнику, с тем чтобы было видно, в каком направлении идет политическая подготовка советско-монгольских войск.

Сосредоточение войск — фланговых ударных группировок — и вывод их в исходные районы для наступления были предусмотрены в ночь с 19 на 20 августа. К рассвету все должно было быть скрыто в зарослях вдоль реки в подготовленных укрытиях. Материальная часть артиллерии, минометы, средства тяги и различная техника тщательно укрывались маскировочными сетками, приготовленными из местных подручных материалов. Танковые части выводились в исходные районы мелкими группами с разных направлений, непосредственно перед началом артиллерийской и авиационной подготовки. Их скорости позволяли это сделать.

Все ночные передвижения маскировались шумом, создаваемым полетами самолетов, стрельбой артиллерии, минометов, пулеметов и ружейных выстрелов, который велся частями строго по графику, увязанному с передвижениями.

Для маскировки передвижения нами были использованы звуковые установки, превосходно имитирующие различные шумы: забивание кольев, полет самолетов, движение танков и прочее. К имитационному шуму мы начали приучать противника за 12—15 дней до начала

передвижения ударных группировок. Первое время японцы принимали эту имитацию за настоящие действия войск и обстреливали районы, где слышались те или иные шумы. Затем, не то привыкнув, не то разобравшись, в чем дело, обычно не обращали внимания уже ни на какие шумы, что для нас было очень важно в период настоящих перегруппировок и сосредоточений.

Для того чтобы к противнику не просочились сведения о наступательной операции, разработку плана генерального наступления в штабе армейской группы вели лично командующий, член Военного совета, начальник политотдела, начальник штаба, начальник оперативного отдела. Командующие и начальники родов войск, начальник тыла работали только по специальным вопросам, по плану, утвержденному командующим. К печатанию плана операции, приказов, боевых распоряжений и прочей оперативной документации была допущена только одна машинистка.

По мере приближения срока начала операции различные категории командного состава были последовательно ознакомлены с планом операции, начиная с четырех и кончая одними сутками до начала боевых действий. Бойцы и командиры получили боевые задачи за три часа до наступления.

Дальнейшие события и весь ход нашей наступательной операции показали, что особые меры по дезинформации и маскировке, а также другие мероприятия по подготовке внезапной операции сыграли важнейшую роль, и противник действительно был захвачен врасплох.

В подготовке августовской операции особое внимание было уделено организации тщательной разведки противника. Многие командиры, штабы и разведывательные органы в начале боевых действий показали недостаточную опытность. Перед разведкой ставились многочисленные задачи, часто невыполнимые и не имеющие принципиального значения. В результате усилия разведорганов расплывались в ущерб главным разведывательным целям. Часто и сами разведчики вводили командование в заблуждение своими предположительными выводами, построенными только на основе тех или иных признаков и умозаключений.

Конечно, в истории боев, сражений и операций бывали случаи, когда подобные предположения и оправдывались, но мы не могли строить серьезную операцию на

сомнительных данных. В предстоящей операции окружения и уничтожения армии противника нас интересовало главным образом его точное расположение и численность.

Сложность добывания сведений о противнике усугублялась отсутствием в районе действий гражданского населения, от которого можно было бы кое-что узнать. Со стороны японцев перебежчиков не было. А бежавшие к нам баргуты (монголы-скотоводы, живущие в северо-западной части Маньчжурии), как правило, ничего не знали о расположении и численности японских частей и соединений. Лучшие данные мы получали от разведки боем. Однако эти данные охватывали только передний край и ближайшие огневые позиции артиллерии и минометов.

Наша разведывательная авиация давала хорошие авиаснимки глубины обороны, но, учитывая то, что противник обычно широко применял макеты и другие обманные действия, мы должны были быть очень осторожными в своих выводах и неоднократно проверками устанавливать, что является настоящим, что ложным.

Просочиться мелким разведывательным группам в глубину обороны противника случалось редко, так как японцы очень хорошо просматривали местность в районе расположения своих войск.

Однако, несмотря на все эти неблагоприятные обстоятельства, нам удалось организовать разведку и получить от нее ряд ценных сведений.

Хорошо действовала разведка в 149-м моторизованном стрелковом полку. Здесь ее организацией занимался непосредственно командир полка майор И. М. Ремизов, всесторонне знавший специфику разведки. Я видел майора И. М. Ремизова на учебном занятии. Он показывал разведчикам, как лучше захватить пленного из засады, как просочиться через боевое охранение противника ночью. Майор был большой мастер на разведывательные выдумки, и солдатам-разведчикам очень нравилось, что с ними занимается сам командир полка, которого они любили и уважали. За героизм, проявленный в боях на Халхин-Голе, И. М. Ремизов был удостоен звания Героя Советского Союза.

Наиболее слабым местом в японской группировке мы считали фланги обороны и отсутствие у противника под-

вижных резервов. Что же касается местности, то она всюду была тяжелой для наступающих войск.

План партийно-политического обеспечения операции был также разработан исходя из конкретных задач. Он включал в себя два этапа, подготовительный и исполнительный.

На подготовительном этапе предусматривалось главным образом обеспечение тех мероприятий, которые проводил Военный совет армейской группы по сосредоточению сил и средств для предстоящей операции, работа среди войск, прибывающих из глубины страны, передача им боевого опыта. Для выполнения этой важнейшей задачи от всех коммунистов, политработников и командиров требовалось усилить активность непосредственно в отделениях, взводах и ротах. Нужно было уделить больше внимания органам тыла, от которых во многом зависело своевременное материально-техническое обеспечение операции.

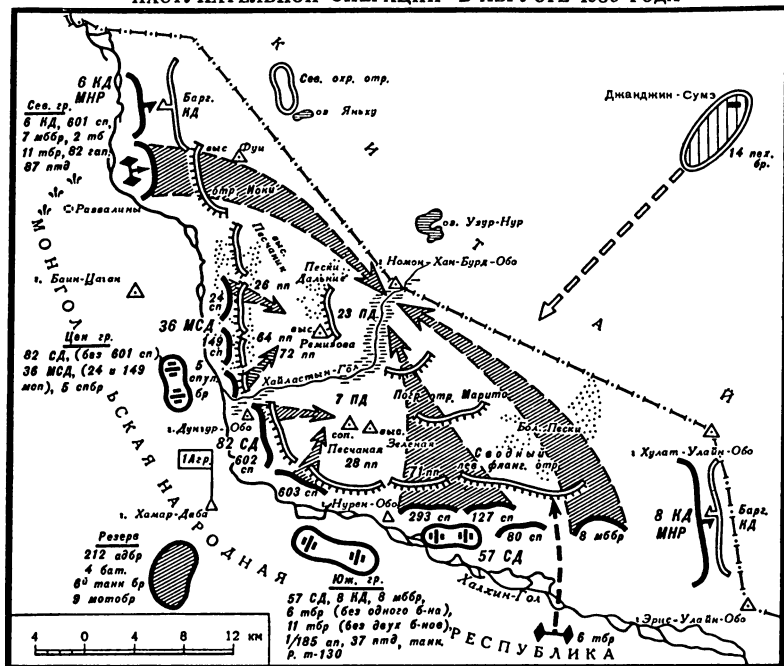
Советские войска знали, что наш пролетарский, интернациональный долг состоит в том, чтобы помочь братскому монгольскому народу в час тяжелых испытаний.

Большую политическую работу проводила газета «Героическая красноармейская». В каждом номере она популяризировала боевые дела бойцов и командиров войск армейской группы и боевые традиции Красной Армии. С началом операции редакция газеты должна была заняться главным образом изданием и быстрым распространением листовок для информации бойцов и командиров.

Активно сотрудничали в этой газете писатели Вл. Ставский, К. Симонов, Л. Славин, Б. Лапин, З. Хацревин и вездесущие фотокорреспонденты М. Бернштейн и В. Темин. Особенно хочется сказать о Владимире Ставском. Прекрасный литератор, пропагандист, он жил с солдатами одной жизнью. Думаю, он был превосходным фронтовым корреспондентом. Мое личное общение с Владимиром Петровичем продолжалось до конца 1941 года. В начале августа он прибыл в 24-ю армию Резервного фронта, где я готовил операцию по разгрому ельнинской группировки противника и ликвидации его плацдарма в этом районе.

Встретившись, мы обнялись, вспомнили героические дни Халхин-Гола. Не задерживаясь в штабе, Ставский

**РЕШЕНИЕ КОМАНДУЮЩЕГО 1-й АРМЕЙСКОЙ ГРУППЫ ПРИ ПРОВЕДЕНИИ
НАСТУПАТЕЛЬНОЙ ОПЕРАЦИИ В АВГУСТЕ 1939 ГОДА**

тотчас же выехал на передовую, где наши части вели напряженный бой. К утру следующего дня прислал свои заметки для армейской газеты, а мне записку с сообщением о тех трудностях, которые приходилось преодолевать нашим войскам. Очень жаль, что этот талантливый писатель-баталист погиб, погиб как солдат в 1943 году в боях под Невелем.

Редактором газеты «Героическая красноармейская» был Д. О. Ортенберг, способный и оперативный работник. Он умел сплотить коллектив сотрудников газеты и привлечь к активному участию в ней многих бойцов, командиров, партийно-политических работников. В годы Великой Отечественной войны Д. О. Ортенберг был редактором газеты «Красная звезда», и мне также неоднократно приходилось встречаться с ним в действующей армии...

Но вернемся к халхин-гольским событиям.

лись 153 бомбардировщика и около 100 истребителей. Их удары были весьма мощными и вызвали подъем у бойцов и командиров.

В 8 ч. 45 м. артиллерия и минометы всех калибров начали огневой налет по целям противника, доведя его до пределов своих технических возможностей. В это же время наша авиация нанесла удар по тылам противника. По всем телефонным проводам и радиостанциям была передана установленным кодом команда — через 15 минут начать общую атаку.

Ровно в 9 ч. 00 м., когда наша авиация штурмовала противника, бомбила его артиллерию, в воздух взвились красные ракеты, означавшие начало движения войск в атаку. Атакующие части, прикрываемые артиллерийским огнем, стремительно ринулись вперед.

Удар нашей авиации и артиллерии был настолько мощным и удачным, что противник был морально и физически подавлен и не мог в течение первых полутора часов открыть ответный артиллерийский огонь. Наблюдательные пункты, связь и огневые позиции японской артиллерии были разбиты.

Атака проходила в точном соответствии с планом операции и планами боя, и лишь 6-я танковая бригада, не сумев полностью переправиться через реку Халхин-Гол, приняла участие в боях 20 августа только частью своих сил. Переправа и сосредоточение бригады были полностью закончены к исходу дня.

21-го и 22-го шли упорные бои, особенно в районе Больших Песков, где противник оказал более серьезное сопротивление, чем мы предполагали. Чтобы исправить допущенную ошибку, пришлось дополнительно ввести в дело из резерва 9-ю мотоброневую бригаду и усилить артиллерию.

Разгромив фланговые группировки противника, наши бронетанковые и механизированные части к исходу 26 августа завершили окружение всей 6-й японской армии, и с этого дня началось дробление на части и уничтожение окруженной группировки врага.

Борьба осложнялась из-за сыпучих песков, глубоких котлованов и барханов.

Японские части дрались до последнего человека. Однако постепенно солдатам становилась ясна несостоя-

тельность официальной пропаганды о непобедимости императорской армии, поскольку она понесла исключительно большие потери и не выиграла за 4 месяца войны ни одного сражения.

Интересны записи некоторых японских солдат и офицеров, характеризующие их настроения в те дни.

Вот дневник погибшего солдата Факуты:

«20 августа 1939 года.

С утра установилась хорошая погода. Истребители и бомбардировщики противника, штук 50, группами появились в воздухе. В 6.30 артиллерия противника всей своей мощью начала обстрел. Артиллерийские снаряды стонут над головой.

Тучи артиллерийских снарядов падают поблизости от нас. Становится жутко. Команда наблюдения использует все, чтобы разведать артиллерию противника, но успеха не имеет, так как бомбардировщики бомбят, а истребители обстреливают наши войска. Противник торжествует по всему фронту.

7 ч. 45 м.

Становится жутко. Стоны и взрывы напоминают ад. Сложилась очень тяжелая обстановка. Положение плохое, мы окружены. Если ночь будет темной, все должны быть в ходах сообщения, располагаясь в ряд... Душа солдата стала печальной... Наше положение неважное, сложное, запутанное.

8 ч. 30 м.

Артиллерия противника не прекращает обстрела наших частей. Куда бы ни сунулся, нигде нет спасения, везде падают снаряды, наше спасение только в Бдисатве.

14 ч. 40 м.

Идет беспощадный бой, сколько убитых и раненых — мы не знаем... Обстрел не прекращается.

21 августа.

Множество самолетов советско-монгольской авиации бомбят наши позиции, артиллерия также все время беспокоит нас. После бомбежки и артогня бросается в атаку пехота противника. Число убитых все более и более увеличивается. Ночью авиация противника бомбила наши тылы.

22 августа — 9 ч. 30 м.

Пехота противника начала атаку, пулеметы противника открыли сильный огонь. Мы были в большой опасности и страшно напугались. Настроение заметно ухудшилось. Когда всех офицеров убили, меня назначили командиром роты. Это меня страшно взволновало, и я всю ночь не спал...»

На этом обрываются записи Факуты.

Большое внимание в тогдашней японской армии уделялось идеологической обработке солдат, направленной против Красной Армии. Наша армия изображалась технически отсталой, а в боевом отношении приравнивалась к старой царской армии времен русско-японской войны 1904—1905 годов. Поэтому то, что японские солдаты увидели в сражениях на реке Халхин-Гол, оказавшись под мощными ударами танков, авиации, артиллерии и хорошо организованных стрелковых войск, было для них полной неожиданностью.

Японскому солдату внушали, что, попав в плен, он все равно будет расстрелян, но прежде его будут истязать до полусмерти. И надо сказать, что подобное воздействие в тот период достигало своей цели.

Однако действительность опровергла эти внушения. Помню, на рассвете одного из августовских дней ко мне на наблюдательный пункт привели пленного японского солдата, обезображенного укусами комаров. Этот солдат был схвачен разведчиками полка И. И. Федюнинского в камышах.

На мой вопрос, где и кто его так разделал, он ответил, что вместе с другим солдатом вчера с вечера был посажен в камыши в секрет для наблюдения за действиями русских, а накомарников им не дали. Командир роты приказал не шевелиться, чтобы их не обнаружили. Ночью на солдат напали комары, но они безропотно терпели страшные укусы и сидели до утра не шевелясь, чтобы не выдать своего присутствия.

— А когда русские что-то крикнули и вскинули винтовки, — рассказывал пленный, — я поднял руки, так как не мог больше терпеть эти мучения.

Нам нужны были сведения о японских войсках на том участке, где был захвачен этот пленный. Чтобы развязать ему язык, я приказал дать пленному полстакана водки. Каково же было мое удивление, когда он, посмотрев на стакан, сказал:

— Прошу вас, отпейте глоток, я боюсь отравы. Я единственный сын, а отец имеет галантерейный магазин, следовательно, я единственный его наследник.

Наш переводчик заметил, что, согласно памятке, которую японским солдатам дало их начальство, они должны смело умирать со словом «банзай» на устах. Усмехнувшись, пленный ответил:

— Отец наказал мне вернуться домой живым, а не мертвым.

31 августа 1939 года последние очаги сопротивления 6-й японской армии, вторгшейся в пределы Монгольской Народной Республики, были ликвидированы. Посещая части наших войск, товарищ Х. Чойбалсан сердечно благодарил воинов за то, что они своей кровью подтвердили верность взятым на себя обязательствам. Сокрушительный отпор советских и монгольских войск, небывалый разгром отборных сил целой японской армии заставили тогдашние японские правящие круги пересмотреть свои взгляды на могущество и боеспособность Советских Вооруженных Сил, особенно на моральную стойкость советских воинов.

Нарком обороны К. Е. Ворошилов в приказе 7 ноября 1939 года писал: «Подлинной славой покрыли себя бойцы и командиры — участники боев в районе реки Халхин-Гол. За доблесть и героизм, за блестящее выполнение приказов войска, участвовавшие в боях в районе реки Халхин-Гол, заслужили великую благодарность».

Душой героических действий наших воинов была Коммунистическая партия и ее фронтовой отряд — армейская партийная организация. Коммунисты своим мужественным примером воодушевляли воинов на боевые подвиги.

Хочется отметить тех командиров и политработников, которые своей организаторской деятельностью, партийно-политическими мероприятиями, умелым командованием ускорили разгром японских войск, прославили советское оружие.

С большой теплотой я вспоминаю дивизионного комиссара М. С. Никишева. Умелый руководитель, в высшей степени принципиальный коммунист, он сумел поставить работу Военного совета так, что у нас при всей сложности и напряженности обстановки ни разу не возникло никаких недоразумений или разногласий. И все мы,

халхингольцы, были глубоко опечалены известием о его гибели в начале Отечественной войны. Он погиб на Украине, где исполнял должность члена Военного совета 5-й армии Юго-Западного фронта.

Нельзя забыть героические подвиги летчиков Я. В. Смушкевича, С. И. Грицевца, В. М. Забалуева, Г. П. Кравченко, В. Ф. Скобарихина, В. Г. Рахова и других, которые показали образцы мужества и отваги.

Однажды во время преследования группы японских самолетов летчик-истребитель Герой Советского Союза С. И. Грицевец обнаружил отсутствие в строю самолета своего командира В. М. Забалуева. Дав ряд очередей по уходящему противнику и приостановив преследование, С. И. Грицевец стал искать пропавший самолет. Он сделал круг над районом последней атаки и заметил его в степи на территории японских войск.

Снизившись до бреющего полета, С. И. Грицевец увидел В. М. Забалуева около самолета. Видимо, произошла авария. Что делать? Несмотря на крайний риск посадки в тылу врага, С. И. Грицевец не колеблясь принимает решение: во что бы то ни стало спасти своего командира. Как это принято у нас еще со времен Суворова — «Сам погибай, но товарища выручай!».

Отважный и всегда очень спокойный, летчик мастерски посадил свой самолет на изрытую воронками площадку. Быстро подрулив к В. М. Забалуеву, он буквально втиснул своего командира в кабину одноместного самолета. Затем на виду у опешивших солдат противника, развернув самолет против ветра, С. И. Грицевец поднял его в воздух с двойной нагрузкой и благополучно вернулся на свой аэродром.

В одном из разведывательных боев с японцами в отряде майора И. Л. Касперовича была подбита машина «ГАЗ». Водитель рядовой Тимохин не бросил машину, а, оставшись на поле боя, на ничейной полосе, пытался исправить повреждение. Японцы, заметив смелые действия нашего бойца, решили захватить его живым. Тимохин отбивался как настоящий советский солдат. Будучи тяжело раненным, он продолжал сопротивляться.

В этот момент майор И. Л. Касперович, командир отряда, не считаясь с тяжелой обстановкой, принял рискованное решение — выручить своего бойца. Приказав сосредоточить огонь орудий прямой наводкой по огне-

вым точкам японцев, он развернул роту и повел ее в наступление на противника, а сам на бронемашине на полном ходу подскочил к автомобилю Тимохина и зацепил его на буксир. Когда Тимохина вывезли в наше расположение, он со слезами на глазах благодарил командира и товарищей, которые, рискуя жизнью, спасли его от верной смерти.

— Я не сомневался, что вы не забудете меня, не оставите в беде,—говорил он перед отправкой в госпиталь,—как только подлечусь, буду опять вместе с вами, мои дорогие друзья.

Летчик Герой Советского Союза старший лейтенант В. Ф. Скобарихин в неравном бою, выручая своего товарища старшего лейтенанта В. Н. Вусса, смело пошел на таран японского истребителя и, сбив его, вступил в бой с двумя другими самолетами. Японские летчики, увидев, с кем им пришлось иметь дело, развернулись в направлении своих аэродромов. В. Ф. Скобарихин, несмотря на повреждение, сумел благополучно дотянуть до своего аэродрома. После посадки на крыле его самолета были найдены клочья обшивки японского истребителя.

В воздушных боях особенно отличился старший лейтенант Герой Советского Союза В. Г. Рахов. 29 июля он встретился один на один с весьма опытным японским асом Такео. Маневрируя, В. Г. Рахов навязал бой противнику. В ходе боя японский летчик Такео продемонстрировал все свое мастерство, но тем не менее В. Г. Рахову удалось зажечь самолет Такео. Японец выбросился с парашютом и, увидев, что приземлился на монгольской территории, попытался застрелиться, но был захвачен в плен.

Оправившись от волнения и встретив хорошее обращение командиров Красной Армии, Такео попросил показать ему летчика, который так мастерски вел бой и сбил его самолет. Когда подошел В. Г. Рахов, японец отвесил ему глубокий поклон, приветствуя победителя.

С благодарностью я вспоминаю многих командиров, с которыми работал в то время. В начале боевых действий в районе реки Халхин-Гол И. И. Федюнинский занимал должность помощника командира полка по хозяйственной части. Когда потребовался командир для 24-го моторизованного полка, в качестве первой кандидатуры

была названа его фамилия. И мы не ошиблись. Во всех сложных случаях Иван Иванович Федюнинский умел находить правильное решение, а когда началось генеральное наступление наших войск, полк под его командованием победоносно вел бой.

По окончании военных действий на реке Халхин-Гол И. И. Федюнинский был назначен командиром 82-й дивизии. Эта дивизия в первом периоде Отечественной войны исключительно упорно дралась на можайском направлении. Успешно командовал генерал-майор И. И. Федюнинский стрелковым корпусом на Юго-Западном фронте, а потом и 42-й армией под Ленинградом.

Комбриг Михаил Иванович Потапов был моим заместителем. На его плечах лежала большая работа по организации взаимодействия соединений и родов войск, а когда мы начали генеральное наступление, Михаилу Ивановичу было поручено руководство главной группировкой на фланге армейской группы. М. И. Потапов отличался невозмутимым характером. Его ничто не могло вывести из равновесия. Даже в самой сложной и тревожной обстановке он был абсолютно спокоен, и это хорошо воспринималось войсками. Таким он был и в Отечественную войну, командуя 5-й армией Юго-Западного фронта.

Связь в бою и операциях играет решающую роль. Поэтому мне хочется сказать доброе слово о полковнике Алексее Ивановиче Леонове, который в любых условиях обеспечивал управление войсками бесперебойной связью.

Огромный вклад в решение боевых задач внесли партийные организации. В первых рядах были начальник политического отдела армейской группы дивизионный комиссар Петр Иванович Горохов, полковой комиссар Роман Павлович Бабийчук, секретарь парткомиссии особого корпуса Алексей Михайлович Помогайло, комиссар Иван Васильевич Заковоротный.

Среди политических работников соединений особенно выделялся полковой комиссар Василий Андреевич Сычев — комиссар 9-й мотоброневой бригады, в прошлом уральский рабочий-металлург. Василий Андреевич хорошо помогал своему командиру бригады; нередко в сложной обстановке он становился во главе своих частей и личной смелостью увлекал их на боевой подвиг. В годы Отечественной войны, будучи членом Военного совета армии, он с такой же отвагой осуществлял возложенные на него задачи.

Дни и ночи напряженно трудились в сложных полевых условиях медицинские работники, спасая жизнь и здоровье наших солдат и командиров, да и не только наших. В высшей степени гуманное отношение было проявлено ими и к раненым пленным японцам.

Хорошо помню встречи с профессором М. Н. Ахутиным. Однажды мне доложили, что профессор М. Н. Ахутин, будучи переутомлен многими операциями, буквально еле держась на ногах, приказал взять у него кровь для раненого командира. Я позвонил ему и посоветовал взять кровь у более молодого врача. Профессор М. Н. Ахутин коротко отрезал:

— У меня нет времени для розыска подходящей группы.— И, попросив его не задерживать, тотчас же дал раненому свою кровь.

Профессор М. Н. Ахутин продумал и хорошо организовал единую систему этапного лечения раненых. Он оказывал большую помощь и медицинским работникам братской нам монгольской армии. Работая по 15—18 часов в сутки, он уделял большое внимание подготовке и совершенствованию врачей-хирургов, и, думаю, не ошибусь, если скажу, что те, кто работал и учился у профессора М. Н. Ахутина, многое постигли в искусстве хирургии. Под его руководством успешно начинал работать ныне известный хирург академик А. А. Вишневский.

Монгольские войска, действовавшие в районе реки Халхин-Гол, хорошо взаимодействовали с советскими войсками.

С большим воодушевлением читали на фронте взволнованное письмо монгольских воинов советским бойцам:

«Дорогие братья, бойцы Красной Армии!

Мы, цирики, командиры и политработники частей Монгольской народно-революционной армии, действующей в районе реки Халхин-Гол, от себя и от всего трудового народа Монголии горячо приветствуем вас, защитников нашей Родины от японских захватчиков, и поздравляем с успешным окружением и полным разгромом самураев, пробравшихся на нашу землю.

Наш народ золотыми буквами впишет в историю борьбы за свою свободу и независимость вашу героическую борьбу с японской сворой в районе реки Халхин-Гол. Если бы не ваша братская бескорыстная помощь,

мы не имели бы независимого Монгольского революционного государства. Если бы не помощь Советского государства, нам грозила бы такая же участь, какую переживает народ Маньчжурии. Японские захватчики разгромили бы и ограбили нашу землю и трудовое аратство. Этого не случилось и никогда не случится, так как нам помогает и нас спасает от японского нашествия Советский Союз.

Спасибо вам и спасибо советскому народу!»

Бойцы монгольской армии восхищались боевыми свершениями советских войск, но и мы, советские воины, были не менее восхищены героическими подвигами монгольских бойцов и командиров.

Мне приходилось лично наблюдать массовую боевую отвагу монгольских цириков и их командиров. Хочется вспомнить имена особо отличившихся. Это — рядовой цирик Олзвой, водитель бронемашины Хаян-Харве, наводчики зенитных орудий Чултэм, Гомбосурэн, конник Хорлоо. Большую творческую работу проводил Штаб Монгольской народно-революционной армии во главе с заместителем главкома МНРА корпусным комиссаром Ж. Лхагвасурэнгом.

Павшим героям Халхин-Гола поставлен памятник, на котором высечены поистине справедливые слова:

«Вечная слава воинам-героям Советской Армии и мужественным цирикам Монгольской Народно-Революционной Армии, павшим в боях с японскими захватчиками в районе реки Халхин-Гол за свободу и независимость миролюбивого монгольского народа, за мир и безопасность народов, против империалистической агрессии».

Советское правительство, отмечая особо выдающиеся заслуги советских воинов против японских агрессоров, присвоило семидесяти из них звание Героя Советского Союза. Второй Золотой Звездой Героя Советского Союза были награждены летчики С. И. Грицевец, Я. В. Смушкевич, Г. П. Кравченко. Звание Героя Советского Союза было присвоено и мне, а в 1972 году Указом Великого Народного Хурала МНР за участие в разгроме японских войск на Халхин-Голе я был удостоен звания Героя Монгольской Народной Республики.

По окончании боевых действий на реке Халхин-Гол командование и штаб армейской группы (в конце октября 1939 года) возвратились в Улан-Батор — столицу МНР.

Раньше я знал о Монголии только по книгам и газетам. Теперь мне представилась возможность близко познакомиться с этой страной.

Особенно приятно вспомнить душевную простоту монгольского народа, его доброту и искреннюю веру в Советский Союз. Где бы я ни был — в юртах или домах, в учреждениях или воинских частях, — везде и всюду я видел на самом почетном месте портрет В. И. Ленина, о котором каждый монгол говорил с искренней теплотой и любовью.

Наши бойцы были частыми гостями у монгольских друзей, монгольские товарищи бывали у нас на учениях, на занятиях, где мы старались передать им опыт, полученный в минувших боях.

Монгольский народ с большим уважением и любовью относился к Хорлогийну Чойбалсану. С ним я близко подружился, когда он в августе приезжал на наш командный пункт на горе Хамар-Даба. Это был незаурядный, огромного душевного тепла человек, преданный друг Советского Союза. Хорлогийн Чойбалсан был настоящим интернационалистом, посвятившим жизнь борьбе с империализмом и фашизмом. Последний раз я видел его во время Великой Отечественной войны, когда он привозил на фронт бойцам Красной Армии подарки от монгольского народа.

Мы видели, что огромным авторитетом в народе пользуется и Юмжагийн Цеденбал. Высокообразованный и умный человек, он много лет проработал с Х. Чойбалсаном и другими членами ЦК партии. После смерти в 1952 году Х. Чойбалсана Ю. Цеденбал становится Премьер-министром. Являясь Первым секретарем ЦК Монгольской народно-революционной партии и Председателем Совета Министров МНР, он отдает все свои силы, знания, энергию построению социализма в стране, борется за всемирное укрепление дружбы с братскими марксистско-ленинскими партиями, за мир, социализм и демократию во всем мире.

Забегая вперед, я хотел бы подчеркнуть ту помощь, которую, в свою очередь, оказал монгольский народ Советскому Союзу во время Отечественной войны против фашистской Германии.

Только за 1941 год от Монгольской Народной Республики было получено 140 вагонов различных подарков

для советских воинов на общую сумму 65 миллионов тугриков. Во Внешторгбанк поступило 2 миллиона 500 тысяч тугриков и 100 тысяч американских долларов, 300 килограммов золота. На эти средства, в частности, было построено 53 танка, из них 32 танка Т-34, на бортах которых стояли славные имена Сухэ-Батора и других героев Монгольской Народной Республики. Многие из этих танков успешно сражались с немецкими войсками и дошли до самого Берлина в составе 112-й танковой бригады 1-й гвардейской танковой армии.

Кроме танков, Советским Военно-Воздушным Силам была передана авиационная эскадрилья «Монгольский арат». Она вошла в состав 2-го Оршанского гвардейского авиационного полка. Эскадрилья «Монгольский арат» совершала победный боевой путь на протяжении всей войны.

В дар Красной Армии в 1941—1942 годах поступило 35 тысяч лошадей, которые пошли на укомплектование советских кавалерийских частей.

На протяжении всей Отечественной войны делегации трудящихся Монгольской Народной Республики, возглавляемые Х. Чойбалсаном, Ю. Цеденбалом и другими государственными деятелями, были частыми гостями у наших славных воинов. Каждое их посещение еще больше укрепляло братскую дружбу советского и монгольского народов.

Большую работу в период боевых действий на Халхин-Голе проводили Ю. Цеденбал и советский посол в МНР И. А. Иванов. Благодаря их заботам наши войска никогда не знали затруднений с поставками продуктов. С тех пор Ю. Цеденбал душевно сроднился с советскими людьми, которые в его лице видят дружественный нам монгольский народ, идущий по пути социализма. Искренним уважением у монгольского народа, государственных и партийных руководителей пользовался и И. А. Иванов; он всегда старался во всем помочь монгольским друзьям и словом и делом.

Возвратившись на зимние квартиры, наши войска подвели итоги боевым делам. Приятно было видеть, насколько выросли знания солдат и командиров. В те части, которые не принимали непосредственного участия в боях, посылались лучшие бойцы и командиры для передачи опыта, полученного в сражениях с японскими

войсками. Решительно перестраивалось политическое обеспечение боевой подготовки войск.

Все это в целом дало весьма эффективные результаты в подготовке и боевой готовности войск. Не случайно соединения, находившиеся в 1939—1940 годах в Монголии, будучи переброшенными в 1941 году в район Подмосковья, дрались с немецкими войсками выше всяких похвал.

И когда в 1945 году Советское правительство, согласно договоренности с союзниками по антигитлеровской коалиции, а также в целях снятия военной опасности со стороны милитаристской императорской Японии, державшей против МНР и наших дальневосточных районов миллионную Квантунскую армию, объявило Японии войну, братская нам Монгольская Народная Республика также объявила войну Японии.

Монгольская армия, руководимая Монгольской народно-революционной партией, лично Х. Чойбалсаном и Ю. Цеденбалом, действовала на правом крыле советских войск, в составе советско-монгольской конно-механизированной группы под командованием генерала И. А. Плиева. По свидетельству наших солдат и командно-политического состава, монгольские части дрались смело, умело и хорошо взаимодействовали с советскими войсками.

За умелое руководство боевыми операциями Маршал МНР Х. Чойбалсан награжден Советским правительством орденом Суворова I степени. За умелое руководство боевыми операциями войск МНРА и проявленные при этом доблесть и мужество заместитель главнокомандующего — начальник Политуправления Монгольской народно-революционной армии Ю. Цеденбал удостоен ордена Кутузова I степени. 26 человек награждены орденом Красного Знамени, орденом Славы II степени — 13 человек, медалью «За отвагу» — 82 человека. Всего в 1945 году Верховный Совет СССР наградил 302 человека.

Монгольский народ питает искреннюю дружескую симпатию к советским людям. Свидетельством тому является сохранившийся до сих пор обычай называть своих детей русскими именами — Орос (русский), Эссэр (СССР), Володя (в честь В. И. Ленина), Юра (в честь Ю. Гагарина) и т. д.

Теперь Монгольская Народная Республика стала процветающей социалистической страной. Быстро разви-

ваются промышленность всех видов, сельское хозяйство, наука и передовая техника. Большую помощь в этом ей оказывают Советский Союз, братские социалистические страны. И в мирное время, как и в годину войны с иностранными захватчиками, основная направляющая роль принадлежит Монгольской народно-революционной партии, ее Центральному Комитету.

...В начале мая 1940 года я получил приказ из Москвы явиться в наркомат для назначения на другую должность.

К тому времени было опубликовано постановление правительства о присвоении высшему командному составу Красной Армии генеральских званий. В числе других мне было также присвоено звание генерала армии.

Через несколько дней я был принят лично И. В. Сталиным и назначен на должность командующего Киевским особым военным округом.

С И. В. Сталиным мне раньше не приходилось встречаться, и на прием к нему шел сильно волнуясь.

Кроме И. В. Сталина, в кабинете были М. И. Калинин, В. М. Молотов и другие члены Политбюро.

Поздоровавшись, И. В. Сталин, закуривая трубку, сразу же спросил:

— Как вы оцениваете японскую армию?

— Японский солдат, который дрался с нами на Халхин-Голе, хорошо подготовлен, особенно для ближнего боя,— ответил я.— Дисциплинирован, исполнитель и упорен в бою, особенно в оборонительном. Младший командный состав подготовлен очень хорошо и дерется с фанатическим упорством. Как правило, младшие командиры в плен не сдаются и не останавливаются перед «харакири». Офицерский состав, особенно старший и высший, подготовлен слабо, малоинициативен и склонен действовать по шаблону.

Что касается технического состояния японской армии, считаю ее отсталой. Японские танки типа наших МС-1 явно устарели, плохо вооружены и с малым запасом хода. Должен также сказать, что в начале кампании японская авиация была нашу авиацию. Их самолеты превосходили наши до тех пор, пока мы не получили улучшенной «Чайки» и И-16. Когда же к нам прибыла группа летчиков — Героев Советского Союза во главе со Смуш-

кевичем, наше господство в воздухе стало очевидным. Следует подчеркнуть, что нам пришлось иметь дело с отборными, так называемыми императорскими, частями японской армии.

И. В. Сталин очень внимательно все выслушал, а затем спросил:

— Как действовали наши войска?

— Наши кадровые войска дрались хорошо. Особенно хорошо дрались 36-я мотодивизия под командованием Петрова и 57-я стрелковая дивизия под командованием Галанина, прибывшая из Забайкалья. 82-я стрелковая дивизия, прибывшая с Урала, первое время сражалась плохо. В ее составе были малообученные бойцы и командиры. Эта дивизия была развернута и пополнена приписным составом незадолго до ее отправления в Монголию.

Очень хорошо дрались танковые бригады, особенно 11-я, возглавляемая комбригом Героем Советского Союза Яковлевым, но танки БТ-5 и БТ-7 слишком огнеопасны. Если бы в моем распоряжении не было 2 танковых и 3 мотоброневых бригад, мы, безусловно, не смогли бы так быстро окружить и разгромить 6-ю японскую армию. Считаю, что нам нужно резко увеличить в составе вооруженных сил бронетанковые и механизированные войска.

Артиллерия наша во всех отношениях превосходила японскую, особенно в стрельбе. В целом наши войска стоят значительно выше японских.

Монгольские войска, получив опыт, закалку и поддержку со стороны частей Красной Армии, дрались хорошо, особенно их броневой дивизион на горе Баин-Цаган. Надо сказать, что монгольская конница была чувствительна к налетам авиации и артиллерийскому огню и несла большие потери.

— Как помогали вам Кулик, Павлов и Воронов?— спросил И. В. Сталин.

— Воронов хорошо помог в планировании артиллерийского огня и в организации подвоза боеприпасов. Что касается Кулика, я не могу отметить какую-либо полезную работу с его стороны. Павлов помог нашим танкистам, поделившись с ними опытом, полученным в Испании.

Я пристально наблюдал за И. В. Сталиным, и мне казалось, что и он с интересом слушает меня. Я продолжал:

— Для всех наших войск, командиров соединений, командиров частей и лично для меня сражения на Халхин-Голе явились большой школой боевого опыта. Думаю, что и японская сторона сделает для себя теперь более правильные выводы о силе и способности Красной Армии.

— Скажите, а с какими трудностями пришлось столкнуться нашим войскам на Халхин-Голе?— вступил в разговор М. И. Калинин.

— Главные трудности были связаны с вопросами материально-технического обеспечения войск. Нам приходилось подвозить все, что нужно для боя и жизни войск, за 650—700 километров. Ближайшие станции снабжения были расположены на территории Забайкальского военного округа. Даже дрова для приготовления пищи и те приходилось подвозить за 600 километров. Кругооборот машин составлял 1300—1400 километров, а отсюда — колоссальнейший расход бензина, который также надо было доставлять из Советского Союза.

В преодолении этих трудностей нам хорошо помог Военный совет ЗаБВО и генерал-полковник Штерн со своим аппаратом. Большую неприятность причиняли комары, которых на Халхин-Голе великое множество. По вечерам они буквально заедали нас. Японцы спасались специальными накомарниками. Мы их не имели и изготавили с большим опозданием.

— Какую основную цель, по вашему мнению, преследовало японское правительство, организуя вторжение?— спросил М. И. Калинин.

— Ближайшая цель — захватить территорию МНР, находящуюся за рекой Халхин-Гол, а затем построить на реке Халхин-Гол укрепленный рубеж, чтобы прикрыть проектируемую к постройке вторую железную дорогу стратегического назначения, которая должна пройти к границе нашего Забайкалья западнее КВЖД.

— Теперь у вас есть боевой опыт,— сказал И. В. Сталин.— Принимайте Киевский округ и свой опыт используйте в подготовке войск.

Пока я находился в МНР, у меня не было возможности в деталях изучить ход боевых действий между Германией и англо-французским блоком. Пользуясь случаем, я спросил:

— Как понимать крайне пассивный характер войны на Западе и как предположительно будут в дальнейшем развиваться боевые события?

Усмехнувшись, И. В. Сталин сказал:

— Французское правительство во главе с Даладье и английское во главе с Чемберленом не хотят серьезно влезать в войну с Гитлером. Они все еще надеются подбить Гитлера на войну с Советским Союзом. Отказавшись в 1939 году от создания с нами антигитлеровского блока, они тем самым не захотели связывать руки Гитлеру в его агрессии против Советского Союза. Но из этого ничего не выйдет. Им придется самим расплачиваться за свою недальновидную политику.

Возвратясь в гостиницу «Москва», я долго не мог в ту ночь заснуть, находясь под впечатлением этой беседы.

Внешность И. В. Сталина, его негромкий голос, конкретность и глубина суждений, осведомленность в военных вопросах, внимание, с которым он слушал доклад, произвели на меня большое впечатление.

Командование Киевским особым военным округом

Назначение командующим самым большим военным округом я считал особой честью и делал все, чтобы оправдать высокое доверие Центрального Комитета партии и правительства.

Киевский особый военный округ был одним из передовых военных округов. В Белорусском военном округе, где я работал в 1922 — 1939 годах, с большим уважением относились к войскам Киевского округа, высоко ценили их боевую подготовку и оперативно-тактическую зрелость руководящего состава штабов и командования.

Радовало и то, что в округе придется работать вместе с опытными руководящими военачальниками и политработниками. Многих из них я знал лично, о многих слышал от других офицеров и генералов, с некоторыми товарищами работал долгие годы.

Начальником штаба Киевского особого военного округа в то время был генерал-лейтенант М. А. Пуркаев. Я работал вместе с М. А. Пуркаевым в Белорусском военном округе, где он тогда служил начальником штаба округа. Это был опытный и всесторонне знавший свое дело генерал, человек высокой культуры, штабист большого масштаба.

Начальником артиллерии округа был генерал Н. Д. Яковлев, крупный специалист в области техники и боевого применения артиллерии. Двумя армиями командовали генералы И. Н. Музыченко и Ф. Я. Костенко, с которыми мне довелось длительное время работать в 4-й Донской казачьей дивизии. Начальником оперативного отдела штаба округа был полковник П. Н. Рубцов, которого я знал по центральному аппарату Наркомата обороны. П. Н. Рубцова в скором времени заменил полковник Иван Христофорович Баграмян. Ивана Христофоровича

я знал как очень вдумчивого, спокойного, трудолюбивого, оперативно грамотного работника. Начальником снабжения округа оказался мой старый друг В. Е. Белокосков.

Хочется сказать доброе слово и о начальнике военно-воздушных сил округа генерале Е. С. Птухине, который был блестящим летчиком и командиром, преданным сыном нашей партии и отзывчивым товарищем.

За короткое время я близко познакомился и с остальным руководством округа. В него входили дельные и образованные командиры. Каждое служебное поручение они выполняли со знанием дела, пунктуальностью и творческой энергией.

Ознакомившись с состоянием округа, я счел своей обязанностью представиться секретарям ЦК КП Украины. Рассказав о действиях наших войск по разгрому 6-й японской армии на Халхин-Голе и поделившись своими первыми впечатлениями, я просил помочь в материально-бытовом обеспечении округа. Встретил самое доброжелательное отношение и был рад, что все так хорошо складывается.

В течение июня 1940 года побывал почти во всех частях и соединениях. Затем мы со штабом округа провели крупную командно-штабную полевую поездку со средствами связи в район Тернополя, Львова, Владимир-Волынского, Дубно — туда, где через год, в 1941 году, немцы по плану «Барбаросса» нанесли на Украине свой главный удар.

Учение показало, что во главе армий, соединений и их штабов стоят способные молодые офицеры и генералы. Правда, они нуждались в серьезной оперативно-тактической подготовке, так как лишь недавно получили повышение с менее значительных должностей. На этот вопрос было обращено внимание руководящего состава.

Летом и осенью 1940 года в войсках Киевского особого военного округа шла напряженная боевая подготовка. Осваивался тактический опыт, полученный Красной Армией в войне с Финляндией и в боях с японцами в районе реки Халхин-Гол. При этом учитывался опыт немецко-фашистских войск, накопленный в ходе боевых действий против ряда европейских государств.

Вторая мировая война была в то время уже в разгаре. Еще в конце 1936 года Германия и Италия заключили соглашение, образовав пресловутую «ось Берлин — Рим»,

а Германия и Япония — «Антикоминтерновский пакт», направленный якобы против Коммунистического Интернационала, а на самом деле объединявший агрессоров в их борьбе за мировое господство. В 1937 году к этому пакту присоединилась Италия. Тогда же Япония возобновила войну с целью захвата Китая. В 1938 году была ликвидирована как независимое государство Австрия. В то же время назревало вооруженное нападение на Чехословакию. «Завтра может быть уже поздно, — обращалось к миролюбивым государствам Советское правительство, — но сегодня время для этого не прошло, если все государства, в особенности великие державы, займут твердую недвусмысленную позицию в отношении проблем коллективного спасения мира».

Предложения СССР не были приняты.

На печально известной конференции западных держав в Мюнхене 29—30 сентября 1938 года Англия и Франция согласились передать Германии Судетскую область Чехословакии, чтобы якобы «спасти мир в последнюю минуту». Чехословацкая делегация ждала решения судьбы своей страны у закрытых дверей, СССР был отстранен от переговоров.

Мы были готовы помочь Чехословакии. Авиация и танки находились в боевой готовности. В районах, прилегающих к западной границе СССР, сосредоточилось до 40 дивизий. Но тогдашние правящие круги Чехословакии отказались от этой помощи, предпочитая позорную капитуляцию. 15 марта 1939 года Германия оккупировала Прагу. «Умиротворение» Гитлера дало свой естественный результат.

Такой оборот дела, который не раз предсказывал Советский Союз, поставил перед Англией и Францией вопрос: а вдруг Гитлер, которого они подталкивали на восток, повернет на запад? Правительства этих стран начали новый тур переговоров, встреч, совещаний с целью припугнуть Гитлера возможностью военного союза с СССР. Требуя от Советского Союза помощи в случае агрессии со стороны Германии, главы правительств этих государств Даладье и Чемберлен вместе с тем не хотели брать на себя какие-либо серьезные обязательства. Переговоры зашли в тупик, в том числе и переговоры между военными миссиями Англии, Франции и СССР.

Одним словом, если говорить о Европе — там господствовали нажим Гитлера и пассивность Англии и

Франции. Многочисленные меры и предложения СССР, направленные на создание эффективной системы коллективной безопасности, не находили поддержки среди лидеров капиталистических государств. Впрочем, это было естественно. Вся сложность, противоречивость и трагичность ситуации порождалась желанием правящих кругов Англии и Франции столкнуть лбами Германию и СССР.

Пока бомбы не разорвались в их собственном доме, классовые интересы давних союзников в борьбе против первого социалистического государства приводили к одному — они пятились перед Гитлером. Даладье и Чемберлену казалось, что им удастся все и вся перехитрить, вовремя увернуться от уже нацеленной и готовой к действиям германской фашистской военной машины, да еще подтолкнуть ее в последний момент на Советский Союз. Даже 1 сентября, когда Германия напала на Польшу, ее союзники, Англия и Франция, объявив войну Германии, практически не двинулись с места.

«Если мы еще в 1939 году не потерпели поражения, — признал на Нюрнбергском процессе начальник штаба оперативного руководства германского верховного командования Йодль, — то это только потому, что примерно 110 французских и английских дивизий, стоявших во время нашей войны с Польшей на Западе против 23 германских дивизий, оставались совершенно бездейственными».

От помощи Советского Союза правительство панской Польши отказалось. Оно «прозорливо» сооружало оборонительные линии и укрепления на востоке, готовясь к войне с Советским Союзом, а гитлеровские войска зашли тем временем с запада, севера и юга и быстро захватили склады вооружений. Несмотря на героическую борьбу польских патриотов, германские полчища замкнули польскую армию в огромный котел. Вторая мировая война принимала все более широкий размах.

Что же представляла собой в то тревожное время наша Красная Армия?

На XVIII съезде партии (март 1939 года) нарком обороны Маршал Советского Союза К. Е. Ворошилов доложил, что по сравнению с 1934 годом численность личного состава в армии возросла более чем вдвое, а моторизация ее — на 260 процентов. Он привел суммарные данные об огневой мощи наших стрелковых корпусов, которые были не ниже боевых возможностей корпуса

германской или французской армии. В полтора раза возросла конница, значительно (в среднем на 35 процентов) усиленная артиллерией, ручными и станковыми пулеметами и танками. Танковый парк возрос почти вдвое, его огневая мощь — почти в четыре раза. Увеличилась дальноточность артиллерии, скорострельность артиллерийских систем, особенно противотанковых и танковых пушек. Если в 1934 году весь воздушный флот мог поднять за один вылет 2000 тонн авиабомб, то теперь он поднимал уже на 208 процентов больше. Не только истребители, но и бомбардировщики обладали скоростью, превышавшей за 500 километров в час.

В Отчетном докладе XVIII съезду партии о работе ЦК ВКП(б) И. В. Сталин, характеризуя опасность новой империалистической войны, говорил, что наша страна, неизменно проводя политику сохранения мира, развернула вместе с тем серьезнейшую работу по усилению боевой готовности Красной Армии и Военно-Морского Флота. Так оно и было.

Между прочим, у нас довольно часто из историко-исследовательского оборота исчезают очень важные документы. Иногда буквально откровением звучат мысли и суждения по поводу довоенных лет, добытые с помощью косвенных данных и дополнительных исследовательских работ, хотя эти же мысли, а тем более факты содержатся в книгах, которые легко взять с библиотечной полки.

В частности, документы партийных съездов тех лет содержат богатейший исторический материал, отражают огромную работу, которую проделали партия и народ во всех областях жизни. Кстати, готовятся такие документы не отдельными людьми, а сотнями, тысячами квалифицированных специалистов, переворачивающих горы фактологического материала, прежде чем дать одну цифру в ответственный доклад.

Конечно, выступая на XVIII съезде партии, нарком обороны не мог дать абсолютных цифр, характеризующих могущество армии. Но вот на переговорах военных миссий СССР, Англии и Франции в августе 1939 года, которые, естественно, были секретными, приводились конкретные данные.

Эти переговоры представляют большой интерес. В них отчетливо отражается та серьезность и ответственность, с которой Советское правительство стремилось к созданию коллективной безопасности в Европе, наша

деловая, реальная готовность пойти во имя этого на многое. Советское правительство прямо поручало своим военным делегатам «подписать военную конвенцию по вопросам организации военной обороны Англии, Франции и СССР против агрессии в Европе».

Однако Англия и Франция прислали на переговоры, скажем прямо, деятелей второстепенных, опять-таки для прощупывания, зондажа, без искренней заинтересованности в успехе военного сотрудничества. В секретной инструкции английской миссии откровенно указывалось, что правительство Англии «не желает брать на себя какие-либо определенные обязательства», которые могут «связать ему руки». Миссии поручалось вести переговоры «весьма медленно», с русскими «обращаться сдержанно», в отношении военного соглашения «стремиться к тому, чтобы ограничиться... общими формулировками».

Вот выдержки из протоколов того времени. С одной стороны, они характеризуют боевые возможности нашей армии, которая была готова развернуться на западных границах нашей страны. С другой стороны, в них явно прослеживаются враждебные нам замыслы западных держав, пытавшихся недвусмысленно дать понять Гитлеру, что в походе на Восток англичане и французы ему мешать не будут.

Запись заседания военных миссий СССР, Англии и Франции 15 августа 1939 года

Заседание началось в 10 час. 07 мин.
Окончилось в 13 час. 20 мин.

...Командарм Б. М. Шапошников. На предыдущих заседаниях военных миссий мы заслушали план развертывания французской армии на западе. Согласно просьбе военных миссий Англии и Франции, по поручению военной миссии СССР я излагаю план развертывания вооруженных сил СССР на его западных границах.

Против агрессии в Европе Красная Армия в европейской части СССР развертывает и выставляет на фронт:

120 пехотных дивизий, 16 кавалерийских дивизий, 5 тысяч тяжелых орудий (сюда входят и пушки и гаубицы),

9—10 тысяч танков, от 5 до 5,5 тысячи боевых самолетов (без вспомогательной авиации), то есть бомбардировщиков и истребителей.

В это число не входят войсковые части укрепленных районов, части противовоздушной обороны, части охраны побережья, запасные части, отрабатывающие пополнение (депо), и части тыла.

Не распространяясь подробно об организации Красной Армии, скажу коротко: стрелковая пехотная дивизия состоит из 3 стрелковых полков и 2 артиллерийских полков. Численность дивизии военного времени — 19 тысяч человек.

Корпус состоит из 3 дивизий, имеет свою артиллерию — 2 полка. (Адмирал Дракс в разговоре с генералом Хейвудом интересуется, записывает ли кто-либо из офицеров сообщение командарма Б. М. Шапошникова, и получает утвердительный ответ.)

Армии различного состава корпусов — от 5 до 8 корпусов — имеют свою артиллерию, авиацию и танки.

Боевая готовность частей укрепленных районов от 4 до 6 часов по боевой тревоге.

Укрепленные районы СССР имеет вдоль всей своей западной границы от Ледовитого океана до Черного моря.

Сосредоточение армии производится в срок от 8 до 20 дней. Сеть железных дорог позволяет не только сосредоточить армию в указанные сроки к границе, но и произвести маневры вдоль фронта. Мы имеем вдоль западной границы от 3 до 5 рокад на глубину в 300 километров.

Мы имеем сейчас достаточное количество мощных больших паровозов и большие грузовые вагоны размером в два раза больше, чем были раньше. Наши поездные составы ходят в два раза большими по весу, чем было раньше. Увеличена скорость движения поездов.

Мы имеем значительный автотранспорт и рокады-шоссе, позволяющие произвести сосредоточение автотранспортов вдоль фронта...

...Я сейчас изложу одобренные военной миссией СССР три варианта возможных совместных действий вооруженных сил Англии, Франции и СССР в случае агрессии в Европе.

Первый вариант — это когда блок агрессоров нападет на Англию и Францию. В этом случае СССР выставляет 70 процентов тех вооруженных сил, которые Англией и

Францией будут непосредственно направлены против главного агрессора — Германии. Я поясню. Например, если бы Франция и Англия выставили против Германии непосредственно 90 пехотных дивизий, то СССР выставил бы 63 пехотные дивизии, 6 кавалерийских дивизий с соответствующим количеством артиллерии, танков, самолетов, общей численностью около 2 миллионов человек...

...Северный флот СССР ведет крейсерские операции у берегов Финляндии и Норвегии, вне их территориальных вод, совместно с англо-французской эскадрой... Балтийский флот СССР может развить свои крейсерские операции, действия подводных лодок и осуществить установку мин у берегов Восточной Пруссии и Померании. Подводные лодки Балтийского флота СССР помешают подвозу промышленного сырья из Швеции для главного агрессора.

(По мере изложения командармом Б. М. Шапошниковым плана действий адмирал Дракс и генерал Хейвуд наносят на имеющиеся у них кроки обстановку.)

Второй вариант возникновения военных действий — это когда агрессия будет направлена против Польши и Румынии...

...Участие СССР в войне может быть [осуществлено] только тогда, когда Франция и Англия договорятся с Польшей и по возможности с Литвой, а также с Румынией о пропуске наших войск и их действиях через Виленский коридор, через Галицию и Румынию.

В этом случае СССР выставляет 100 процентов тех вооруженных сил, которые выставят Англия и Франция против Германии непосредственно. Например, если Франция и Англия выставят против Германии 90 пехотных дивизий, то СССР выставляет 90 пехотных дивизий, 12 кавалерийских дивизий с соответствующей артиллерией, авиацией и танками.

Задачи морских флотов Англии и Франции остаются те же, что указаны в первом варианте...

...На юге Черноморский флот СССР, заградив устье Дуная от проникновения по нему подводных лодок агрессора и других возможных морских сил, закрывает Босфор от проникновения в Черное море надводных эскадр противника и их подводных лодок.

Третий вариант. Этот вариант предусматривает случай, когда главный агрессор, используя территорию Фин-

ляндии, Эстонии и Латвии, направит свою агрессию против СССР. В этом случае Франция и Англия должны немедленно вступить в войну с агрессором или блоком агрессоров.

Польша, связанная договорами с Англией и Францией, должна обязательно выступить против Германии и пропустить наши войска, по договоренности правительств Англии и Франции с правительством Польши, через Виленский коридор и Галицию.

Выше было указано, что СССР развертывает 120 пехотных дивизий, 16 кавалерийских дивизий, 5 тысяч тяжелых орудий, от 9 до 10 тысяч танков, от 5 до 5,5 тысячи самолетов. Франция и Англия должны в этом случае выставить 70 процентов от указанных только что сил СССР и начать немедленно активные действия против главного агрессора.

Действия англо-французского военно-морского флота должны проходить, как указано в первом варианте...

**Запись заседания военных миссий
СССР, Англии и Франции
17 августа 1939 года**

Заседание началось в 10 час. 07 мин.
Окончилось в 13 час. 43 мин.

Маршал К. Е. Ворошилов (председательствующий).
Заседание военных миссий объявляю открытым.

На сегодняшнем заседании нам предстоит заслушать сообщение об авиационных силах Советского Союза. Если нет никаких вопросов, я позволю себе предоставить слово командарму 2 ранга начальнику Военно-Воздушных Сил РККА Локтионову.

Командарм А. Д. Локтионов. Начальник Генерального штаба Красной Армии командарм 1 ранга Шапошников в своем докладе здесь сказал, что на западноевропейском театре Красная Армия развернет 5—5,5 тысячи боевых самолетов. Это количество составляет авиацию первой линии, помимо резерва.

Из указанной цифры современная авиация составляет 80 процентов со следующими скоростями: истребители — от 465 до 575 км/час и больше, бомбардировщики — от

460 до 550 км/час. Дальность бомбардировочной авиации—от 1800 до 4000 километров. Бомбовая нагрузка—от 600 килограммов на самолетах старых типов и до 2500 килограммов...

...Соотношение бомбардировочной, истребительной и войсковой авиации составляет: бомбардировочная—55 процентов, истребительная—40 процентов и войсковая—5 процентов.

Авиационные заводы Советского Союза в данное время работают в одну и только некоторые в две смены и выпускают для необходимой потребности в среднем 900—950 боевых самолетов в месяц, помимо гражданских и учебных.

В связи с ростом агрессии в Европе и на Востоке наша авиационная промышленность приняла необходимые меры для расширения своего производства до пределов, необходимых для покрытия нужд войны...

...Готовность основных соединений авиации по боевой тревоге исчисляется от 1 до 4 часов. Дежурные части находятся в постоянной боевой готовности.

В начальный период войны действия воздушных сил будут соответствовать разработанным планам Генерального штаба. Общий принцип действия воздушных сил определяется требованием сосредоточения усилий всех средств, как наземных, так и воздушных, в направлении главного удара. Отсюда действия авиации происходят в тесном взаимодействии с наземными войсками на поле боя и в глубину проводимой операции.

Целями бомбардировочной авиации будут являться: живая сила противника и ряд его важных военных объектов. Кроме того, бомбардировочная авиация будет получать задачи для действия по военным объектам и в более глубоком тылу противника. Советская авиация не ставит перед собой задачи бомбометания по мирному населению.

Истребительная авиация имеет своей задачей, помимо обороны ряда важных военных объектов, железных и шоссейных дорог, прикрытия сосредоточений наземных войск и авиации, защиты крупных городов в тесном взаимодействии с остальными средствами противовоздушной обороны—зенитной артиллерией и прочими средствами,—борьбу с авиацией противника и обеспечение боевых действий бомбардировочной и штурмовой авиации на поле боя в тесном взаимодействии с ними...

Маршал К. Е. Ворошилов. Слово имеет маршал Бернет.

Маршал Бернет. Я хотел бы от имени французской и английской миссий выразить генералу Локтионову нашу благодарность за точное изложение своего сообщения. На меня произвели сильное впечатление та энергия и организованность, с которыми Советский Союз сумел добиться таких выдающихся результатов в создании своей авиации...¹

Историки и мемуаристы любят ставить вопрос: «Что было бы, если?..» Действительно, если бы правительства Англии и Франции в 1939 году захотели объединить свои военные силы с Советским Союзом против агрессора, как мы это предлагали, судьба Европы была бы иная.

В марте 1940 года состоялось заседание Политбюро ЦК ВКП(б), которое имело большое значение для дальнейшего развития наших вооруженных сил. На заседании рассматривались итоги войны с Финляндией. Обсуждение было очень острым. Резкой критике подверглась система боевой подготовки и воспитания войск, был поставлен вопрос о значительном повышении боеспособности армии и флота.

В середине апреля по рекомендации Политбюро ЦК проводится расширенное совещание Главного военного совета. На него были приглашены участники войны с Финляндией, руководящий состав центрального аппарата, округов и армий. В результате работы этого совещания определяются важнейшие принципы организации боевой учебы войск с точки зрения требований момента. По решению ЦК ВКП(б) и правительства работу Наркомата обороны проверяет специальная комиссия во главе с А. А. Ждановым и Н. А. Вознесенским. Комиссия потребовала от центрального аппарата военного ведомства значительной активизации всей работы по укреплению армии, авиации и флота. На основании указаний ЦК ВКП(б) и рекомендаций Главного военного совета нарком обороны издает приказ «О боевой и политической подготовке войск на летний период 1940 года».

В чем заключалась суть требований, предъявленных нашим вооруженным силам партией и правительством в середине 1940 года?

Учитывая итоги советско-финляндского конфликта, а

---

¹ Международная жизнь, 1959, № 3.

самое главное — характер боевых действий начавшейся мировой войны, перед войсками была поставлена, остро и во всем объеме, задача учиться сегодня тому, что завтра будет нужно на войне. Началась реорганизация всех видов вооруженных сил и родов войск. Серьезные меры были приняты для укрепления единоначалия, порядка и дисциплины в войсках.

От командиров и начальников всех степеней, а также штабов приказ наркома потребовал изменения системы боевой подготовки и воспитания войск под одним углом зрения — так, как этого требует война. Обучение войск — приблизить к условиям боевой действительности, тренировать личный состав для действий в обстановке, требующей длительного физического напряжения. Тактические занятия проводить днем и ночью, в любую погоду, то есть с учетом фактора внезапности, следуя принципу — всегда быть в состоянии боевой готовности.

Приказ требовал от общевойсковых командиров глубокого изучения возможностей и боевых особенностей других родов войск, с тем чтобы умело поддерживать взаимодействие с ними во всех видах стремительного современного боя.

Все лето мы с членом Военного совета округа Владимиром Николаевичем Борисовым, командирами отдела боевой подготовки и оперативного отдела провели в войсках. Главное внимание уделяли полевой выучке командного состава, штабов и войск всех родов оружия.

В сентябре 1940 года в округ прибыл нарком обороны С. К. Тимошенко для проверки войск округа. (С. К. Тимошенко был назначен наркомом обороны 8 мая 1940 года.)

С 22 по 24 сентября состоялся смотр тактической подготовки 41-й стрелковой дивизии в районе Рава-Русская. В двустороннем полевом учении принимала участие авиация округа. Хорошо показала себя артиллерия 41-й стрелковой дивизии.

С 25 по 27 сентября смотровые учения состоялись в 99-й дивизии. Дивизия продемонстрировала отличные результаты и была награждена Красным знаменем. Артиллерия дивизии была награждена переходящим Красным знаменем артиллерии Красной Армии.

С 27 сентября по 4 октября прошли смотровые полевые учения штабов 37-го стрелкового корпуса, 6-го стрелкового корпуса, 36-й танковой бригады и 97-й стрелковой

дивизии. Штабы проявили высокую организацию и творческое отношение к делу, обеспечивающие командованию все условия для непрерывного управления войсками в сложной и быстро меняющейся обстановке. За отличную выучку штаб 37-го стрелкового корпуса был награжден переходящим Красным знаменем Генерального штаба Красной Армии, а комкор С. М. Кондрусев, начштаба Мендров — золотыми часами. Многие командиры получили ценные подарки.

Менее чем через год после этих учений 37-му стрелковому корпусу, а также 41, 99-й и 97-й стрелковым дивизиям пришлось сражаться с отборными фашистскими войсками. Бойцы и командиры этих соединений героически показали себя в первые, самые тяжкие дни войны.

Надо сказать, что смотровые учения в присутствии высших военных руководителей были весьма поучительными и мобилизующими. С. К. Тимошенко боевую подготовку бойца, частей и подразделений знал хорошо и любил это дело. С назначением его наркомом обороны в боевой подготовке войск был взят, как того требовала партия, правильный курс — учить тому, что потребуется на войне. Особенно много мы стали заниматься разведкой, боевым использованием местности как в целях наступления, так и обороны.

Мы неустанно внушали бойцам, сержантам и командирам, что подразделение и часть только тогда становятся грозной силой для противника, когда весь их состав отлично подготовлен. В этой связи с уважением вспоминаю начальника Управления политической пропаганды войск округа дивизионного комиссара Ефима Тарасовича Пожидаева. Он много сделал полезного в деле воспитания войск.

Я упомянул только об одном смотре, проведенном в округе наркомом С. К. Тимошенко. Таких учений командованием округа в течение 1940 года было проведено много, и потому не случайно в первые дни войны войска Юго-Западного фронта дрались умело и мужественно, нанося врагу чувствительные удары.

В конце сентября 1940 года из Генерального штаба было получено сообщение о том, что в декабре в Москве по указанию Центрального Комитета партии состоится совещание высшего командного состава армии. Мне поручался доклад на тему «Характер современной наступательной операции». Кроме того, предполагалось прове-

дение большой оперативно-стратегической игры, где я должен был играть за «синюю» сторону. Нарком потребовал представить проект доклада к 1 ноября.

Ввиду сложности темы и высокого уровня совещания пришлось работать над докладом целый месяц по многу часов в сутки. Большую помощь при этом мне оказал начальник оперативного отдела штаба округа Иван Христофорович Баграмян.

К назначенному времени проект был представлен наркому. А через две недели позвонил начальник Генерального штаба К. А. Мерецков и сказал, что мой проект доклада руководством одобрен и надо быть готовым к выступлению.

Совещание состоялось в конце декабря 1940 года. В его работе приняли участие командующие округами и армиями, члены военных советов и начальники штабов округов и армий, начальники всех военных академий, профессора и доктора военных наук, генерал-инспектора родов войск, начальники центральных управлений и руководящий состав Генерального штаба. На совещании все время присутствовали члены Политбюро ЦК ВКП(б).

Были сделаны важные сообщения. Генерал армии И. В. Тюленев подготовил основательный доклад «Характер современной оборонительной операции». Согласно заданию, он не выходил за рамки армейской обороны и не раскрывал специфику современной стратегической обороны.

Доклад на тему «Военно-воздушные силы в наступательной операции и в борьбе за господство в воздухе» сделал начальник Главного управления ВВС Красной Армии генерал-лейтенант П. В. Рычагов, особенно отличившийся в Испании. Это было очень содержательное выступление.

Генерал-лейтенант А. К. Смирнов выступил с докладом на тему «Бой стрелковой дивизии в наступлении и обороне».

Доклад по общим вопросам боевой и оперативной подготовки войск Красной Армии сделал начальник Генерального штаба генерал армии К. А. Мерецков. Он особо отметил недостаточную подготовленность высшего командного состава и штабов всех степеней. В тот момент это было в какой-то мере следствием массового выдвижения на высшие должности молодых кадров, еще

недостаточно подготовленных к оперативно-тактической и штабной работе.

Всеобщее внимание привлек доклад командующего Западным особым военным округом генерал-полковника Д. Г. Павлова «Об использовании механизированных соединений в современной наступательной операции». Это тогда был новый и большой вопрос. В своем хорошо аргументированном выступлении Д. Г. Павлов умело показал большую подвижность и пробивную силу танкового и механизированного корпусов, а также их меньшую, чем других родов войск, уязвимость от огня артиллерии и авиации.

Мой доклад «Характер современной наступательной операции» был также встречен хорошо. Участники совещания сделали ряд ценных дополнений и критических замечаний.

Все принявшие участие в прениях и выступивший с заключительным словом нарком обороны были единодушны в том, что, если война против Советского Союза будет развязана фашистской Германией, нам придется иметь дело с самой сильной армией Запада. На совещании подчеркивалась ее оснащенность бронетанковыми, моторизованными войсками и сильной авиацией, отмечался большой опыт организации и ведения современной войны.

Все выступавшие считали необходимым и в дальнейшем продолжать формировать танковые и механизированные соединения типа дивизия — корпус, с тем чтобы иметь равное соотношение в силах с немецкой армией. Много говорилось о реорганизации, перевооружении ВВС, противовоздушной и противотанковой обороны войск, а также о необходимости перевода артиллерии на механическую тягу, чтобы повысить ее подвижность и проходимость вне дорог¹.

В целом работа совещания показала, что советская военно-теоретическая мысль в основном правильно определяла главные направления в развитии современного

---

¹ А. И. Еременко в своей книге «В начале войны» (см. с. 47, 48, 49) излагает содержание пространного выступления И. В. Сталина на последнем заседании совещания высшего командного состава. В воспоминаниях А. И. Еременко вкралась ошибка: И. В. Сталин на этом заседании не присутствовал. — *Прим. автора.*

военного искусства. Нужно было скорее претворять все это в боевую практику войск. На основе выводов совещания через некоторое время были предприняты дальнейшие меры к повышению боевой готовности войск приграничных округов, совершенствованию штабного мастерства. В округах прошла новая волна крупных оперативно-стратегических игр и учений, разрабатывался план обороны госграницы, укреплялась организованность в войсках.

После совещания на другой же день должна была состояться большая военная игра, но нас неожиданно вызвали к И. В. Сталину.

И. В. Сталин встретил нас довольно сухо, поздоровался еле заметным кивком и предложил сесть за стол.

Он сделал замечание С. К. Тимошенко за то, что тот закрыл совещание, не узнав его мнения о заключительном выступлении наркома. На это С. К. Тимошенко ответил, что он послал ему проект своего выступления и полагал, что он с ним ознакомился и замечаний не имеет.

— Когда начнется у вас военная игра?—спросил И. В. Сталин.

— Завтра утром,—ответил С. К. Тимошенко.

— Хорошо, проводите ее, но не распускайте командующих. Кто играет за «синюю» сторону, кто за «красную»?

— За «синюю» (западную) играет генерал армии Жуков, за «красную» (восточную)—генерал-полковник Павлов.

С утра следующего дня началась большая оперативно-стратегическая военная игра. В основу стратегической обстановки были взяты предполагаемые события, которые в случае нападения Германии на Советский Союз могли развернуться на западной границе.

Руководство игрой осуществлялось наркомом обороны С. К. Тимошенко и начальником Генерального штаба К. А. Мерецковым; они «подыгрывали» за юго-западное стратегическое направление. «Синяя» сторона (немцы) условно была нападающей, «красная» (Красная Армия)—обороняющейся.

Военно-стратегическая игра в основном преследовала цель проверить реальность и целесообразность основных положений плана прикрытия и действия войск в начальном периоде войны.

Надо отдать должное Генеральному штабу: во всех подготовленных для игры материалах были отражены последние действия немецко-фашистских войск в Европе.

На западном стратегическом направлении игра охватывала фронт от Восточной Пруссии до Полесья. Состав фронтов: западная («синяя») сторона — свыше 60 дивизий, восточная («красная») — свыше 50 дивизий. Действия сухопутных войск поддерживались мощными воздушными силами.

Игра изобиловала драматическими моментами для восточной стороны. Они оказались во многом схожими с теми, которые возникли после 22 июня 1941 года, когда на Советский Союз напала фашистская Германия...

По окончании игры нарком обороны приказал Д. Г. Павлову и мне произвести частичный разбор, отметить недостатки и положительные моменты в действиях участников.

Общий разбор И. В. Сталин предложил провести в Кремле, куда пригласили руководство Наркомата обороны, Генерального штаба, командующих войсками округов и их начальников штабов. Кроме И. В. Сталина, присутствовали члены Политбюро.

Ход игры докладывал начальник Генерального штаба генерал армии К. А. Мерецков. Когда он привел данные о соотношении сил сторон и преимуществе «синих» в начале игры, особенно в танках и авиации, И. В. Сталин, будучи раздосадован неудачей «красных», остановил его, заявив:

— Не забывайте, что на войне важно не только арифметическое большинство, но и искусство командиров и войск.

Сделав еще несколько замечаний, И. В. Сталин спросил:

— Кто хочет высказаться?

Выступил нарком С. К. Тимошенко. Он доложил об оперативно-тактическом росте командующих, начальников штабов военных округов, о несомненной пользе прошедшего совещания и военно-стратегической игры.

— В 1941 учебном году, — сказал С. К. Тимошенко, — войска будут иметь возможность готовиться более целеустремленно, более организованно, так как к тому времени они должны уже устроиться в новых районах дислокации.

Конструкторы советской военной техники:

С. В. Ильюшин (слева).

А. Н. Туполев.

В. А. Дегтярев и Ф. В. Токарев.

Нарком обороны С. К. Тимошенко
и командующий Киевским военным округом Г. К. Жуков
на полевых учениях. 1940 г.

КРЕПЛА БОЕВАЯ ВЫУЧКА.

Командующий Киевским военным округом
генерал армии Г. К. Жуков на учениях.

На привале.

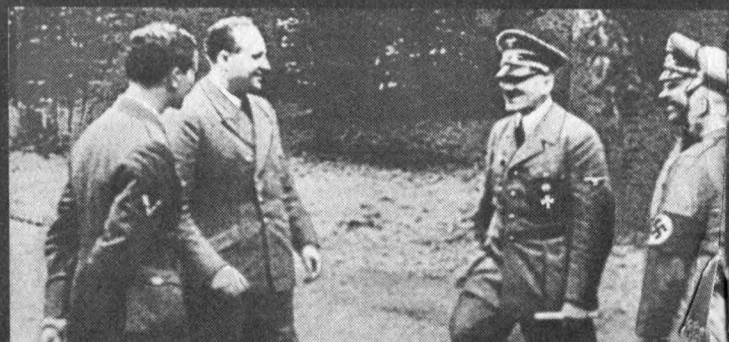
МИРНЫЙ СОЗИДАТЕЛЬНЫЙ ТРУД.

На Дальний Восток!

НАД МИРОМ НАВИСЛА УГРОЗА ФАШИЗМА.

Затем выступил генерал-полковник Д. Г. Павлов. Он начал с оценки прошедшего совещания.

— В чем кроются причины неудачных действий войск «красной» стороны?—спросил И. В. Сталин.

Д. Г. Павлов попытался отделаться шуткой, сказав, что в военных играх так бывает. Эта шутка И. В. Сталину явно не понравилась, и он заметил:

— Командующий войсками округа должен владеть военным искусством, уметь в любых условиях находить правильные решения, чего у вас в проведенной игре не получилось. Есть еще желающие высказаться?

Я попросил слова.

Отметив большую ценность подобных игр для роста оперативно-стратегического уровня высшего командования, предложил проводить их чаще, несмотря на всю сложность организации. Для повышения военной подготовки командующих и работников штабов округов и армий считал необходимым начать практику крупных командно-штабных полевых учений со средствами связи под руководством наркома обороны и Генштаба.

Затем коснулся строительства укрепленных районов в Белоруссии.

— По-моему, в Белоруссии укрепленные рубежи (УРы) строятся слишком близко к границе и они имеют крайне невыгодную оперативную конфигурацию, особенно в районе белостокского выступа. Это позволит противнику ударить из района Бреста и Сувалки в тыл всей нашей белостокской группировки. Кроме того, из-за небольшой глубины УРы не могут долго продержаться, так как они насквозь простреливаются артиллерийским огнем. Считаю, что нужно было бы строить УРы где-то глубже, дальше от государственной границы.

— А на Украине УРы строятся правильно?—спросил Д. Г. Павлов, видимо, недовольный тем, что я критикую его округ.

— Я не выбирал рубежей для строительства УРов на Украине, однако полагаю, что там тоже надо было бы строить их дальше от границы.

— Укрепленные районы строятся по утвержденным планам Главного военного совета, а конкретное руководство строительством осуществляет заместитель наркома обороны маршал Шапошников,—резко возразил К. Е. Ворошилов.

Поскольку началась полемика, я прекратил выступление и сел на место.

Затем по ряду проблемных вопросов выступили еще некоторые генералы.

Очень дельно говорил начальник Главного управления ВВС Красной Армии генерал П. В. Рычагов. Он настаивал на необходимости ускоренного развития наших воздушных сил на базе новейших самолетов и считал необходимым улучшить боевую подготовку летного состава.

Странное впечатление произвело выступление заместителя наркома обороны по вооружению маршала Г. И. Кулика. Он предложил усилить состав штатной стрелковой дивизии до 16—18 тысяч и ратовал за артиллерию на конной тяге. Из опыта боевых действий в Испании он заключал, что танковые части должны действовать главным образом как танки непосредственной поддержки пехоты и только поротно и побатальонно.

— С формированием танковых и механизированных корпусов,—сказал Г. И. Кулик,—пока следует воздержаться.

Нарком обороны С. К. Тимошенко бросил реплику:

— Руководящий состав армии хорошо понимает необходимость быстрейшей механизации войск. Один Кулик все еще путается в этих вопросах.

И. В. Сталин прервал дискуссию, осудив Г. И. Кулика за отсталость взглядов.

— Победа в войне,—заметил он,—будет за той стороной, у которой больше танков и выше моторизация войск.

На следующий день после разбора игры я был вызван к И. В. Сталину.

Поздоровавшись, И. В. Сталин сказал:

— Политбюро решило освободить Мерецкова от должности начальника Генерального штаба и на его место назначить вас.

Я ждал всего, но только не такого решения, и, не зная, что ответить, молчал. Потом сказал:

— Я никогда не работал в штабах. Всегда был в строю. Начальником Генерального штаба быть не могу.

— Политбюро решило назначить вас,—сказал И. В. Сталин, делая ударение на слове «решило».

Понимая, что всякие возражения бесполезны, я поблагодарил за доверие и сказал:

— Ну, а если не получится из меня хороший начальник Генштаба, буду проситься обратно в строй.

— Ну вот и договорились! Завтра будет постановление ЦК,— сказал И. В. Сталин.

Через четверть часа я был у наркома обороны. Улыбаясь, он сказал:

— Знаю, как ты отказывался от должности начальника Генштаба. Только что мне звонил товарищ Сталин. Теперь поезжай в округ и скорее возвращайся в Москву. Вместо тебя командующим округом будет назначен генерал-полковник Кирпонос, но ты его не жди, за командующего можно пока оставить начальника штаба округа Пуркаева.

С Михаилом Петровичем Кирпоносом мне не довелось работать вместе, но, по отзывам его сослуживцев, это был очень опытный общевойсковой командир, прошедший службу в старой армии. В период Февральской революции 1917 года он был избран председателем полкового солдатского комитета. В партию вступил в мае 1918 года. С 1934 по 1939 год был начальником Казанского пехотного училища имени Верховного Совета Татарской АССР. За успешное командование 70-й стрелковой дивизией в боевой обстановке ему было присвоено звание Героя Советского Союза. В июне 1940 года М. П. Кирпоноса назначили командующим Ленинградским военным округом.

Я был рад, что Киевский особый военный округ поручается такому достойному командиру. Конечно, у него, как и у многих других, еще не было необходимых знаний и опыта для руководства таким большим приграничным округом, но жизненный опыт, трудолюбие и природная сметка гарантировали, что из Михаила Петровича вырабатается первоклассный командующий войсками.

Вечером того же дня я выехал в Киев, чтобы оттуда отправиться в Москву. Откровенно говоря, ехал с тяжелым настроением. Мне всегда нравились Украина и чудесный древний Киев. Украинский народ оказал мне честь и доверие, избрав депутатом Верховного Совета Украины и Верховного Совета СССР. ЦК партии Украины энергично помогал войскам округа в организации полевой учебы и воспитательной работы, в устройстве быта.

За короткий срок пребывания на посту командующего я успел высоко оценить трудолюбие и творческое отношение к делу начальствующего состава округа, особенно И. Х. Баграмяна, Е. С. Птухина, Н. Д. Яковлева, командующих армиями и командиров соединений округа. Я глубоко верил в этих людей и чувствовал, что в час боевых испытаний на них вполне можно будет положиться. Дальнейшие события показали, что я в них не ошибся.

Из Москвы уже не раз звонил нарком, требуя, чтобы я быстрее завершил дела в округе.

В Киеве задержался недолго и 31 января был уже в Москве. На другой день, приняв дела от генерала армии К. А. Мерецкова, я вступил в должность начальника Генерального штаба.

Накануне Великой Отечественной войны

Весь февраль был занят тщательным изучением дел, непосредственно относящихся к деятельности Генерального штаба. Работал по 15—16 часов в сутки, часто оставался ночевать в служебном кабинете. Не могу сказать, что я тотчас же вошел в курс многогранной деятельности Генерального штаба. Все это далось не сразу. Большую помощь мне оказали Н. Ф. Ватутин, Г. К. Маландин, А. М. Василевский, В. Д. Иванов, А. И. Шимонаев, Н. И. Четвериков и другие работники Генерального штаба.

С чем же мы пришли к началу войны, была ли готова страна, ее вооруженные силы достойно встретить врага?

Исчерпывающий ответ на этот важнейший вопрос во всей совокупности политических, экономических, социальных и военных аспектов, с учетом всех объективных и субъективных факторов требует огромной исследовательской работы. Я уверен, что наши ученые, историки справятся с такой задачей.

Со своей стороны, я готов высказать мнение прежде всего о военной стороне дела, восстановив в меру сил и возможностей общую картину и обрисовав события тревожных месяцев и дней первой половины 1941 года.

Начнем с самого главного — развития нашей экономики и промышленности, основы обороноспособности страны.

Третий пятилетний план (1938—1942 гг.) являлся естественным продолжением второго и первого. Известно, что те две пятилетки были перевыполнены. Если говорить о промышленности, то она возросла за четыре года первой пятилетки в два раза, намеченное увеличение на вторую пятилетку в 2,1 раза практически завершилось ростом в 2,2 раза. XVIII съезд ВКП(б) утвердил рост

выпуска промышленной продукции на пять лет в 1,9 раза. Были ли какие-нибудь основания считать этот план нереальным, невыполнимым? Нет. Наоборот.

К июню 1941 года валовая продукция промышленности уже составила 86 процентов, а грузооборот железнодорожного транспорта — 90 процентов от уровня, намеченного на конец 1942 года. Было введено в действие 2900 новых заводов, фабрик, электростанций, шахт, рудников и других промышленных предприятий.

Если взять капиталовложения в их денежном выражении, то план предусматривал создание новых и реконструирование старых предприятий на сумму в 182 миллиарда рублей против 103 миллиардов рублей во второй и 39 миллиардов в первой пятилетке. Из этого видно, что даже с учетом имевшегося в последние годы удорожания строительства вводилось в действие производственных мощностей больше, чем за две предшествовавшие пятилетки, вместе взятые.

Как же обстояло дело с тяжелой и собственно оборонной промышленностью? В докладе XVIII съезду ВКП(б) об очередном плане развития народного хозяйства отмечалось, что в ходе выполнения прошлых планов пришлось ввиду осложнения международной обстановки вносить серьезные поправки в развитие тяжелой индустрии, значительно увеличив намеченный темп подъема оборонной промышленности. По плану третьей пятилетки по-прежнему особенно быстро шла вперед тяжелая и оборонная промышленность.

Действительно, ежегодный выпуск продукции всей промышленности возрастал в среднем на 13 процентов, а оборонной промышленности — на 39 процентов. Ряд машиностроительных и других крупных заводов был переведен на производство оборонной техники, развернулось строительство мощных специальных военных заводов.

Центральный Комитет партии помогал предприятиям, выпускавшим новую военную технику, в снабжении дефицитным сырьем, новейшим оборудованием. Чтобы крупные оборонные заводы имели все необходимое и обеспечивали осуществление заданий, туда посылались в качестве парторгов ЦК опытные партийные работники, видные специалисты. Должен сказать, что И. В. Сталин сам вел большую работу с оборонными предприятиями, хорошо знал десятки директоров заводов, парторгов, главных инженеров, встречался с ними, добываясь с при-

сущей ему настойчивостью выполнения намеченных планов.

Таким образом, с экономической точки зрения налицо был факт неуклонного и быстрого, я бы даже сказал форсированного, развития оборонной промышленности.

При этом не следует забывать, что, во-первых, этот гигантский рост в значительной степени достигался ценой исключительного трудового напряжения масс, во-вторых, он во многом происходил за счет развития легкой промышленности и других отраслей, непосредственно снабжавших население продуктами и товарами. Точно так же необходимо иметь в виду, что подъем тяжелой и оборонной промышленности происходил в условиях мирной экономики, в рамках миролюбивого, а не военизированного государства.

Поэтому еще больший нажим или крен в эту сторону практически означал бы уже переход с рельсов мирного развития страны на рельсы военного развития и привел бы к изменению, перерождению самой структуры народного хозяйства, ее милитаризации в прямой ущерб интересам трудящихся.

Естественно, с позиций послевоенных лет легко сказать, что на одном виде оружия следовало бы сделать больший акцент, на другом — меньший. Но даже с этих позиций невозможно было бы желать какого-либо кардинального, общехозяйственного изменения в предвоенной экономике.

Скажу больше. Вспоминая, как и что мы, военные, требовали от промышленности в самые последние мирные месяцы, вижу, что порой мы не учитывали до конца все реальные экономические возможности страны. Хотя со своей, так сказать, ведомственной точки зрения, мы и были правы.

Например, объективными обстоятельствами лимитировались предложения наркома обороны о расширении массового производства новейших образцов самолетов, танков, артиллерийских тягачей, грузовых автомобилей, средств связи и прочей боевой техники.

Конечно, в промышленной, оборонной сфере было много недостатков, трудностей, о которых мы еще будем говорить. В связи с огромным размахом строительства ощущалась нехватка квалифицированной рабочей силы, не доставало опыта в освоении производства нового ору-

жия и организации его массового выпуска. Потребности в боевой технике и вооружении стремительно уходили все вперед и вперед.

Порядок принятия нового образца вооружения в массовое производство был следующий.

Образцы проходили вначале заводские испытания, в которых принимали участие военные представители, затем войсковые, и только после этого Наркомат обороны давал свое заключение. Правительство при участии наркома обороны, наркомов военной промышленности и главных конструкторов рассматривало представленные новые образцы вооружения и военной техники и принимало окончательное решение по их производству.

На все это уходило порядочно времени. Бывало и так: пока шел процесс изготовления и испытания новой техники, у конструкторов был уже готов новый, более совершенный образец, и вполне закономерно, что в этом случае вопрос о принятии на вооружение откладывался до полного испытания новейшей модели.

В целом созданные за две довоенные пятилетки и особенно в три предвоенных года огромные производственные мощности обеспечивали основу обороноспособности страны.

С военной точки зрения исключительное значение имела линия партии на ускоренное развитие промышленности в восточных районах, создание предприятий-дублеров по ряду отраслей машиностроения, нефтепереработки и химии. Здесь сооружались три четверти всех новых доменных печей, вторая мощная нефтяная база между Волгой и Уралом, металлургические заводы в Забайкалье, на Урале и Амуре, крупнейшие предприятия цветной металлургии в Средней Азии, тяжелой индустрии на Дальнем Востоке, автосборочные заводы, алюминиевые комбинаты и трубопрокатные предприятия, гидростанции. Во время войны вместе с эвакуированными сюда предприятиями на востоке страны была создана промышленная база, обеспечивавшая отпор врагу и его разгром.

Два слова хотелось бы сказать о материальных резервах, заложенных накануне войны. Они преследовали цель обеспечить перевод хозяйства на военный лад и питание войск до тех пор, пока хозяйство не заработает целиком на нужды войны. С 1940 по июнь 1941 года общая

стоимость государственных материальных резервов увеличилась с 4 миллиардов до 7,6 миллиарда рублей ¹.

Сюда входили резервы производственных мощностей, топлива, сырья, энергетики, черных и цветных металлов, продовольствия. Эти запасы, заложенные накануне войны, хотя и были довольно скромными, помогли народному хозяйству, несмотря на тяжелый 1941 год, быстро взять темп и размах, необходимые для успешного ведения войны.

Итак, пульс тяжелой индустрии, оборонной промышленности бился учащенно, достиг в предвоенные годы и месяцы наивысшего напряжения и полноты. Строже, как бы собраннее становилась и жизнь государства в целом.

Внеочередная IV сессия Верховного Совета СССР в сентябре 1939 года принимает «Закон о всеобщей воинской обязанности». По новому закону в армию призываются лица, которым исполнилось 19 лет, а для окончивших среднюю школу призывной возраст устанавливается в 18 лет. Для более совершенного овладения военным делом были увеличены сроки действительной службы: для младших командиров сухопутных войск и ВВС — с двух до трех лет, для всего рядового состава ВВС, а также рядового и младшего комсостава пограничных войск — до четырех лет, на кораблях и в частях флота — до пяти лет.

Выполнение третьего пятилетнего плана в целом и заданий в области тяжелой и оборонной промышленности в частности, а также угроза военного нападения на СССР требовали увеличения количества рабочего времени, отданного народному хозяйству. В связи с этим Президиум Верховного Совета СССР 26 июня 1940 года принимает Указ «О переходе на восьмичасовой рабочий день, на семидневную неделю и о запрещении самовольного ухода рабочих и служащих с предприятий и учреждений». Создается новая система подготовки квалифицированной рабочей силы в ремесленных и железнодорожных училищах, школах фабрично-заводского обучения, которые готовили в среднем от 800 тысяч до 1 миллиона человек в год.

Тогда же, в середине 1940 года, Президиум Верховного Совета СССР издал Указ «Об ответственности за

---

¹ См.: Вознесенский Н. А. Военная экономика СССР в период Отечественной войны. М., Госполитиздат, 1947, с. 154.

выпуск недоброкачественной продукции и за несоблюдение обязательных стандартов промышленными предприятиями». Вводились строгие меры, способствовавшие улучшению руководства предприятиями, укреплялись дисциплина, ответственность и порядок.

Государственный аппарат, управление промышленностью тоже претерпевают серьезные изменения, становятся гибче, ликвидируются громоздкость, излишняя централизация. Наркомат оборонной промышленности разделяется на четыре новых наркомата — авиационной, судостроительной промышленности, боеприпасов, вооружения; Наркомат машиностроения разделяется на наркоматы тяжелого, среднего и общего машиностроения.

Создаются новые народные комиссариаты (автомобильного транспорта, строительства и др.), которые имеют прямое отношение к укреплению обороны страны. Перестраивается работа Экономсовета при СНК СССР. На его базе создаются хозяйственные советы по оборонной промышленности, металлургии, топливу, машиностроению и т. д. Председателями советов назначаются крупные государственные деятели, заместители Председателя СНК СССР Н. А. Вознесенский, А. Н. Косыгин, В. А. Малышев и другие.

Все эти изменения вызывались исключительно возросшим объемом работы, требованиями подготовки к активной обороне от агрессии, возможность которой нарастала с каждым месяцем.

Применительно к условиям времени, а также в связи с новым «Законом о всеобщей воинской обязанности» реорганизуется и центральный военный аппарат, местные органы военного управления. В автономных республиках, областях и краях создаются военные комиссариаты, вводится в действие новое положение об их деятельности.

Большие, принципиальные вопросы в Наркомате обороны рассматривались на Главном военном совете Красной Армии. Председателем Главного военного совета был нарком обороны, его членами являлись заместители наркома и один из членов Политбюро ЦК ВКП(б). Особо важные вопросы обычно решались в присутствии И. В. Сталина и других членов Политбюро ЦК ВКП(б).

Решением ЦК партии и Советского правительства от 8 марта 1941 года было уточнено распределение обязанностей в Наркомате обороны СССР.

Руководство Красной Армией осуществлялось нарко-

мом обороны через Генеральный штаб, его заместителей и систему главных и центральных управлений. Ему же непосредственно подчинялось Главное автобронетанковое управление, Управление делами, Финансовое управление, Управление кадров и Бюро изобретений.

Перед войной обязанности внутри Наркомата обороны были распределены следующим образом:

Заместитель наркома, начальник Генерального штаба генерал армии Г. К. Жуков — Управление связи, Управление снабжения горючим, Главное управление ПВО, Академия Генерального штаба и Академия имени М. В. Фрунзе.

Первый заместитель наркома Маршал Советского Союза С. М. Буденный — Главное интендантское управление, Санитарное и Ветеринарное управления Красной Армии, Отдел материальных фондов.

Заместитель наркома по артиллерии Маршал Советского Союза Г. И. Кулик — Главное артиллерийское управление, Управление химической защиты и Артиллерийская академия.

Заместитель наркома Маршал Советского Союза Б. М. Шапошников — Главное военно-инженерное управление, Управление оборонительного строительства.

Заместитель наркома по боевой подготовке генерал армии К. А. Мерецков — Инспекция всех родов войск, Управление военно-учебных заведений и боевой подготовки Красной Армии.

Заместитель наркома генерал-лейтенант авиации П. В. Рычагов — Главное управление Военно-Воздушных Сил Красной Армии.

Заместитель наркома армейский комиссар 1 ранга А. И. Запорожец — Главное управление политической пропаганды Красной Армии, издательские и культурно-просветительные учреждения Красной Армии, Военно-политическая академия имени В. И. Ленина, Военно-юридическая академия и военно-политические училища.

Хочу напомнить, что Генеральный штаб Красной Армии возглавляли с 1931 года А. И. Егоров, с 1937 года — Маршал Советского Союза Б. М. Шапошников, с августа 1940 года по февраль 1941 года — генерал армии К. А. Мерецков.

Посмотрим теперь, как выглядели в преддверии войны наши вооруженные силы. При этом для удобства читателя и облегчения выводов будет лучше, если мы

изложим все это по такой схеме: что уже было сделано народом, партией и правительством, что мы собирались сделать в ближайшее время и что сделать не успели или не сумели. Конечно, все это в основных чертах, используя небольшое количество данных.

Стрелковые войска. В апреле 1941 года для стрелковых войск был введен штат военного времени. Стрелковая дивизия — основное общевойсковое соединение Красной Армии — включала три стрелковых и два артиллерийских полка, противотанковый и зенитный дивизионы, разведывательный и саперный батальоны, батальон связи, тыловые части и учреждения. По штатам военного времени дивизии надлежало иметь около 14 с половиной тысяч человек, 78 полевых орудий, 54 противотанковые 45-мм пушки, 12 зенитных орудий, 66 минометов калибра 82—120 мм, 16 легких танков, 13 бронемашин, более трех тысяч лошадей. Полностью укомплектованные дивизии могли представлять собой достаточно мобильное и грозное боевое соединение.

В 1939, 1940 и первой половине 1941 года войска получили более 105 тысяч ручных, станковых и крупнокалиберных пулеметов, более 100 тысяч автоматов. Это при том, что выпуск стрелково-артиллерийского вооружения в это время несколько снизился, потому что устаревшие виды снимались с производства, а новые из-за сложности и конструкторских особенностей не так-то просто было поставить на поток.

В середине марта 1941 года С. К. Тимошенко и я просили разрешения И. В. Сталина призвать приписной состав запаса для стрелковых дивизий, чтобы иметь возможность переподготовить его в духе современных требований. Сначала наша просьба была отклонена. Нам было сказано, что призыв приписного состава запаса в таких размерах может дать повод немцам спровоцировать войну. Однако в конце марта было решено призвать пятьсот тысяч солдат и сержантов и направить их в приграничные военные округа для доукомплектования, с тем чтобы довести численность стрелковых дивизий хотя бы до 8 тысяч человек.

Чтобы не возвращаться к этому вопросу, скажу, что несколькими днями позже было разрешено призвать еще 300 тысяч приписного состава для укомплектования специалистами укрепрайонов и других родов и видов воору-

женных сил, артиллерии резерва Главного Командования, инженерных войск, войск связи, противовоздушной обороны и службы тыла военно-воздушных сил. Итак, накануне войны Красная Армия получила дополнительно около 800 тысяч человек. Сборы планировалось провести в мае — октябре 1941 года.

В итоге накануне войны в приграничных округах из ста семидесяти дивизий и двух бригад — 19 дивизий были укомплектованы до 5—6 тысяч человек, 7 кавалерийских дивизий в среднем по 6 тысяч человек, 144 дивизии имели численность по 8—9 тысяч человек. Во внутренних округах большинство дивизий содержалось по сокращенным штатам, а многие стрелковые дивизии только формировались и начинали боевую учебу.

Бронетанковые войска. Говоря ранее о советской танковой промышленности, я уже подчеркивал высокие темпы ее развития и большое совершенство конструкций отечественных машин. К 1938 году по сравнению с началом тридцатых годов производство танков возросло более чем в три раза. В связи с новыми требованиями обороны страны ЦК ВКП(б) и Советское правительство поставили перед конструкторами и танкостроителями задачу создания танков с более мощной броневой защитой и вооружением при высокой подвижности и надежности в эксплуатации.

Талантливые коллективы конструкторов под руководством Ж. Я. Котина создают тяжелый танк КВ, конструкторское бюро М. И. Кошкина, А. А. Морозова и Н. А. Кучеренко — знаменитый средний танк Т-34. Моторостроители дали мощный дизельный танковый двигатель В-2. КВ и Т-34 оказались лучшими из машин, созданных накануне войны. И в ходе войны они уверенно сохраняли превосходство над аналогичными типами машин противника. Дело было за тем, чтобы как можно быстрее наладить их массовое производство.

По указанию ЦК ВКП(б) Комитет обороны в декабре 1940 года, изучив положение с производством новых танков, доложил ЦК о том, что некоторые заводы планы не выполняют, имеются большие трудности в отработке технологического процесса, вооружение войск танками КВ и Т-34 идет крайне медленными темпами. Правительством были приняты необходимые меры. Парал-

тельно принимаются постановления ЦК ВКП(б) и Совета Народных Комиссаров, имевшие исключительное значение для обороны страны, об организации массового производства танков в Поволжье и на Урале.

С января 1939 года по 22 июня 1941 года Красная Армия получила более семи тысяч танков, в 1941 году промышленность могла дать около 5,5 тысячи танков всех типов. Что касается КВ и Т-34, то к началу войны заводы успели выпустить всего лишь 1861 танк. Этого, конечно, было очень мало. Практически новые танки только со второй половины 1940 года начали поступать в бронетанковые училища и в войска приграничных округов.

К трудностям, связанным с количественной стороной дела, прибавились проблемы организационные. Быть может, читатель помнит, что наша армия была пионером создания крупных механизированных соединений — бригад и корпусов. Однако опыт использования такого рода соединений в специфических условиях Испании был оценен неправильно, и мехкорпуса в нашей армии были ликвидированы. Между тем мы еще в сражениях на Халхин-Голе добились положительных результатов, применяя танковые соединения. Широко использовались танковые соединения Германией в ее агрессивных действиях против стран Европы.

Необходимо было срочно вернуться к созданию крупных бронетанковых соединений.

В 1940 году начинается формирование новых мехкорпусов, танковых и механизированных дивизий. Было создано 9 мехкорпусов. В феврале 1941 года Генштаб разработал еще более широкий план создания бронетанковых соединений, чем это предусматривалось решениями правительства в 1940 году.

Учитывая количество бронетанковых войск в германской армии, мы с наркомом просили при формировании механизированных корпусов использовать существующие танковые бригады и даже кавалерийские соединения как наиболее близкие к танковым войскам по своему «маневренному духу».

И. В. Сталин, видимо, в то время еще не имел определенного мнения по этому вопросу и колебался. Время шло, и только в марте 1941 года было принято решение о формировании просимых нами 20 механизированных корпусов.

Однако мы не рассчитали объективных возможностей нашей танковой промышленности. Для полного укомплектования новых мехкорпусов требовалось 16,6 тысячи танков только новых типов, а всего около 32 тысяч танков. Такого количества машин в течение одного года практически взять было неоткуда, доставало и технических, командных кадров.

Таким образом, к началу войны нам удалось оснастить меньше половины формируемых корпусов. Как раз они, эти корпуса, и явились главной силой в отражении первых ударов противника, а те, которые только начали формироваться, оказались подготовленными лишь к периоду Сталинградской контрнаступательной операции, где сыграли решающую роль.

Артиллерия. По уточненным архивным данным, с 1 января 1939 года по 22 июня 1941 года Красная Армия получила от промышленности 29 637 полевых орудий, 52 407 минометов, а всего орудий и минометов, с учетом танковых пушек,—92 578. Подавляющее большинство этого оружия приходилось на войсковую артиллерию, входившую в штат частей и соединений. Войсковая артиллерия приграничных округов была в основном укомплектована орудиями до штатных норм.

Непосредственно накануне войны мы располагали шестьюдесятью гаубичными и четырнадцатью пушечными артиллерийскими полками РГК. Артиллерии резерва Главного Командования, учитывая специфику войны с Германией, у нас было недостаточно.

Весной 1941 года мы начали формирование десяти противотанковых артиллерийских бригад, но полностью укомплектовать их к июню не удалось. К тому же артиллерийская тяга плохой проходимости не позволяла осуществлять маневрирование вне дорог, особенно в осенне-зимний период. И все же противотанковые артиллерийские бригады сыграли исключительную роль в уничтожении танков врага. В некоторых случаях это было единственно надежное средство сдерживания его массовых танковых атак.

Маршал Г. И. Кулик, являясь главным докладчиком И. В. Сталину по вопросам артиллерии, не всегда правильно ориентировал его в эффективности того или иного образца артиллерийско-минометного вооружения.

К началу войны он, вместе с Главным артиллерий-

ским управлением, не оценил такое мощное реактивное оружие, как БМ-13 («катюши»), которое первыми же залпами в июле 1941 года обратило в бегство вражеские части. Комитет обороны только в июне принял постановление о его срочном серийном производстве.

Надо отдать должное нашим вооруженцам за их оперативность и творческое трудолюбие. Они сделали все возможное, чтобы через 10—15 дней после начала войны войска получили первые партии этого грозного оружия.

В свое время можно было больше сделать и в отношении минометов. Программа была ясна—ее определило постановление Политбюро ЦК ВКП(б) от 30 января 1940 года «Об увеличении производства минометов и мин». Однако в требуемых масштабах армия начала получать 82-мм и 120-мм минометы только перед самой войной. В июне 1941 года в количественном и качественном отношении наши минометы уже значительно превосходили немецкие.

И. В. Сталин считал артиллерию важнейшим средством войны, много уделял внимания ее совершенствованию. Наркомом вооружения тогда был Д. Ф. Устинов, наркомом боеприпасов — Б. Л. Ванников, главными конструкторами артиллерийских систем — генералы И. И. Иванов, В. Г. Грабин.

Всех этих людей И. В. Сталин знал хорошо, часто с ними встречался и целиком доверял им.

Войска связи, инженерные войска. Железные и шоссейные дороги. Комиссия ЦК ВКП(б) и СНК СССР, работавшая в середине 1940 года, справедливо указала на то, что количество инженерных войск в мирное время не могло обеспечить их нормальное развертывание на случай войны ¹.

Накануне войны штаты кадровых частей этих войск были увеличены, сформированы новые части, улучшилась общая подготовка инженерных войск, структура и оперативный расчет частей связи; начальники связи соединений стали больше заниматься работой по подготовке связи к действиям в условиях военного времени; в войска начали поступать новая инженерная техника и средства связи. Однако изжить все недостатки в инженер-

---

¹ Архив МО СССР, ф. 2, оп. 75 593, д. 14, л. 59.

ных войсках и войсках связи до начала войны мы не успели.

В конце февраля мы совместно с наркомом обороны подробно рассмотрели вопрос о ходе строительства укрепленных рубежей вдоль государственной границы, состояние железных, шоссейных и грунтовых дорог и средств связи.

Генералы Н. Ф. Ватутин, Г. К. Маландин и А. М. Василевский обстоятельно доложили о положении дел. Выводы в основном сводились к следующему.

Сеть шоссейных дорог в западных областях Белоруссии и Украины была в плохом состоянии. Многие мосты не выдерживали веса средних танков и артиллерии, а проселочные дороги требовали капитального ремонта.

Мой первый заместитель Н. Ф. Ватутин сделал подробный доклад наркому о состоянии железных дорог всех приграничных военных округов.

— Приграничные железнодорожные районы мало приспособлены для массовой выгрузки войск, — докладывал Н. Ф. Ватутин. — Об этом свидетельствуют следующие цифры. Железные дороги немцев, идущие к границе Литвы, имеют пропускную способность 220 поездов в сутки, а наша литовская дорога, подходящая к границам Восточной Пруссии, — только 84. Не лучше обстоит дело на территории западных областей Белоруссии и Украины: здесь у нас почти вдвое меньше железнодорожных линий, чем у противника. Железнодорожные войска и строительные организации в течение 1941 года явно не смогут выполнить те работы, которые нужно провести.

В ответ нарком заметил, что в 1940 году по заданию ЦК ВКП(б) Наркомат путей сообщения разработал семилетний план технической реконструкции западных железных дорог. Однако пока ничего серьезного не сделано, кроме перешивки колеи и элементарных работ по приспособлению железнодорожных сооружений под погрузку и выгрузку войск и вооружения.

Командующий Западным военным округом Д. Г. Павлов 18 февраля 1941 года послал донесение № 867 на имя И. В. Сталина, В. М. Молотова и С. К. Тимошенко. Он просил выделить значительные средства на проведение работ по шоссейно-грунтовому строительству и, в частности, писал:

«Считаю, что западный театр военных действий должен быть обязательно подготовлен в течение 1941 года, а поэтому растягивать строительство на несколько лет считаю совершенно невозможным».

Начальник войск связи Красной Армии генерал-майор Н. И. Гапич докладывал нам о нехватке современных средств связи и об отсутствии достаточных мобилизационных и неприкосновенных запасов имущества связи.

Действительно, радиосеть Генштаба была обеспечена радиостанциями типа РАТ только на 39 процентов, а радиостанциями типа РАФ и заменяющими их 11-АК и др.—на 60 процентов, зарядными агрегатами—на 45 процентов и т. д. Приграничный Западный военный округ располагал радиостанциями только на 27 процентов, Киевский военный округ—на 30 процентов, Прибалтийский военный округ—на 52 процента. Примерно так же обстояло дело и с другими средствами радио- и проводной связи.

Перед войной считалось, что для руководства фронтами, внутренними округами и войсками резерва Главного Командования в случае войны будут использованы преимущественно средства Наркомата связи и ВЧ Наркомата внутренних дел. Узлы связи Главного Командования, Генштаба и фронтов получают все нужное от местных органов Наркомата связи. Но они, как потом оказалось, к работе в условиях войны подготовлены не были.

С состоянием местных органов связи я был знаком по маневрам и командно-штабным полевым учениям, когда на арендных началах пользовался их услугами. Еще тогда мы сомневались в способности местных органов обеспечить вооруженные силы устойчивой связью во время войны.

Все эти обстоятельства обусловили главный недостаток в подготовке командиров, штабов соединений и армейских объединений: отсутствие умения хорошо управлять войсками в сложных и быстро меняющихся условиях боевой обстановки. Командиры и штабы избегали пользоваться радиосвязью, предпочитая связь проводную. Что из этого получилось в первые дни войны—известно. Внутренняя радиосвязь в подразделениях боевой авиации, в аэродромной сети, в танковых подразделениях и частях, где проводная связь вообще неприменима, осуществлялась слабо.

Подземной кабельной сети, необходимой для обслуживания оперативных и стратегических инстанций, не было вовсе.

Нужны были срочные мероприятия, чтобы привести телефонно-телеграфную сеть, радио- и радиотрансляционную сеть в надлежащий порядок.

Разговоры по этим вопросам с Наркоматом связи ни к чему не привели. И не потому, что кто-то не хотел делать лишнюю работу: улучшение организации связи было совершенно очевидной необходимостью. Наркомат не мог физически выполнить требования армии. То, что было сделано в конце 1940 — начале 1941 года для улучшения местной связи и связи отдельных центров с Москвой, не могло решить поставленную задачу.

Выслушав наши сообщения, С. К. Тимошенко сказал: — Я согласен с вашей оценкой положения. Но думаю, что едва ли можно что-нибудь сделать серьезное, чтобы сейчас же устранить все эти недостатки. Вчера я был у товарища Сталина. Он получил телеграмму Павлова и приказал передать ему, что при всей справедливости его требований у нас нет сегодня возможности их удовлетворить.

Военно-Воздушные Силы. Я уже говорил, что партия и правительство всегда уделяли большое внимание развитию советской авиации. В 1939 году Комитет обороны принимает постановление о строительстве девяти новых самолетостроительных заводов и семи авиамоторных, на следующий год еще семь заводов, уже из других отраслей народного хозяйства, перестраиваются на выпуск авиационной продукции, предприятия оснащаются первоклассным оборудованием. Авиапромышленность к концу 1940 года возрастает по сравнению с 1939 годом более чем на 70 процентов. Параллельно строятся новые авиамоторные предприятия и заводы авиаприборов на площадках предприятий, переданных авиапромышленности из других отраслей народного хозяйства.

По уточненным архивным данным, с 1 января 1939 года по 22 июня 1941 года Красная Армия получила от промышленности 17 745 боевых самолетов, из них 3719 самолетов новых типов.

Начинался новый этап развития авиации. Практически был полностью реконструирован ЦАГИ, создаются новые конструкторские бюро военной авиации. Талант-

ливые конструкторы С. В. Ильюшин, А. И. Микоян, С. А. Лавочкин, В. М. Петляков, А. С. Яковлев вместе со своими молодыми коллективами дают военной авиации истребители Як-1, МиГ-3, ЛаГГ-3, штурмовик Ил-2, пикирующий бомбардировщик Пе-2 и многие другие — всего около двадцати типов.

В конце 1940 — начале 1941 года развертывается борьба за ускоренное серийное освоение лучших типов самолетов. ЦК ВКП(б) и лично И. В. Сталин много времени и внимания уделяют авиационным конструкторам. Можно сказать, что авиация была даже в какой-то степени увлечением И. В. Сталина.

Однако промышленность все же не поспевала за требованиями времени. В количественном отношении накануне войны в авиации преобладали машины старых конструкций. Примерно 75—80 процентов общего числа машин по своим летно-техническим данным уступали однотипным самолетам фашистской Германии. Материальная часть новых самолетов только осваивалась, современной авиационной техникой мы успели перевооружить не более 21 процента авиационных частей.

Правда, само число авиационных соединений резко возрастает — к июню 1941 года общее количество авиационных полков в строю по сравнению с 1939 годом значительно увеличивается. Высшим тактическим соединением истребительной, штурмовой и бомбардировочной авиации становится дивизия, преимущественно смешанная, состоявшая из четырех-пяти полков. Каждый полк включал четыре-пять эскадрилий.

Такая система организации Военно-Воздушных Сил позволяла обеспечить лучшее взаимодействие в бою различных родов авиации и самой авиации с сухопутными силами. Накануне войны соотношение между важнейшими родами ВВС было следующим: бомбардировочные авиаполки — 45 процентов, истребительные — 42 процента, штурмовые, разведывательные и другие — 13 процентов¹.

В конце 1940 года нарком обороны, Генеральный штаб вместе со штабом ВВС разработали и внесли в ЦК ВКП(б) предложения по реорганизации и перевооружению Военно-Воздушных Сил. Наши предложения были быстро рассмотрены и утверждены.

---

¹ Архив МО СССР, ф. 35, оп. 107 559, д. 13, л. 160.

Постановлением «О реорганизации авиационных сил Красной Армии» предусматривалось формирование новых частей (106 авиаполков), расширение и укрепление военно-учебных заведений ВВС, перевооружение боевых соединений новыми образцами самолетов. К концу мая 1941 года удалось сформировать и почти полностью укомплектовать 19 полков.

Вскоре был сделан еще один шаг на пути укрепления ВВС—10 апреля 1941 года ЦК ВКП(б) и СНК СССР приняли постановление о реорганизации системы тыла ВВС. Было решено сформировать тыл ВВС по территориальному принципу—изъять из строевых частей и соединений ВВС органы и учреждения тыла, создать районы авиационного базирования и батальоны аэродромного обслуживания.

Районы авиационного базирования становились органами тыла ВВС армий, округа, фронта. В составе района должны были быть авиационные базы по одной на дивизию, которые объединяли батальоны аэродромного обслуживания по одному на каждый авиационный полк. Разведывательная и войсковая авиация оставалась со своими штатными тылами. Переход на новую, более гибкую организацию тыла ВВС надлежало осуществить в июле 1941 года. Практически же все пришлось заканчивать в ходе войны.

Сам характер возможных боевых операций определил необходимость значительного увеличения воздушно-десантных войск. В апреле 1941 года начинается формирование пяти воздушно-десантных корпусов. К 1 июня их удалось укомплектовать личным составом, но боевой техники не хватало. Поэтому в начале войны задачи авиадесантных войск могли выполнить только старые авиадесантные бригады, объединенные в новые корпуса, а большинство личного состава новых соединений использовалось как стрелковые войска.

В феврале 1941 года ЦК ВКП(б) и СНК СССР утвердили дополнительный план строительства аэродромов. Предусматривалось создать в западных районах 190 новых аэродромов. К началу войны аэродромные работы были в полном разгаре, однако преобладающее большинство их не было закончено.

В целом война застала наши военно-воздушные силы в стадии широкой реорганизации, перехода на новую материальную часть и переучивания летно-технического

состава. К полетам в действительно сложных условиях успели подготовиться лишь отдельные соединения, а к ночным полетам — не более 15 процентов летного состава. Командование ВВС, уделив большое внимание переучиванию летного состава на новую материальную часть, несколько ослабило внимание к поддержанию боевой готовности на старой материальной части.

Буквально через год-полтора наша авиация могла предстать в совершенно обновленном, мощном боевом виде.

Войска ПВО. Угроза воздушного нападения на СССР в предвоенные годы отчетливо нарастала. Поэтому ЦК ВКП(б) повысил требования к противовоздушной обороне страны, наметил конкретные меры значительного усиления обороны с воздуха. Прежде всего были проведены важные организационные преобразования, поскольку система ПВО, принятая в 1932 году, серьезно устарела.

Территория страны была разделена на зоны ПВО, соответствовавшие границам всех тогдашних военных округов.

В состав зоны ПВО входили соединения и части, предназначенные для обороны городов и объектов на территории данной зоны.

Ответственность командующих войсками округов за противовоздушную оборону была повышена, притом авиация, выделяемая из состава ВВС округа для решения задач ПВО, оставалась в подчинении ВВС округа. Конечно, было бы лучше обеспечить единство руководства и централизовать управление ПВО в масштабе всей страны. Это удалось сделать уже в ходе войны, в ноябре 1941 года.

Как и чем были вооружены силы ПВО?

К июню 1941 года орудиями среднего калибра они были обеспечены примерно на 85 процентов, малого калибра — на 70 процентов. Некомплект по истребителям составлял 40 процентов, укомплектованность зенитными пулеметами — 70 процентов, по аэростатам заграждения и прожекторам — до половины.

ПВО западных приграничных районов, а также Москвы и Ленинграда была оснащена лучше. Западные округа получали новую материальную часть в большем количестве, чем другие округа, зенитными орудиями они были оснащены на 90—95 процентов, располагали новыми

средствами обнаружения и наблюдения за воздушным противником. Войска, оборонявшие Москву, Ленинград и Баку, имели в своем составе более 40 процентов всех зенитных артиллерийских батарей среднего калибра. В ленинградской и московской зонах ПВО было дислоцировано до 30 радиолокационных станций РУС-2.

По нашему докладу ЦК ВКП(б) и СНК СССР приняли решение сформировать истребительные корпуса для усиления противовоздушной обороны Москвы и Ленинграда. Эти корпуса, как известно, сыграли исключительную роль в отражении налетов фашистской авиации на столицу и город Ленина.

К моменту начала войны новая система ПВО не была отработана до конца, оснащение новейшей техникой и ее освоение только начиналось. Плохо было с транспортом.

Военно-Морской Флот. До войны Военно-Морской Флот имел самостоятельный наркомат. В вопросах оперативного использования военно-морских сил Наркомат Военно-Морского Флота руководствовался общими оперативными и мобилизационными планами, которые разрабатывал Генштаб.

Приняв должность начальника Генерального штаба, за краткостью времени и чрезвычайной занятостью делами, непосредственно относящимися к Красной Армии, я не смог детально ознакомиться с состоянием флота. Однако мне было известно, что личный состав Военно-Морского Флота подготовлен хорошо, командующие флота, флотилиями и их штабы готовы к боевым операциям. Главный штаб Военно-Морского Флота возглавлял тогда талантливый, инициативный и волевой адмирал И. С. Исаков.

Темпы оснащения Военно-Морского Флота нарастали. Только за 11 месяцев 1940 года было спущено на воду 100 миноносцев, подводных лодок, тральщиков, торпедных катеров, отличавшихся высокими боевыми качествами. Около 270 кораблей всех классов строилось в 1940 году. Создавались новые военно-морские базы, дополнительно осваивались районы на Балтийском, Баренцевом и Черном морях.

Современный флот — дело дорогостоящее, особенно массивные корабли, которые к тому же являются хорошей мишенью для атак с воздуха и торпедирования. Комитет обороны при СНК СССР в 1939 году принимает

решение сократить, а затем и прекратить строительство линкоров и тяжелых крейсеров, создание которых требовало колоссальных затрат, большого расхода металла и отвлечения значительного количества инженерно-технического состава и рабочих судостроительной промышленности.

С другой стороны, береговой и противовоздушной обороне, минно-торпедному вооружению должного внимания не уделялось. Серьезным просчетом Наркомата Военно-Морского Флота явилась недооценка роли Северного флота, которому суждено было в войне сыграть крупнейшую роль.

В целом же накануне войны Советский Военно-Морской Флот производил внушительное впечатление и достойно встретил противника.

В своей книге «Накануне» адмирал Н. Г. Кузнецов пишет в связи с моим назначением начальником Генерального штаба: «Сперва я думал, что только у меня отношения с Г. К. Жуковым не налаживаются и что с ним найдет общий язык его коллега, начальник Главного морского штаба И. С. Исаков. Однако у Исакова тоже ничего не вышло».

Я сейчас уже не помню, то ли у названных товарищей со мной «ничего не вышло», то ли у меня с ними «ничего не получилось»,—это не имеет ровным счетом никакого значения¹. Но в целях исторической достоверности я должен сказать, что вообще на обсуждение флотских вопросов у И. В. Сталина ни нарком обороны С. К. Тимошенко, ни начальник Генерального штаба не приглашались.

О том, сколь велики были мероприятия, осуществленные партией и правительством по укреплению обороны страны в 1939—1941 годах, говорит и рост численности наших вооруженных сил. Они возросли за это время в 2,8 раза, было сформировано 125 новых дивизий, и к 1 января 1941 года в сухопутных войсках, военной авиации,

---

¹ Во многих мемуарных материалах, книгах и статьях содержатся различные оценки моей деятельности в годы Великой Отечественной войны. За добрые слова я приношу авторам искреннюю благодарность. О своих недостатках и просчетах, которые у меня, как и у каждого человека, были, я говорю в этой книге. Что же касается критических высказываний, особенно общего, эмоционального характера, то я решил не полемизировать с ними, если речь не идет о больших вопросах, ошибочное толкование которых может нанести ущерб истине.—*Прим. автора.*

на флоте, в войсках ПВО было более 4200 тысяч человек.

В одной из глав этой книги я коснулся роли всеобщего. Традиция подготовки гражданского населения, и прежде всего молодежи, к защите своего Отечества до призыва в армию пользовалась в народе широкой популярностью. Массово-оборонной работой занимался Осоавиахим. К 1 января 1941 года в рядах Осоавиахима состояло более 13 миллионов человек, ежегодно десятки тысяч энтузиастов летного дела, парашютистов, стрелков, авиамехаников приобретали специальности более чем в трехстах аэро- и автотоклубах, авиашколах и планерных клубах. Какгодились потом эти навыки молодежи, призванной в армию, народным ополченцам и партизанам!

Что касается профессионального обучения командиров всех степеней, то сотни тысяч их проходили неплохую школу более чем в двухстах военных училищах Красной Армии и Военно-Морского Флота, в девятнадцати академиях, на десяти военных факультетах при гражданских вузах, семи высших военно-морских училищах.

Бывая в Академии Генерального штаба, которая находилась в моем ведении, я лишний раз мог убедиться в том, что накануне войны на военных кафедрах слушателям преподносилась современная военная теория, в значительной степени учитывавшая опыт начавшейся второй мировой войны. Подчеркивалась непримиримость, ожесточенность вооруженной борьбы, возможность ее длительного характера и необходимость мобилизации усилий всего народа.

Военная стратегия строилась главным образом на правильном утверждении, что только наступательными действиями можно разгромить агрессора. В то же время другие варианты борьбы — встречные сражения, вынужденные отступательные действия, бои в условиях окружения, ночные действия рассматривались недостаточно основательно.

В целом военная теория тех лет была, как говорится, на уровне времени. Однако практика в известной степени отставала от теории...

Разбираясь в оперативно-стратегических вопросах, я пришел к выводу, что в обороне такой гигантской страны, как наша, имеется ряд существенных недостатков. Такого же мнения были и основные руководящие работ-

ники Генерального штаба, которые сообщили, что и мои предшественники на этом посту не раз высказывались в таком же плане.

Сосредоточение большого количества немецких войск в Восточной Пруссии, Польше и на Балканах вызвало у нас особое беспокойство. В то же время тревожила недостаточная боеготовность наших вооруженных сил, расположенных в западных военных округах.

Продумав всесторонне эти вопросы, я вместе с Н. Ф. Ватутиным подробно доложил наркому обороны о недостатках в организации и боевой готовности наших войск, о состоянии мобилизационных запасов, особенно по снарядам и авиационным бомбам. Кроме того, было отмечено, что промышленность не успевает выполнять наши заказы на боевую технику.

— Все это хорошо известно руководству. Думаю, в данное время страна не в состоянии дать нам что-либо большее,— вновь заметил С. К. Тимошенко.

Однажды он вызвал меня и сказал:

— Вчера был у товарища Сталина по вопросам реактивных минометов. Он интересовался, принял ли ты дела от Мерецкова, как чувствуешь себя на новой работе, и приказал явиться к нему с докладом.

— К чему надо быть готовым? — спросил я.

— Ко всему,— ответил нарком.— Но имей в виду, что он не будет слушать длинный доклад. То, что ты расскажешь мне за несколько часов, ему нужно доложить минут за десять.

— А что же я могу доложить за десять минут? Вопросы большие, они требуют серьезного отношения. Ведь нужно понять их важность и принять необходимые меры.

— То, что ты собираешься ему сообщить, он в основном знает,— сказал нарком обороны,— так что постарайся все же остановиться только на узловых проблемах.

Имея при себе перечень вопросов, которые собирался изложить, субботним вечером я поехал к И. В. Сталину на дачу. Там уже были маршал С. К. Тимошенко, маршал Г. И. Кулик. Присутствовали некоторые члены Политбюро.

Поздоровавшись, И. В. Сталин спросил, знаком ли я с реактивными минометами («катюши»).

— Только слышал о них, но не видел,— ответил я.

— Ну, тогда с Тимошенко, Куликом и Аборенковым вам надо в ближайшие дни поехать на полигон и посмо-

треть их стрельбу. А теперь расскажите нам о делах Генерального штаба.

Коротко повторив то, что уже докладывал наркому, я сказал, что ввиду сложности военно-политической обстановки необходимо принять срочные меры и вовремя устранить имеющиеся недостатки в обороне западных границ и в вооруженных силах.

Меня перебил В. М. Молотов:

— Вы что же, считаете, что нам придется скоро воевать с немцами?

— Погоди...— остановил его И. В. Сталин.

Выслушав доклад, И. В. Сталин пригласил всех обедать. Прерванный разговор продолжался. И. В. Сталин спросил, как я оцениваю немецкую авиацию. Я сказал то, что думал:

— У немцев неплохая авиация, их летный состав получил хорошую боевую практику взаимодействия с сухопутными войсками. Что же касается материальной части, то наши новые истребители и бомбардировщики ничуть не хуже немецких, а пожалуй, и лучше. Жаль только, что их очень мало.

— Особенно мало истребительной авиации,— добавил С. К. Тимошенко.

Кто-то бросил реплику:

— Семен Константинович больше об оборонительной авиации думает.

Нарком не ответил. Думаю, что из-за своего пониженного слуха он просто не все расслышал.

Обед был очень простой. На первое — густой украинский борщ, на второе — хорошо приготовленная гречневая каша и много отварного мяса, на третье — компот и фрукты. И. В. Сталин был в хорошем расположении духа, много шутил, пил легкое грузинское вино «Хванчкара» и угощал им присутствовавших, но большинство предпочитало коньяк.

В заключение И. В. Сталин сказал, что надо продумать и проработать первоочередные вопросы и внести в правительство для решения. Но при этом следует исходить из наших реальных возможностей и не фантазировать насчет того, что мы пока материально обеспечить не можем.

Вернувшись ночью в Генштаб, я записал все, что говорил И. В. Сталин, и наметил вопросы, которые ну-

жно будет решать в первую очередь. Эти предложения были внесены в правительство.

15—20 февраля 1941 года состоялась XVIII Всесоюзная конференция ВКП(б), на которой мне довелось присутствовать. Конференция обратила серьезное внимание партийных организаций на нужды промышленности и транспорта, особенно оборонных предприятий. Требования повышались. В резолюциях конференции было отмечено, что руководители наркоматов авиационной, химической промышленности, боеприпасов, электропромышленности и ряда других отраслей народного хозяйства, имеющих оборонное значение, должны извлечь уроки из критики на конференции, значительно улучшить свою работу. В противном случае они будут сняты с занимаемых постов.

Принятый конференцией последний мирный народно-хозяйственный план на 1941 год предусматривал значительный рост оборонной промышленности.

На конференции кандидатами в члены ЦК ВКП(б) и в состав Центральной ревизионной комиссии было избрано много военных: И. В. Тюленев, М. П. Кирпонос, И. С. Юмашев, В. Ф. Трибуц, Ф. С. Октябрьский и другие товарищи. Высокое доверие было оказано и мне. Я был также избран кандидатом в члены ЦК ВКП(б).

Непосредственно перед войной в нашем Генеральном штабе работал дружный, сплоченный коллектив знающих и опытных генералов и офицеров. Назову лишь некоторых из них.

Первым заместителем начальника Генерального штаба был хорошо известный стране генерал-лейтенант Н. Ф. Ватутин, отличавшийся исключительным трудолюбием и широтой оперативно-стратегического мышления. Заместителем начальника Генерального штаба по организационным вопросам был генерал-лейтенант В. Д. Соколовский, назначенный на эту должность в начале весны 1941 года с должности начальника штаба Московского военного округа. В годы войны Василий Данилович проявил большое дарование и способности крупного военачальника. Оперативное управление возглавлял генерал-майор Г. К. Маландин, очень образованный и талантливый оператор.

Там же работал генерал-майор А. М. Василевский. Во время войны А. М. Василевский показал себя выдающим-

ся военачальником наших вооруженных сил. Под его руководством проведен ряд крупнейших и блестящих операций. В Генеральном штабе накануне войны А. М. Василевский занимался оперативным планом северо-западного и западного направлений.

Кроме названных, в Генеральном штабе был и ряд других талантливых и энергичных военачальников, которые своим творческим трудом содействовали высокой работоспособности всего коллектива Генерального штаба.

Генеральный штаб выполнял громадную оперативную, организационную и мобилизационную работу, являясь основным аппаратом наркома обороны.

Однако в работе самого аппарата Генштаба были недостатки. Так, при изучении весной 1941 года положения дел выяснилось, что у Генерального штаба, так же как и у наркома обороны и командующих видами и родами войск, не подготовлены на случай войны командные пункты, откуда можно было бы осуществлять управление вооруженными силами, быстро передавать в войска директивы Ставки, получать и обрабатывать донесения от войск.

В предвоенные годы время для строительства командных пунктов было упущено. Когда же началась война, Главному Командованию, Генеральному штабу, всем штабам родов войск и центральным управлениям пришлось осуществлять руководство из своих кабинетов мирного времени, что серьезно осложнило их работу.

К началу войны не были решены вопросы организации Ставки Главного Командования — ее структура, персональный состав, размещение, аппарат обеспечения и материально-технические средства.

За пять предвоенных лет сменилось четыре начальника Генерального штаба. Столь частая смена руководства Генштаба не давала возможности во всей полноте освоить вопросы обороны страны и глубоко обдумать все аспекты будущей войны.

Какие основные вопросы подготавливались в те месяцы в Генеральном штабе?

Сейчас некоторые авторы военных мемуаров утверждают, что перед войной у нас не было мобилизационных планов вооруженных сил и планов оперативно-стратегического развертывания.

В действительности оперативный и мобилизационный планы вооруженных сил в Генеральном штабе, конечно, были. Разработка и корректировка их не прекращались никогда. После переработки они немедленно докладывались руководству страны и по утверждению тотчас же доводились до военных округов. Много работало накануне войны с оперативными и мобилизационными планами оперативное управление — генералы Г. К. Маландин, А. М. Василевский, А. Ф. Анисов и другие.

До моего прихода в Генштаб общее руководство разработкой планов осуществляли Маршал Советского Союза Б. М. Шапошников, затем генерал армии К. А. Мерецков и генерал-лейтенант Н. Ф. Ватутин.

Еще осенью 1940 года ранее существовавший оперативный план был основательно переработан, приближен к задачам, которые необходимо было решать в случае нападения. Но в плане были стратегические ошибки, связанные с одним неправильным положением.

Наиболее опасным стратегическим направлением считалось юго-западное направление — Украина, а не западное — Белоруссия, на котором гитлеровское верховное командование в июне 1941 года сосредоточило и ввело в действие самые мощные сухопутную и воздушную группировки. Именно белорусское направление было кратчайшим к столице нашей Родины — Москве.

Вследствие этой оплошности пришлось в первые же дни войны 19-ю армию, ряд частей и соединений 16-й армии, ранее сосредоточенных на Украине и подтянутых туда в последнее время, перебрасывать на западное направление и включать с ходу в сражения в составе Западного фронта. Это обстоятельство, несомненно, отразилось на ходе оборонительных действий на западном направлении.

При переработке оперативного плана весной 1941 года (февраль — апрель) мы этот просчет полностью не исправили и не запланировали на западное направление большее количество сил.

И. В. Сталин был убежден, что гитлеровцы в войне с Советским Союзом будут стремиться в первую очередь овладеть Украиной, Донецким бассейном, чтобы лишить нашу страну важнейших экономических районов и захватить украинский хлеб, донецкий уголь, а затем и кавказскую нефть. При рассмотрении оперативного плана весной 1941 года И. В. Сталин говорил: «Без этих важнейших

жизненных ресурсов фашистская Германия не сможет вести длительную и большую войну».

И. В. Сталин для всех нас был величайшим авторитетом, никто тогда и не думал сомневаться в его суждениях и оценках обстановки. Однако в прогнозе направления главного удара противника И. В. Сталин допустил ошибку.

Последний вариант мобилизационного плана вооруженных сил (организационно-материальные вопросы) был утвержден в феврале 1941 года и получил наименование МП-41. Его передали округам с указанием внести коррективы в старые мобпланы к 1 мая 1941 года.

В 1940 году было принято решение о немедленной передислокации части войск западных округов в новые районы западной территории, воссоединенной с Советским Союзом. Несмотря на то что эти районы не были еще должным образом подготовлены для обороны, в них были дислоцированы первые эшелоны войск западных округов.

Здесь я хотел бы остановиться на судьбе новых и старых укрепленных районов (УРов). К строительству новых укрепленных районов на западной границе приступили в начале 1940 года. Проект строительства УРов был утвержден И. В. Сталиным по докладу К. Е. Ворошилова и Б. М. Шапошникова.

Строительство укрепленных районов к июню 1941 года завершено не было.

К началу войны удалось построить около 2500 железобетонных сооружений, из коих 1000 была вооружена УРовской артиллерией, а остальные 1500 — только пулеметами.

Если говорить об Украине, то в наибольшей боевой готовности в июне 1941 года находились Рава-Русский и Перемышльский районы, которые в первые дни войны сыграли весьма положительную роль, о чем будет сказано дальше.

Теперь я хочу внести ясность в вопрос о снятии артиллерийского вооружения со старых укрепленных районов.

В феврале—марте 1941 года на Главном военном совете Красной Армии дважды обсуждалось, как быстрее закончить строительство новых УРов и их вооружение. Мне хорошо запомнились острые споры, развернувшиеся на заседании совета. Но как ни спорили, а практического

выхода для ускорения производства УРовской артиллерии и обеспечения необходимой УРовской аппаратурой найдено не было.

Тогда заместитель наркома по вооружению маршал Г. И. Кулик и заместитель наркома по УРа́м маршал Б. М. Шапошников, а также член Главного военного совета А. А. Жданов внесли предложение снять часть УРовской артиллерии с некоторых старых укрепленных районов и перебросить ее для вооружения новых строящихся укрепленных районов. Нарком обороны маршал С. К. Тимошенко и я не согласились с этим предложением, указав на то, что старые УРы еще могут пригодиться. Да и артиллерия старых УРов по своей конструкции не соответствовала новым дотам.

Ввиду разногласий, возникших на Главном военном совете, вопрос был доложен И. В. Сталину. Согласившись с мнением Г. И. Кулика, Б. М. Шапошникова, А. А. Жданова, он приказал снять часть артиллерийского вооружения с второстепенных участков и перебросить его на западное и юго-западное направления, временно приспособив эту конструктивно устаревшую артиллерию для новых сооружений.

Старые УРы были построены в период 1929—1935 годов. Долговременные огневые точки в основном были вооружены пулеметами. В 1938—1939 годах ряд дотов был усилен артиллерийскими системами. Решением Главного военного совета Красной Армии от 15 ноября 1939 года штатная численность войск старых укрепленных районов должна была сократиться больше чем на одну треть. Теперь с некоторых участков снималось артиллерийское вооружение.

Однако после вторичного доклада И. В. Сталину нам было разрешено сохранить на разоружаемых участках часть артиллерийского вооружения.

По вопросу об УРах, строительство которых началось в 1938—1939 годах, Генеральным штабом 8 апреля 1941 года были даны командующим Западным и Киевским особыми военными округами директивы следующего содержания:

«Впредь до особых указаний Слуцкий, Себежский, Шепетовский, Изяславльский, Староко́нстантиновский, Остропо́льский укрепленные районы содержать в состоянии консервации.

Для использования указанных укрепленных районов в военное время подготовить и провести следующие мероприятия:

— создать кадры управлений укрепрайонов;

— для завершения системы артиллерийско-пулеметного огня в каждом узле обороны и опорном пункте создать площадки для деревоземляных или бутобетонных сооружений, которые необходимо будет построить в первые десять дней с начала войны силами полевых войск;

— на основании проектов и технических указаний Управления оборонительного строительства Красной Армии рассчитать потребность вооружения и простейшего внутреннего оборудования;

— в расчете сил, средств и планов работ учесть железобетонные сооружения, построенные в 1938—1939 гг. в Летичевском, Могилевском, Ямпольском, Новоград-Волынском, Минском, Полоцком и Мозырском укрепрайонах.

Начальнику Управления оборонительного строительства разработать и к 1.5.41 г. направить в округа технические указания по установке вооружения и простейшего внутреннего оборудования в сооружениях 1938—1939 гг.»¹

В отношении приведения в боевую готовность вооружений УРовских дотов и дзотов на рубежах старой государственной границы был допущен просчет во времени. Директива Генштаба требовала приведения их в боевую готовность на десятый день начала войны. Но фактически многие рубежи УРов были захвачены противником раньше этого срока.

УРы на старой государственной границе не были ликвидированы и полностью разоружены, как об этом говорится в некоторых мемуарах и исторических разработках. Они были в основном сохранены на всех важнейших участках и направлениях, и имелось в виду дополнительно их усилить. Но ход боевых действий в начале войны не позволил полностью осуществить задуманные меры и должным образом использовать старые укрепленные районы.

Относительно новых укрепленных районов наркомом обороны и Генштабом неоднократно давались указания

---

¹ Архив МО СССР, ф. 73, оп. 12109, д. 5789, лл. 108, 109, 111, 112.

округам об ускорении строительства. На укреплении новых границ ежедневно работало почти 140 тысяч человек.

Я позволю себе привести одну из директив Генерального штаба по этому вопросу от 14 апреля 1941 года:

«Несмотря на ряд указаний Генерального штаба Красной Армии, монтаж казематного вооружения в долговременные боевые сооружения и приведение сооружений в боевую готовность производится недопустимо медленными темпами.

Народный комиссар обороны приказал:

1. Все имеющееся в округе вооружение для укрепленных районов срочно смонтировать в боевые сооружения и последние привести в боевую готовность.

2. При отсутствии специального вооружения установить временно (с простой заделкой) в амбразурные проемы и короба пулеметы на полевых станках и, где возможно, орудия.

3. Приведение сооружений в боевую готовность производить, несмотря на отсутствие остального табельного оборудования сооружений, но при обязательной установке броневых, металлических и решетчатых дверей.

4. Организовать надлежащий уход и сохранность вооружения, установленного в сооружениях.

5. Начальнику Управления оборонительного строительства Красной Армии немедленно отправить в округа технические указания по установке временного вооружения в железобетонные сооружения.

О принятых мерах донести к 25.4.41 в Генеральный штаб Красной Армии.

пп. Начальник Генштаба Красной Армии
генерал армии — Г. Жуков
верно: Начальник отдела укрепрайонов
Генштаба Красной Армии
генерал-майор — С. Ширяев»¹.

В марте 1941 года Генеральный штаб закончил разработку мобилизационного плана для промышленности по производству военной продукции на случай войны. Этот план был мною и заместителем начальника Генерального штаба генералом В. Д. Соколовским доложен председателю Комитета обороны при СНК СССР.

---

¹ Архив МО СССР, ф. 73, оп. 12109, д. 5789, л. 114.

Особый доклад был подготовлен Генштабом и послан в ЦК и Совнарком о боеприпасах. Доклад был полностью посвящен обеспеченности артиллерии. Мы говорили о чрезвычайно остром положении с артиллерийскими снарядами и минами. Не хватало гаубичных, зенитных и противотанковых снарядов. Особенно плохо было с боезапасами для новейших артиллерийских систем.

И. В. Сталин дал поручение рассмотреть наш доклад и вместе с Наркоматом боеприпасов и Наркоматом обороны доложить, что в действительности нужно и можно сделать.

Н. А. Вознесенский и другие товарищи нашли наши требования слишком завышенными и доложили И. В. Сталину, что заявку на 1941 год следует удовлетворить максимум на 20 процентов. Эти предложения были утверждены.

Однако после повторных докладов И. В. Сталин распорядился издать специальное постановление о производстве значительно большего количества боеприпасов во второй половине 1941 — начале 1942 года.

В течение весны 1941 года центральными снабженческими органами Наркомата обороны была проделана большая работа по увеличению неприкосновенных запасов всех приграничных западных округов за счет государственных резервов по горючему, продовольствию и вещевому снабжению. Окружные артиллерийские склады пополнялись значительным количеством боеприпасов за счет баз Наркомата обороны.

Нарком обороны, Генеральный штаб и я в том числе считали необходимым в условиях надвигающейся войны подтянуть материально-технические средства ближе к войскам. Казалось бы, это было правильное решение, но ход военных событий первых недель войны показал, что мы допустили в этом вопросе ошибку. Врагу удалось быстро прорвать фронт нашей обороны и в короткий срок захватить материально-технические запасы округов, что резко осложнило снабжение войск и мероприятия по формированию резервов.

При переработке оперативных планов весной 1941 года практически не были полностью учтены особенности ведения современной войны в ее начальном периоде. Нарком обороны и Генштаб считали, что война между такими крупными державами, как Германия и Советский

Союз, должна начаться по ранее существовавшей схеме: главные силы вступают в сражение через несколько дней после приграничных сражений. Фашистская Германия в отношении сроков сосредоточения и развертывания ставилась в одинаковые условия с нами. На самом деле и силы и условия были далеко не равными.

Каковы были экономические возможности Германии к моменту нападения на Советский Союз?

Захватив в свои руки почти все экономические и военно-стратегические ресурсы Европы, Германия, как известно, хорошо оснастила свои вооруженные силы современным оружием, боевой техникой и достаточным количеством материальных средств. Отсутствие в то время активно действующих сил в Западной Европе дало возможность гитлеровцам сосредоточить против Советского Союза все свои главные силы.

Накануне войны Германия выплавляла вместе с оккупированными странами стали 31,8 миллиона тонн, сама добывала угля 257,4 миллиона тонн, а вместе с сателлитами—439 миллионов тонн. Советский Союз соответственно стали—18,3 миллиона тонн, угля—165,9 миллиона тонн. Слабым местом Германии была добыча нефти, но это в какой-то степени компенсировалось импортом румынской нефти, а также созданными запасами и производством синтетического горючего.

После бесцеремонной ликвидации версальских ограничений гитлеровское руководство в целях обеспечения своих захватнических планов всю экономическую политику подчинило интересам задуманной агрессивной войны. Германская промышленность была целиком переведена на рельсы военной экономики. Все остальное отошло на последний план.

Был создан мощный военно-промышленный потенциал, за сравнительно короткий срок построено более 300 крупных военных заводов, военное производство в Германии в 1940 году увеличилось по сравнению с 1939 годом на две трети, а по сравнению с 1932—в 22 раза. В 1941 году германская промышленность произвела более 11 тысяч самолетов, 5200 танков и бронемашин, более 7 тысяч орудий калибра 75-мм и крупнее, около 1,7 миллиона карабинов, винтовок и автоматов. При этом нужно учитывать большие запасы награбленного вооружения и производственные мощности сателлитов Германии и оккупированных ею стран.

В конце марта 1941 года Советскому правительству стало известно об особо секретных переговорах в Берлине министра иностранных дел Японии Иосуке Мацуоки с Риббентропом и военными кругами фашистского рейха.

О характере этих переговоров догадаться было нетрудно. Гитлер пытался создать военное окружение СССР путем блока Германии с империалистической Японией¹.

Практически это означало бы для нас — вести войну на два фронта.

Вот почему вопрос об обеспечении безопасности СССР на Дальнем Востоке стал вопросом чрезвычайной важности.

В апреле 1941 года, не помню какого числа, мне позвонил И. В. Сталин:

— Из поездки в Германию возвращается на родину министр иностранных дел Японии Мацуока, — сказал он. — Вам надо любезно принять его. (Слово «любезно» он произнес с особым нажимом.)

— Какие будут указания?

— Мацуока просто хочет познакомиться с вами.

Особенно теряться в догадках я не стал: видимо, у Мацуоки были свежи в памяти события Халхин-Гола.

Спустя несколько дней начальник Отдела внешних сношений Наркомата обороны доложил мне, что через два часа у меня будет Мацуока с переводчиком.

Точно в назначенное время открылась дверь и вошел, низко кланяясь, Иосуке Мацуока.

Я любезно приветствовал его, справился о здоровье и поинтересовался, не утомила ли его поездка. Министр отвечал уклончиво:

— Я люблю дальние путешествия. В Европе я впервые. А вы бывали в европейских странах? — в свою очередь спросил он меня.

— К сожалению, нет, — ответил я, — но при удобном случае обязательно постараюсь побывать. Я много читал о Германии, Италии и Англии, но даже самая хорошая книга не может дать полного представления о стране.

---

¹ Как стало известно впоследствии, стороны во время этих переговоров обо всем договорились, причем Риббентроп многозначительно заявил Мацуоке, что Германия уже выиграла войну. «К концу года весь мир поймет это», — заявил он. (См.: История внешней политики СССР. ч. I, М., Наука, 1966, с. 380—381.) — *Прим. автора.*

Гораздо лучше можно понять страну, ее народ, нравы и обычаи при личном посещении и контактах.

Беседа продолжалась в том же духе. Острых политических вопросов мы не касались. Мацуока произвел на меня неприятное впечатление и не располагал к откровенному разговору. Чувствовалось, что он хотел больше услышать, чем сказать.

По окончании визита я немедленно позвонил И. В. Сталину и доложил о характере встречи и моем впечатлении о Мацуоке. И. В. Сталин, как мне показалось, остался доволен этим сообщением, а в заключение сказал:

— Японское правительство дало согласие на подписание договора о нейтралитете.

Пакт о нейтралитете между СССР и Японией был подписан 13 апреля 1941 года. Срок его действия определялся на 5 лет. Он предусматривал, что обе стороны обязуются поддерживать между собой мирные и дружественные отношения, взаимно уважать территориальную целостность и неприкосновенность другой стороны.

В специальном пункте оговаривалось, что в случае, если одна из договаривающихся сторон окажется объектом военных действий со стороны третьих держав, то другая договаривающаяся сторона будет соблюдать нейтралитет.

Советское правительство понимало, что советско-японское соглашение о нейтралитете уменьшает опасность военного нападения Японии на нашу страну и ведения войны на два фронта. Конечно, оно не давало полной гарантии соблюдения подписанного договора со стороны милитаристской Японии, союзника фашистской Германии. Поэтому в ходе Отечественной войны мы вынуждены были держать значительные силы на Дальнем Востоке. Однако в связи с обостряющейся международной обстановкой такое соглашение обеспечивало нам некоторую передышку во времени.

Что мы знали тогда о вооруженных силах Германии, сосредоточенных против Советского Союза?

По данным разведывательного управления Генштаба, возглавлявшегося генералом Ф. И. Голиковым, дополнительные переброски немецких войск в Восточную Пруссию, Польшу и Румынию начались с конца января 1941 года. Разведка считала, что за февраль и март группировка войск противника увеличилась на девять дивизий:

против Прибалтийского округа — на три пехотные дивизии; против Западного округа — на две пехотные дивизии и одну танковую; против Киевского округа — на одну пехотную дивизию и три танковых полка.

Информация, которая исходила от генерала Ф. И. Голикова, немедленно докладывалась нами И. В. Сталину. Однако я не знаю, что из разведывательных сведений докладывалось И. В. Сталину генералом Ф. И. Голиковым лично, минуя наркома обороны и начальника Генштаба, а такие доклады делались неоднократно. Это, естественно, не могло не отражаться на полном анализе обстановки. На 4 апреля 1941 года общее увеличение немецких войск от Балтийского моря до Словакии, по данным генерала Ф. И. Голикова, составляло 5 пехотных дивизий и 6 танковых дивизий. Всего против СССР находилось 72—73 дивизии. К этому количеству следует добавить немецкие войска, расположенные в Румынии в количестве 9 пехотных и одной моторизованной дивизии.

На 5 мая 1941 года, по докладу генерала Ф. И. Голикова, количество немецких войск против СССР достигло 103—107 дивизий, включая 6 дивизий, расположенных в районе Данцига и Познани, и 5 дивизий в Финляндии. Из этого количества дивизий находилось: в Восточной Пруссии — 23—24 дивизии; в Польше против Западного округа — 29 дивизий; в Польше против Киевского округа — 31—34 дивизии; в Румынии и Венгрии — 14—15 дивизий.

Большие работы осуществлялись противником по подготовке театра военных действий: проводились вторые железнодорожные пути в Словакии и Румынии, расширялась сеть аэродромов и посадочных площадок, велось усиленное строительство военных складов. В городах и на промышленных объектах организовывались учения по противовоздушной обороне, строились бомбоубежища и проводились опытные мобилизации.

Из числа войск венгерской армии до четырех корпусов находилось в районе Закарпатской Украины, значительная часть румынских войск располагалась в Карпатах.

В Финляндии высадки производились в порту Або, где с 10 по 29 апреля было высажено до 22 тысяч немецких солдат, которые в дальнейшем следовали в район Рованиemi и далее на Киркенес. Генерал Ф. И. Голиков считал возможным в ближайшее время дополнительное

усиление немецких войск за счет высвободившихся сил в Югославии.

Весной 1941 года гитлеровцы не опасались серьезных действий со стороны западных противников, и главные вооруженные силы Германии были сосредоточены на всем протяжении от Балтийского до Черного моря.

На 1 июня 1941 года, по данным разведывательного управления, против СССР находилось до 120 немецких дивизий.

К июню 1941 года Германия довела общую численность войск до 8 миллионов 500 тысяч человек, увеличив ее с 1940 года на 3 миллиона 550 тысяч человек, то есть до 214 дивизий. У нас к июню с учетом призыва дополнительных контингентов в вооруженных силах было свыше 5 миллионов человек.

Гитлер считал, что настал выгодный момент для нападения на Советский Союз.

Наиболее массовые перевозки войск на восток гитлеровское командование начало проводить с 25 мая 1941 года. К этому времени железные дороги немцами были переведены на график максимального движения. Всего с 25 мая до середины июня было переброшено ближе к границам Советского Союза 47 немецких дивизий, из них 28 танковых и моторизованных.

У нас же происходило следующее. В течение всего марта и апреля 1941 года в Генеральном штабе шла усиленная работа по уточнению плана прикрытия западных границ и мобилизационного плана на случай войны. Уточняя план прикрытия, мы докладывали И. В. Сталину о том, что, по расчетам, наличных войск Прибалтийского, Западного, Киевского и Одесского округов будет недостаточно для отражения удара немецких войск. Необходимо срочно отмотилизовать несколько армий за счет войск внутренних округов и на всякий случай в начале мая передвинуть их на территорию Прибалтики, Белоруссии и Украины.

После неоднократных докладов нам, наконец, было разрешено под видом подвижных лагерных сборов перебросить на Украину и в Белоруссию по две общевойсковые армии сокращенного состава. Мы были строго предупреждены о необходимости чрезвычайной осторожности и мерах оперативной скрытности.

Тогда же И. В. Сталин дал указание НКВД всемерно усилить работы по строительству основной и полевой

ПОДГОТОВКА ФАШИСТСКОЙ ГЕРМАНИИ К НАПАДЕНИЮ НА СССР

УСЛОВНЫЕ ЗНАКИ

Фашистские государства-агрессоры Германия и Италия

Государства, присоединившиеся к блоку агрессоров или союзные Германии

Государства и территории, оккупированные Германией и Италией, но не включенные в их границы

Развертывание войск фашистской Германии, Финляндии, Венгрии и Румынии на границах СССР и 22.06.1941

7 дп Число немецко-фашистских дивизий

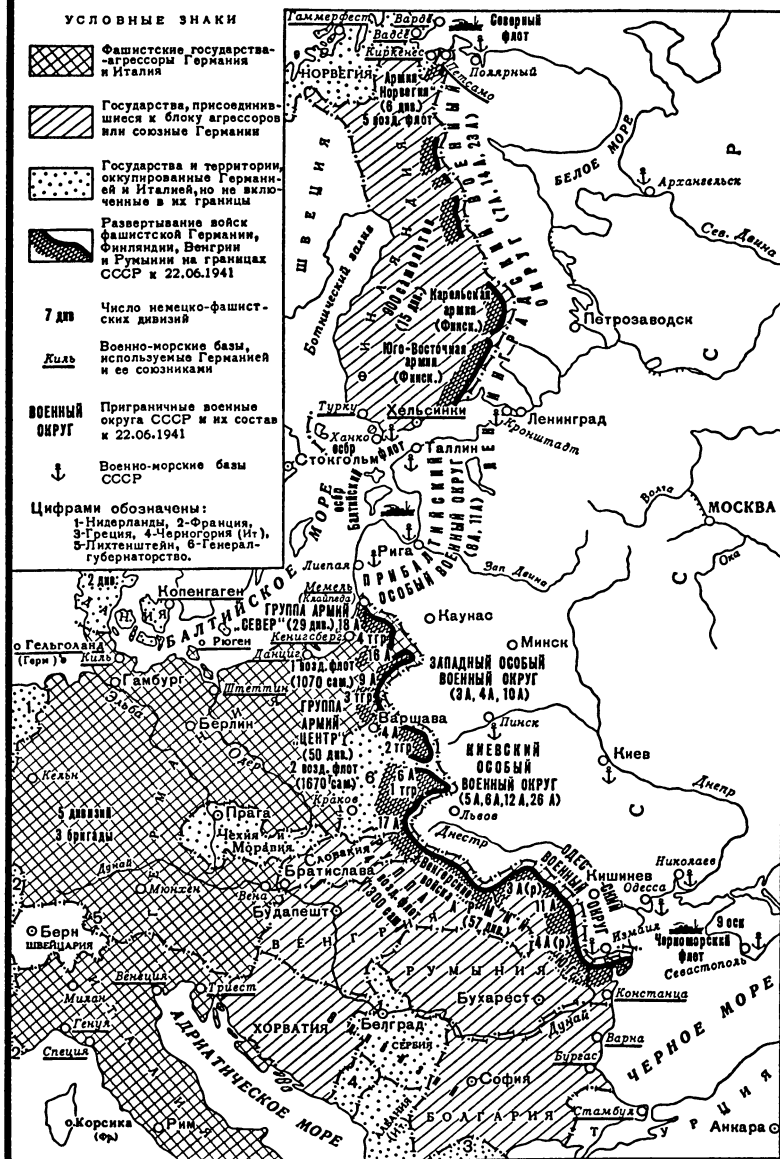
Киль Военно-морские базы, используемые Германией и ее союзниками

ВОЕННЫЙ ОКРУГ Приграничные военные округа СССР и их состав и 22.06.1941

Военно-морские базы СССР

Цифрами обозначены:

- 1-Нидерланды, 2-Франция,
- 3-Греция, 4-Черногория (Иг),
- 5-Лихтенштейн, 6-Генерал-губернаторство.

аэродромной сети. Но рабочую силу было разрешено взять только по окончании весенне-полевых работ.

Однажды в конце нашего очередного разговора И. В. Сталин спросил, как идет призыв приписного состава из запаса.

Нарком обороны ответил, что призыв запаса проходит нормально, приписной состав в конце апреля будет в приграничных округах. В начале мая начнется его переподготовка в частях.

13 мая Генеральный штаб дал директиву округам выдвигать войска на запад из внутренних округов. С Урала шла в район Великих Лук 22-я армия; из Приволжского военного округа в район Гомеля—21-я армия; из Северо-Кавказского округа в район Белой Церкви—19-я армия; из Харьковского округа на рубеж Западной Двины—25-й стрелковый корпус; из Забайкалья на Украину в район Шепетовки—16-я армия.

Всего в мае перебрасывалось из внутренних военных округов ближе к западным границам 28 стрелковых дивизий и четыре армейских управления. К сожалению, эти дивизии насчитывали в своем составе по 8—9 тысяч человек и не располагали полностью предусмотренной по штату боевой техникой.

В конце мая Генеральный штаб дал указание командующим приграничными округами срочно приступить к подготовке командных пунктов, а в середине июня приказывалось вывести на них фронтовые управления: Северо-Западный фронт—в район Паневежиса; Западный—в район Обуз-Лесны; Юго-Западный—в Тернополь; Одесский округ в качестве армейского управления—в Тирасполь. В эти районы полевые управления фронтов и армий должны были выйти к 21—22 июня.

На государственной границе находились 47 сухопутных и 6 морских пограничных отрядов, 9 отдельных пограничных комендатур, 11 полков оперативных войск НКВД, а также расположенные вблизи границы, но не развернутые в боевые порядки стрелковые дивизии первых эшелонов армий прикрытия военных округов.

Всего в западных приграничных округах и флотах насчитывалось 2,9 миллиона человек, более полутора тысяч самолетов новых типов и довольно много самолетов устаревших конструкций, около 38 тысяч орудий и минометов, 1475 новых танков КВ и Т-34 и значительное число легких танков устаревшей конструкции с крайне

ограниченными моторесурсами, часть которых требовала ремонта ¹.

Боевая подготовка в приграничных округах была различна и зависела от многих факторов. Сейчас трудно восстановить в деталях все, что происходило тогда в этих округах, передать атмосферу, в которой их застала война.

Помню, меня, особенно в первое время работы в Генштабе, не покидали мысли о только что оставленном мною Киевском особом военном округе. Как и что там?

В этой связи я хотел бы привести здесь несколько отрывков из воспоминаний Маршала Советского Союза И. Х. Баграмяна, тогда полковника, начальника оперативного отдела Киевского особого военного округа. Мне кажется, эти страницы верно отражают положение дел непосредственно в армии со всеми трудностями последних предвоенных месяцев. Вот что он пишет:

«Едва мы успели проводить своего командующего на XVIII партийную конференцию, как из Генерального штаба последовало распоряжение: начальнику штаба округа с группой генералов и офицеров, принимавших участие в разработке плана прикрытия государственной границы, срочно прибыть в Москву...

В Москве все, наконец, прояснилось: все мы должны были принять участие в рассмотрении мероприятий оперативного порядка для округа.

...Наша работа продолжалась, как вдруг нам приказали немедленно возвратиться в Киев для выполнения своих непосредственных должностных обязанностей. Здесь прежде всего пришлось заняться рассмотрением армейских планов прикрытия государственной границы, разработанных штабами армий на основе указаний командования округа. К большому нашему удовольствию, армейские планы не потребовали серьезной доработки. В них пришлось внести лишь незначительные коррективы.

Однако уже вскоре — сразу же после начала оккупации фашистами Югославии — Генеральный штаб дал указание внести в план прикрытия государственной границы ряд существенных поправок. Командованию округа было приказано значительно увеличить состав войск, выделяе-

---

¹ См.: История второй мировой войны 1939—1945 гг. М., Воениздат, 1975, т. 4, с. 25, 26.

мых на непосредственное прикрытие государственной границы...

Генерал Кирпонос был огорчен явным, по его мнению, ослаблением резервной группировки своих войск и назначением в «пассивную оборону» значительно больших сил, чем он считал нужным. Но приказ есть приказ: 18 апреля мы отдали армиям соответствующие распоряжения о внесении в план этих изменений...

Снова были вызваны в штаб округа начальники штабов армий вместе с участниками разработки планов. Все закрутилось сначала. Большая трудность, затягивавшая работу, заключалась в том, что разрабатывавшие планы генералы и офицеры должны были все от первой до последней бумажки исполнять собственноручно...

До 10 мая переделка планов должна была завершиться. К счастью, это были последние серьезные дополнения, иначе планы так и остались бы незаконченными к началу вторжения фашистских полчищ.

Во второй половине апреля руководство Красной Армии стало заметно форсировать осуществление мер по усилению приграничных округов. Помнится, 26 апреля в наш округ поступил приказ из Москвы к 1 июня сформировать пять подвижных артиллерийско-противотанковых бригад и один воздушно-десантный корпус. Четыре наши стрелковые дивизии реорганизовывались в горнострелковые. Командование округа было поставлено в известность, что к 25 мая в состав его войск с Дальнего Востока прибудет еще и управление 31-го стрелкового корпуса.

Последний весенний месяц отнюдь не принес потепления в атмосфере международных отношений. Неожиданное назначение И. В. Сталина Председателем Совета Народных Комиссаров расценивалось всеми в штабе округа как свидетельство осложнения международной обстановки. Впервые за годы существования Советской власти высшее партийное и государственное руководство сосредоточивалось в одних руках. Были и другие сигналы быстро растущей угрозы.

Во второй половине мая мы получили директиву Генерального штаба, в которой командованию округа предписывалось принять из Северо-Кавказского военного округа и разместить в лагерях управление 34-го стрелкового корпуса с корпусными частями, четыре 12-тысячные стрелковые и одну горнострелковую дивизии.

Для командования этими войсками должна была прибыть из Северо-Кавказского военного округа оперативная группа во главе с первым заместителем командующего округом генерал-лейтенантом М. А. Рейтером... Из этой же директивы стало известно, что войска начнут прибывать 20 мая. Директива, хотя, видимо, для командования и не была неожиданной, все же весьма озаботила его: ведь предстояло в короткий срок разместить почти целую армию. В связи с внезапно свалившимися на наши головы новыми срочными мероприятиями пришлось отложить проведение командно-штабного учения с армиями, которое было запланировано на вторую половину мая.

В конце мая в округ стали прибывать эшелоны за эшелонами. Оперативный отдел превратился в подобие диспетчерского пункта, куда стекалась вся информация о движении и состоянии поступавших войск из Северо-Кавказского военного округа. Припоминается такой характерный факт. Посланные в эти войска командиры, докладывая об их боеспособности, подчеркивали, что все соединения укомплектованы по штатам мирного времени, что в связи с этим в них недостает не только значительного числа бойцов и командиров, но и техники, в первую очередь транспортных средств и средств связи, которые дивизии должны получить с момента объявления мобилизации.

Видимо, стремление строжайше соблюдать условия договора с Германией и в этом вопросе сыграло немало важную роль.

Забегая вперед, должен заметить, что, когда началась война, эти дивизии срочно начали перебрасываться на западное стратегическое направление и с ходу вынуждены были вступить в сражение.

Не успели пять дивизий из Северо-Кавказского военного округа закончить сосредоточение на территории нашего округа, как в первых числах июня Генеральный штаб сообщил, что директивой народного комиссара обороны сформировано управление 19-й армии, которое к 10 июня прибудет в Черкассы. В состав армии войдут все пять дивизий 34-го стрелкового корпуса и три дивизии 25-го стрелкового корпуса Северо-Кавказского военного округа... Во главе ее поставлен командующий войсками Северо-Кавказского военного округа генерал-лейтенант И. С. Конев.

Днем позднее Генеральный штаб предупредил командование округа, чтобы оно подготовилось принять и разместить еще одну—16-ю армию генерал-лейтенанта М. Ф. Лукина, перебрасываемую из Забайкалья. Планом предусматривалось сосредоточить войска генерала Лукина на территории Киевского особого военного округа в период с 15 июня по 10 июля.

Итак, уже вторую армию мы должны были в кратчайший срок принять и разместить на территории округа. Это радовало. Опасение, что в случае войны у нас не окажется в глубине войск, отпадало само собой. Теперь стало вполне ясно, что нарком и Генеральный штаб позаботились об этом, отдавая приказ о подготовке выдвижения всех сил округа непосредственно к границе»¹.

Теперь, пожалуй, пора сказать о существенной ошибке того времени, из которой, естественно, вытекали многие другие,—о просчете в определении сроков вероятности нападения фашистской Германии на Советский Союз.

В оперативном плане 1940 года, который после уточнения действовал в 1941 году, предусматривалось в случае угрозы войны:

- привести все вооруженные силы в полную боевую готовность;

- немедленно провести в стране войсковую мобилизацию;

- развернуть войска до штатов военного времени согласно мобплану;

- сосредоточить и развернуть все отмобилизованные войска в районах западных границ в соответствии с планом приграничных военных округов и Главного военного командования.

Введение в действие мероприятий, предусмотренных оперативным и мобилизационным планами, могло быть осуществлено только по особому решению правительства. Это особое решение последовало лишь в ночь на 22 июня 1941 года, да и то не полностью. В ближайшие предвоенные месяцы руководством не предусматривалось проведение всех необходимых мер, которые нужно было принять в особо угрожаемый военный период.

---

¹ Баграмян И. Х. Записки начальника оперативного отдела.— Военно-исторический журнал, 1967, № 1.

Естественно, возникает вопрос: почему руководство, возглавляемое И. В. Сталиным, не провело в жизнь мероприятия им же утвержденного оперативного плана?

В этих ошибках и просчетах чаще всего обвиняют И. В. Сталина. Конечно, ошибки у И. В. Сталина, безусловно, были, но их причины нельзя рассматривать изолированно от объективных исторических процессов и явлений, от всего комплекса экономических и политических факторов.

Нет ничего проще, чем, когда уже известны все последствия, возвращаться к началу событий и давать различного рода оценки. И нет ничего сложнее, чем разобраться во всей совокупности вопросов, во всем противоборстве сил, противопоставлении множества мнений, сведений и фактов непосредственно в данный исторический момент.

Сопоставляя и анализируя все разговоры, которые велись И. В. Сталиным в моем присутствии в кругу близких ему людей, я пришел к твердому убеждению: все его помыслы и действия были пронизаны одним желанием — избежать войны или оттянуть сроки ее начала и уверенностью в том, что ему это удастся.

И. В. Сталин хорошо понимал, какие тяжелые бедствия может причинить народам Советского Союза война с таким сильным и опытным врагом, как фашистская Германия, и потому стремился, как и вся наша партия и правительство, выиграть время.

Сейчас у нас имеются факты, свидетельствующие о предупреждении готовящегося нападения на СССР, о сосредоточении войск на наших границах и т. д. Но в ту пору, как это показывают обнаруженные после разгрома фашистской Германии документы, на стол к И. В. Сталину попадало много донесений совсем другого рода. Вот один из примеров.

По указанию Гитлера, данному на совещании 3 февраля 1941 года, начальник штаба верховного главнокомандования фельдмаршал Кейтель издал 15 февраля 1941 года специальную «Директиву по дезинформации противника». Чтобы скрыть подготовку к операции по плану «Барбаросса», отделом разведки и контрразведки главного штаба были разработаны и осуществлены многочисленные акции по распространению ложных слухов и сведений. Перемещение войск на восток подавалось «в свете величайшего в истории дезинформационного ма-

невра с целью отвлечения внимания от последних приготовлений к вторжению в Англию».

Были напечатаны в массовом количестве топографические материалы по Англии. К войскам прикомандировывались переводчики английского языка. Подготавливалось «ощепление» некоторых районов на побережье проливов Ла-Манш, Па-де-Кале и в Норвегии. Распространялись сведения о мнимом авиадесантном корпусе. На побережье устанавливались ложные ракетные батареи. В войсках распространялись сведения в одном варианте о том, что они идут на отдых перед вторжением в Англию, в другом — что войска будут пропущены через советскую территорию для выступления против Индии. Чтобы подкрепить версию о высадке десанта в Англию, были разработаны специальные операции под кодовыми названиями «Акула» и «Гарпун». Пропаганда целиком обрушилась на Англию и прекратила свои обычные выпады против Советского Союза. В работу включились дипломаты и т. д.

Подобного рода данные и сведения наряду с имевшимися недостатками общей боеготовности вооруженных сил обуславливали ту чрезмерную осторожность, которую И. В. Сталин проявлял, когда речь шла о проведении основных мероприятий, предусмотренных оперативно-мобилизационными планами в связи с подготовкой к отражению возможной агрессии.

И. В. Сталин учитывал, как уже говорилось, и то, что в связи с переходом от территориальной системы к кадровому принципу комплектования войск во главе частей, соединений и объединений были поставлены молодые командно-политические кадры, не освоившие еще оперативно-тактического искусства в соответствии с занимаемой должностью.

Руководствуясь решениями XVIII съезда партии и последующими указаниями ЦК партии о подборе, обучении и воспитании руководящих кадров, командование, партийные, политические органы армии к лету 1941 года проделали очень большую учебно-воспитательную работу, позволившую повысить общий теоретический уровень и практические навыки кадров всех родов войск.

Однако вопрос о командных кадрах вооруженных сил в 1941 году продолжал оставаться острым. Массовое выдвижение на высшие должности молодых командиров снижало на какое-то время боеспособность армии. Нака-

нуне войны при проведении важных и больших организационных мероприятий ощущался недостаток квалифицированного командного состава, специалистов: танкистов, артиллеристов и летно-технического состава — сказывалось значительное увеличение численности наших вооруженных сил. Предполагалось, что все это можно будет в основном устранить к концу 1941 года.

Желая сохранить мир как решающее условие строительства социализма в СССР, И. В. Сталин видел, что правительства Англии и других западных государств делают все, чтобы толкнуть Гитлера на войну с Советским Союзом, что, оказавшись в тяжелой военной обстановке и стремясь спасти себя от катастрофы, они крайне заинтересованы в нападении Германии на СССР. Вот почему он так недоверчиво воспринимал информацию западных правительств о подготовке Германии к нападению на Советский Союз.

Напомню только одну группу фактов, сведения о которых могли укрепить И. В. Сталина в его недоверии к указанной информации. Это секретные переговоры с фашистской Германией в Лондоне в том самом 1939 году, когда в СССР проводились военные переговоры с Англией и Францией, о которых я уже говорил.

Английские дипломаты предлагали гитлеровцам договориться о разграничении сфер влияния в мировом масштабе. Английский министр торговли Хадсон в переговорах с немецким тайным государственным советником Вольтатом, близким к фельдмаршалу Герингу, заявил, что перед обоими государствами находятся три обширные области, представляющие необъятное поприще для экономической деятельности: Британская империя, Китай и Россия. Обсуждались политические и военные вопросы, проблемы приобретения сырья для Германии и т. д. В переговоры включились другие лица; германский посол в Лондоне Дирксен доносил в Берлин, что подтверждает «тенденции конструктивной политики в деших правительственных кругах».

Попутно мне кажется уместным напомнить, что когда Гитлер вознамерился предложить Советскому Союзу вместе подумать над идеей раздела мира на сферы влияния, то встретил резкий и недвусмысленный отказ советской стороны, не пожелавшей даже говорить на эту тему. Об этом свидетельствуют документы и участники визита В. М. Молотова в ноябре 1940 года в Берлин.

Как известно, в конце апреля 1941 года У. Черчилль направил И. В. Сталину послание. В нем говорилось: «Я получил от заслуживающего доверия агента достоверную информацию о том, что немцы, после того как они решили, что Югославия находится в их сетях, т. е. 20 марта начали переброску в южную часть Польши трех бронетанковых дивизий из пяти находящихся в Румынии. В тот момент, когда они узнали о сербской революции, это передвижение было отменено. Ваше превосходительство легко оценит значение этих фактов».

И. В. Сталин к этому посланию отнесся с недоверием. В 1940 году в мировой печати стали циркулировать слухи о том, что английские и французские военные силы сами готовятся предпринять нападение на Северный Кавказ, бомбить Баку, Грозный, Майкоп. Затем появились документы, подтверждающие это. Одним словом, не только никогда не скрывавшиеся У. Черчиллем антисоветские, антикоммунистические взгляды и высказывания, но и многие конкретные факты дипломатической жизни того времени могли побуждать И. В. Сталина настороженно воспринимать информацию из западных империалистических кругов.

Весной 1941 года в западных странах усилилось распространение провокационных сведений о крупных военных приготовлениях Советского Союза против Германии. Германская печать всячески раздувала эти сведения и сетовала на то, что такие сообщения омрачают советско-германские отношения.

— Вот видите,—говорил И. В. Сталин,—нас пугают немцами, а немцев пугают Советским Союзом и натравливают нас друг на друга.

Что касается оценки пакта о ненападении, заключенного с Германией в 1939 году, в момент, когда наша страна могла быть атакована с двух фронтов — со стороны Германии и со стороны Японии,—нет никаких оснований утверждать, что И. В. Сталин полагался на него. ЦК ВКП(б) и Советское правительство исходили из того, что пакт не избавлял СССР от угрозы фашистской агрессии, но давал возможность выиграть время в интересах укрепления нашей обороны, препятствовал созданию единого антисоветского фронта. Во всяком случае, мне не приходилось слышать от И. В. Сталина каких-либо успокоительных суждений, связанных с пактом о ненападении.

5 мая 1941 года И. В. Сталин выступил перед слушателями военных академий Красной Армии на приеме в честь выпускников.

Поздравив выпускников с окончанием учебы, И. В. Сталин остановился на тех преобразованиях, которые произошли за последнее время в армии.

Товарищи, говорил он, вы покинули армию 3—4 года назад, теперь вернетесь в ее ряды и не узнаете армии. Красная Армия далеко не та, что была несколько лет назад. Мы создали новую армию, вооружили ее современной военной техникой. Наши танки, авиация, артиллерия изменили свой облик. Вы придете в армию, увидите много новинок.

Далее И. В. Сталин охарактеризовал изменения по отдельным родам и видам войск.

Вы придете в части из столицы, продолжал И. В. Сталин, вам красноармейцы и командиры зададут вопрос: что происходит сейчас? Почему побеждена Франция? Почему Англия терпит поражение, а Германия побеждает? Действительно ли германская армия непобедима?

Военная мысль германской армии движется вперед. Армия вооружилась новейшей техникой, обучилась новым приемам ведения войны, приобрела большой опыт. Факт, что у Германии лучшая армия и по технике, и по организации. Но немцы напрасно считают, что их армия идеальная, непобедимая. Непобедимых армий нет. Германия не будет иметь успеха под лозунгами захватнических, завоевательских войн, под лозунгами покорения других стран, подчинения других народов и государств.

Останавливаясь на причинах военных успехов Германии в Европе, И. В. Сталин говорил об отношении к армии в некоторых странах, когда об армии нет должной заботы, ей не оказана моральная поддержка. Так появляется новая мораль, разлагающая армию. К военным начинают относиться пренебрежительно. Армия должна пользоваться исключительной заботой и любовью народа и правительства — в этом величайшая моральная сила армии. Армию нужно лелеять.

Военная школа обязана и может вести обучение командных кадров только на новой технике, широко используя опыт современной войны. Кратко обрисовав задачи артиллеристов, танкистов, авиаторов, конников, связистов, пехоты в войне, И. В. Сталин подчеркнул, что

нам необходимо перестроить нашу пропаганду, агитацию, печать. Чтобы хорошо готовиться к войне, нужно не только создать современную армию, нужно подготовиться политически.

Итак, какие же выводы вытекают из приведенных фактов? Как оценить то, что было сделано до войны, что мы собирались сделать в ближайшее время и что не успели или не сумели сделать в укреплении обороноспособности нашей Родины? Притом оценить сегодня, после всего пережитого, критически рассматривая минувшее и в то же время вновь мысленно поставив себя на порог Великой Отечественной войны.

Думается мне, что дело обороны страны в своих основных, главных чертах и направлениях велось правильно. На протяжении многих лет в экономическом и социальном отношениях делалось все или почти все, что было возможно. Что же касается периода с 1939 до середины 1941 года, то в это время народом и партией были приложены особые усилия для укрепления обороны, потребовавшие всех сил и средств.

Развитая индустрия, колхозный строй, всеобщая грамотность, единство и сплоченность наций, материально-духовная сила социалистического государства, высочайший патриотизм народа, руководство ленинской партии, готовой слить воедино фронт и тыл, — это была могучая основа обороноспособности гигантской страны, первопричина той грандиозной победы, которую мы одержали в борьбе с фашизмом.

То обстоятельство, что, несмотря на огромные трудности и потери, с 1 июля 1941 года по 1 сентября 1945 года советская промышленность произвела колоссальное количество вооружения — более 825 тысяч орудий и минометов, около 103 тысяч танков и самоходных орудий, более 134 тысяч самолетов, говорит о том, что основы экономики страны с военной, оборонной точки зрения были заложены правильно, прочно и своевременно¹.

Вновь проследив мысленным взором ход строительства Советских Вооруженных Сил начиная со времен гражданской войны, должен сказать, что в основном и здесь мы шли верным путем. Советская военная доктри-

---

¹ См.: Советская военная энциклопедия. В восьми томах. (Далее СВЭ.) М., Воениздат, 1976, т. 2, с. 66.

на, принципы воспитания и обучения войск, вооружение армии и флота, подготовка командных кадров, структура и организация вооруженных сил непрерывно совершенствовались в нужных направлениях. Всегда был исключительно высок моральный и боевой дух войск, их политическая сознательность и зрелость.

Конечно, если бы можно было заново пройти весь этот путь, кое от чего следовало бы отказаться и кое-что поправить. Но я не могу назвать какое-либо большое, принципиальное направление в строительстве наших вооруженных сил, которое стоило бы перечеркнуть, выбросить за борт, отменить. Период же с 1939 до середины 1941 года характеризовался в целом такими преобразованиями, которые дали Советской стране блестящую армию и подготовили ее к обороне.

Я свидетельствую об этом не затем, чтобы снять с себя долю ответственности за упущения того периода. Кстати говоря, каждый здравомыслящий человек понимает, что даже с позиций высокого поста начальника Генерального штаба нельзя за четыре с половиной месяца всего достигнуть. О некоторых своих ошибках я уже говорил, о других речь впереди. Мне важно другое: помочь читателю, особенно молодежи, понять истинное положение вещей.

История действительно отвела нам слишком небольшой отрезок мирного времени, для того чтобы можно было все поставить на свое место. Многие мы начали правильно и многое не успели завершить. Сказался просчет в оценке возможного времени нападения фашистской Германии. С этим были связаны недостатки в подготовке к отражению первых вражеских ударов.

Положительные факторы, о которых я говорил, действовали постоянно, разворачиваясь все шире и мощнее, в течение всей войны. Они-то и обусловили победу. Фактор отрицательный — просчет во времени — действовал, постепенно затухая, но остро усугубил объективные преимущества врага, добавил к ним преимущества временные и обусловил тем самым наше тяжелое положение в начале войны.

В 1940 году партия и правительство приняли ряд дополнительных мер по усилению обороны страны. Однако экономические возможности не позволили в столь краткие сроки полностью провести в жизнь намеченные

организационные и иные мероприятия по вооруженным силам. Война застигла страну в стадии реорганизации, перевооружения и переподготовки вооруженных сил, создания необходимых мобилизационных запасов и государственных резервов. Не замышляя войны и стремясь ее избежать, советский народ вкладывал основные силы и средства в осуществление мирных хозяйственных планов.

В период назревания опасной военной обстановки мы, военные, вероятно, не сделали всего, чтобы убедить И. В. Сталина в неизбежности войны с Германией в самое ближайшее время и доказать необходимость провести несколько раньше в жизнь срочные мероприятия, предусмотренные оперативно-мобилизационным планом.

Конечно, эти мероприятия не гарантировали бы полного успеха в отражении вражеского натиска, так как силы сторон были далеко не равными. Но наши войска могли бы вступить в бой более организованно и, следовательно, нанести противнику значительно большие потери. Это подтверждают успешные оборонительные действия частей и соединений в районах Владимир-Волынского, Равы-Русской, Перемышля и на других участках юго-западного направления.

Сейчас бытуют разные версии по поводу того, знали мы или нет конкретную дату начала и план войны.

Я не могу сказать точно, правдиво ли был информирован И. В. Сталин, действительно ли сообщалось ему о дне начала войны. Важные данные подобного рода, которые И. В. Сталин, быть может, получал лично, он мне и наркомку обороны не сообщал.

Правда, однажды он сказал мне:

— Нам один человек передает очень важные сведения о намерениях гитлеровского правительства, но у нас есть некоторые сомнения...

Возможно, речь шла о Рихарде Зорге, работавшем в аппарате германского посла в Японии, о котором я узнал лишь после войны.

Могло ли руководство Наркомата обороны своевременно вскрыть выход вражеских войск на границу СССР — непосредственно в исходные районы, откуда началось их вторжение 22 июня? В тех условиях сделать это было крайне затруднительно.

К тому же, как стало известно из трофейных карт и документов, командование немецких войск произвело сосредоточение собственно на границах в самый последний

момент, а его бронетанковые войска, находившиеся на значительном удалении, были переброшены в исходные районы только в ночь на 22 июня.

К сожалению, даже из имевшихся сообщений не всегда делались правильные выводы, которые могли бы определенно и авторитетно ориентировать высшее руководство. Вот в связи с этим некоторые документы из военных архивов.

20 марта 1941 года начальник разведывательного управления генерал Ф. И. Голиков представил руководству доклад, содержащий сведения исключительной важности.

В этом документе излагались варианты возможных направлений ударов немецко-фашистских войск при нападении на Советский Союз. Как потом выяснилось, они последовательно отражали разработку гитлеровским командованием плана «Барбаросса», а в одном из вариантов, по существу, отражена была суть этого плана.

В докладе говорилось: «Из наиболее вероятных военных действий, намечаемых против СССР, заслуживают внимания следующие:

Вариант № 3, по данным... на февраль 1941 года: «...для наступления на СССР, написано в сообщении, создаются три армейские группы: 1-я группа под командованием генерал-фельдмаршала Бока наносит удар в направлении Петрограда; 2-я группа под командованием генерал-фельдмаршала Рундштедта — в направлении Москвы и 3-я группа под командованием генерал-фельдмаршала Лееба — в направлении Киева. Начало наступления на СССР — ориентировочно 20 мая».

По сообщению нашего военного атташе от 14 марта, указывалось далее в докладе, немецкий майор заявил: «Мы полностью изменяем наш план. Мы направляемся на восток, на СССР. Мы заберем у СССР хлеб, уголь, нефть. Тогда мы будем непобедимыми и можем продолжать войну с Англией и Америкой...»

Наконец, в этом документе со ссылкой на сообщение военного атташе из Берлина указывается, что «начало военных действий против СССР следует ожидать между 15 мая и 15 июня 1941 года».

Однако выводы из приведенных в докладе сведений, по существу, снимали все их значение и вводили И. В. Сталина в заблуждение. В конце своего доклада генерал Ф. И. Голиков писал:

«1. На основании всех приведенных выше высказываний и возможных вариантов действий весной этого года считаю, что наиболее возможным сроком начала действий против СССР будет являться момент после победы над Англией или после заключения с ней почетного для Германии мира.

2. *Слухи и документы, говорящие о неизбежности весной этого года войны против СССР, необходимо расценивать как дезинформацию, исходящую от английской и даже, может быть, германской разведки*. (Курсив мой.—Г. Ж.)

6 мая 1941 года И. В. Сталину направил записку народный комиссар Военно-Морского Флота адмирал Н. Г. Кузнецов:

«Военно-морской атташе в Берлине капитан 1 ранга Воронцов доносит: ...что, со слов одного германского офицера из ставки Гитлера, немцы готовят к 14 мая вторжение в СССР через Финляндию, Прибалтику и Румынию. Одновременно намечены мощные налеты авиации на Москву, Ленинград и высадка парашютных десантов в приграничных центрах...»

Данные, изложенные в этом документе, также имели исключительную ценность. Однако выводы адмирала Н. Г. Кузнецова не соответствовали приводимым им же фактам и дезинформировали И. В. Сталина.

«*Полагаю, — говорилось в записке Н. Г. Кузнецова, — что сведения являются ложными и специально направлены по этому руслу с тем, чтобы проверить, как на это будет реагировать СССР*». (Курсив мой.—Г. Ж.)

Такого же характера информация поступала от посла СССР в Германии Деканозова. Он не только направлял И. В. Сталину через соответствующие органы сведения об отсутствии угрозы нападения, но накануне войны решил приехать в Берлин семьям многих сотрудников полпредства и торгпредства, которые в ночь на 22 июня были арестованы. И. В. Сталин доверился ложным сведениям, которые поступали из соответствующих органов.

Знало ли руководство Наркомата обороны и Генерального штаба об информации, которую И. В. Сталин получал по этой линии? Маршал С. К. Тимошенко после войны уверял меня, что он лично ничего не знал. Как начальник Генерального штаба, я также свидетельствую, что не был поставлен об этом в известность.

С первых послевоенных лет и по настоящее время кое-где в печати бытует версия о том, что накануне войны нам якобы был известен план «Барбаросса», направление главных ударов, ширина фронта развертывания немецких войск, их количество и оснащенность. При этом ссылаются на известных советских разведчиков — Рихарда Зорге, а также многих других лиц из Швейцарии, Англии и ряда других стран, которые якобы заранее сообщили эти сведения. Однако будто бы наше политическое и военное руководство не только не вникло в суть этих сообщений, но и отвергло их.

Позволю со всей ответственностью заявить, что это чистый вымысел. Никакими подобными данными, насколько мне известно, ни Советское правительство, ни нарком обороны, ни Генеральный штаб не располагали.

...Напряжение нарастало. И чем ближе надвигалась угроза войны, тем напряженнее работало руководство Наркомата обороны. Руководящий состав наркомата и Генштаба, особенно маршал С. К. Тимошенко, в то время работал по 18—19 часов в сутки, часто оставаясь в рабочих кабинетах до утра.

13 июня С. К. Тимошенко в моем присутствии позвонил И. В. Сталину и просил разрешения дать указание о приведении войск приграничных округов в боевую готовность и развертывании первых эшелонов по планам прикрытия.

— Подумаем, — ответил И. В. Сталин.

На другой день мы были у И. В. Сталина и доложили ему о тревожных настроениях и необходимости приведения войск в полную боевую готовность.

— Вы предлагаете провести в стране мобилизацию, поднять сейчас войска и двинуть их к западным границам? Это же война! Понимаете вы оба это или нет?

Затем И. В. Сталин все же спросил:

— Сколько дивизий у нас расположено в Прибалтийском, Западном, Киевском и Одесском военных округах?

Мы доложили, что всего в составе четырех западных приграничных военных округов к 1 июля будет 149 дивизий и 1 отдельная стрелковая бригада. Из этого количества в составе:

Прибалтийского округа — 19 стрелковых, 4 танковые, 2 моторизованные дивизии, 1 отдельная бригада;

Западного округа — 24 стрелковые, 12 танковых, 6 моторизованных, 2 кавалерийские;

Киевского округа—32 стрелковые, 16 танковых, 8 моторизованных, 2 кавалерийские;

Одесского округа—13 стрелковых, 4 танковые, 2 моторизованные, 3 кавалерийские.

— Ну вот, разве этого мало? Немцы, по нашим данным, не имеют такого количества войск,—сказал И. В. Сталин.

Я доложил, что, по разведывательным сведениям, немецкие дивизии укомплектованы и вооружены по штатам военного времени. В каждой их дивизии имеется от 14 до 16 тысяч человек. Наши же дивизии даже 8-тысячного состава практически в два раза слабее немецких.

И. В. Сталин заметил:

— Не во всем можно верить разведке...

Во время нашего разговора с И. В. Сталиным в кабинет вошел его секретарь А. Н. Поскребышев и доложил, что звонит Н. С. Хрущев из Киева. И. В. Сталин взял трубку. Из ответов мы поняли, что разговор шел о сельском хозяйстве.

— Хорошо,—улыбаясь, сказал И. В. Сталин.

Видимо, Н. С. Хрущев в радужных красках докладывал о хороших перспективах на урожай...

Ушли мы из Кремля с тяжелым чувством.

Я решил пройтись немного пешком. Мысли мои были невеселые. В Александровском саду возле Кремля беспечно резвились дети. Вспомнил я и своих дочерей и как-то особенно остро почувствовал, какая громадная ответственность лежит на нас за всех ребят, за их будущее, за страну в целом.

Каждое мирное время имеет свои черты, свой колорит и свою прелесть. Но мне хочется сказать доброе слово о времени предвоенном. Оно отличалось неповторимым, своеобразным подъемом настроения, оптимизмом, какой-то одухотворенностью и в то же время деловитостью, скромностью и простотой в общении людей. Хорошо, очень хорошо мы начинали жить!

И какой экономист, философ или писатель сможет достоверно обрисовать, как расцвела бы наша страна сегодня, как далеко мы ушли бы вперед, не прерви война широкое, мирное и могучее течение тех лет...

Я говорил уже о том, какие меры принимались, чтобы не дать повода Германии к развязыванию военного конфликта. Нарком обороны, Генеральный штаб и командующие военными приграничными округами были предупре-

ждены о личной ответственности за последствия, которые могут возникнуть из-за неосторожных действий наших войск. Нам было категорически запрещено производить какие-либо выдвижения войск на передовые рубежи по плану прикрытия без личного разрешения И. В. Сталина.

Нарком обороны С. К. Тимошенко рекомендовал командующим войсками округов проводить тактические учения соединений в сторону государственной границы, с тем чтобы подтянуть войска ближе к районам развертывания по планам прикрытия. Эта рекомендация наркома обороны проводилась в жизнь округами с одной существенной оговоркой: в них не принимала участия значительная часть артиллерии.

Дело в том, что дивизионная, корпусная и зенитная артиллерия в начале 1941 года еще не проходила боевых стрельб и не была подготовлена для решения боевых задач. Поэтому командующие округами приняли решение направить часть артиллерии на полигоны для испытаний. В результате некоторые корпуса и дивизии войск прикрытия при нападении фашистской Германии оказались без значительной части своей артиллерии.

Вечером 21 июня мне позвонил начальник штаба Киевского военного округа генерал-лейтенант М. А. Пуркаев и доложил, что к пограничникам явился перебежчик — немецкий фельдфебель, утверждающий, что немецкие войска выходят в исходные районы для наступления, которое начнется утром 22 июня.

Я тотчас же доложил наркому и И. В. Сталину то, что передал М. А. Пуркаев.

— Приезжайте с наркомом в Кремль, — сказал И. В. Сталин.

Захватив с собой проект директивы войскам, вместе с наркомом и генерал-лейтенантом Н. Ф. Ватутиным мы поехали в Кремль. По дороге договорились во что бы то ни стало добиться решения о приведении войск в боевую готовность.

И. В. Сталин встретил нас один. Он был явно озабочен.

— А не подбросили ли немецкие генералы этого перебежчика, чтобы спровоцировать конфликт? — спросил он.

— Нет, — ответил С. К. Тимошенко. — Считаем, что перебежчик говорит правду.

Тем временем в кабинет И. В. Сталина вошли члены Политбюро. Сталин коротко проинформировал их.

— Что будем делать? — спросил И. В. Сталин.

Ответа не последовало.

— Надо немедленно дать директиву войскам о приведении всех войск приграничных округов в полную боевую готовность, — сказал нарком.

— Читайте! — сказал И. В. Сталин.

Я прочитал проект директивы. И. В. Сталин заметил:

— Такую директиву сейчас давать преждевременно, может быть, вопрос еще уладится мирным путем. Надо дать короткую директиву, в которой указать, что нападение может начаться с провокационных действий немецких частей. Войска приграничных округов не должны поддаваться ни на какие провокации, чтобы не вызвать осложнений.

Не теряя времени, мы с Н. Ф. Ватутиным вышли в другую комнату и быстро составили проект директивы наркома.

Вернувшись в кабинет, попросили разрешения доложить.

И. В. Сталин, прослушав проект директивы и сам еще раз его прочитав, внес некоторые поправки и передал наркому для подписи.

Ввиду особой важности привожу эту директиву полностью:

«Военным советам ЛВО, ПриБОВО, ЗапОВО, КОВО, ОдВО.

Копия: Народному комиссару Военно-Морского Флота.

1. В течение 22—23.6.41 г. возможно внезапное нападение немцев на фронтах ЛВО, ПриБОВО, ЗапОВО, КОВО, ОдВО. Нападение может начаться с провокационных действий.

2. Задача наших войск — не поддаваться ни на какие провокационные действия, могущие вызвать крупные осложнения. Одновременно войскам Ленинградского, Прибалтийского, Западного, Киевского и Одесского военных округов быть в полной боевой готовности, встретить возможный внезапный удар немцев или их союзников.

3. Приказываю:

а) в течение ночи на 22.6.41 г. скрытно занять огневые точки укрепленных районов на государственной границе;

б) перед рассветом 22.6.41 г. рассредоточить по полевым аэродромам всю авиацию, в том числе и войсковую, тщательно ее замаскировать;

в) все части привести в боевую готовность. Войска держать рассредоточенно и замаскированно;

г) противовоздушную оборону привести в боевую готовность без дополнительного подъема приписного состава. Подготовить все мероприятия по затемнению городов и объектов;

д) никаких других мероприятий без особого распоряжения не проводить.

Тимошенко. Жуков.

21.6.41 г.».

С этой директивой Н. Ф. Ватутин немедленно выехал в Генеральный штаб; чтобы тотчас же передать её в округа. Передача в округа была закончена в 00.30 минут 22 июня 1941 года. Копия директивы была передана наркомму Военно-Морского Флота.

Испытывая чувство какой-то сложной раздвоенности, возвращались мы с С. К. Тимошенко от И. В. Сталина.

С одной стороны, как будто делалось все зависящее от нас, чтобы встретить максимально подготовленными надвигающуюся военную угрозу: проведен ряд крупных организационных мероприятий мобилизационно-оперативного порядка; по мере возможности укреплены западные военные округа, которым в первую очередь придется вступить в схватку с врагом; наконец, сегодня получено разрешение дать директиву о приведении войск приграничных округов в боевую готовность.

Но, с другой стороны, немецкие войска завтра могут перейти в наступление, а у нас ряд важнейших мероприятий еще не завершен. И это может серьезно осложнить борьбу с опытным и сильным врагом. Директива, которую в тот момент передавал Генеральный штаб в округа, могла запоздать.

Давно стемнело. Заканчивался день 21 июня. Доехали мы с С. К. Тимошенко до подъезда наркомата молча, но я чувствовал, что и наркома обуревают те же тревожные мысли. Выйдя из машины, мы договорились через десять минут встретиться в его служебном кабинете.

Содержание

<i>Глава первая.</i>	Детство и юность	9
<i>Глава вторая.</i>	Служба солдатская	46
<i>Глава третья.</i>	Участие в гражданской войне	63
<i>Глава четвертая.</i>	Командование полком и бригадой	101
<i>Глава пятая.</i>	В Инспекции кавалерии РККА. 4-я кавалерийская дивизия Первой Конной армии	138
<i>Глава шестая.</i>	3-й и 6-й конные корпуса Белорусского военного округа	178
<i>Глава седьмая.</i>	Необъявленная война на Халхин-Голе	191
<i>Глава восьмая.</i>	Командование Киевским особым военным округом	224
<i>Глава девятая.</i>	Накануне Великой Отечественной войны	245

МАРШАЛ Г. К. ЖУКОВ
ВОСПОМИНАНИЯ И РАЗМЫШЛЕНИЯ

Том 1

Редакторы А. Д. МИРКИНА, В. Н. ВИТЮТИНА

Художник Е. В. ШВОРАК

Оформление обложки В. В. АНОХИНА

Художественное редактирование

В. Г. ПРОХОРОВА и И. А. КИРСАНОВОЙ

Фоторедакторы О. М. КУРИСЬКО, З. М. МИКОША, З. М. ЗЕЛЬМА

Редактор карт В. М. СОКОЛОВ

Технический редактор Л. А. КРЮКОВА

Корректор Л. П. АГАФОНОВА

Технолог Л. С. ТУМАКОВА

ИБ 9042

Сдано в набор 20.09.84. Подписано в печать 17.07.86. А 11616.

Формат издания 84 х 108/32. Бумага типографская № 1.

Гарнитура таймс. Высокая печать. Усл. печ. л. 18,9. Уч.-изд. л. 20,5.

Тираж 400 000 экз. (3-й завод 200 001—300 000 экз.) Заказ № 1551. Изд. № 7402.

Цена 1 р. 50 к.

Издательство Агентства печати Новости
107082, Москва, Б. Почтовая ул., 7.

Типография Издательства Агентства печати Новости
107005, Москва, ул. Ф. Энгельса, 46.

1 р. 50к.

